

Р.Ф. БАЯЗИТОВ

**АВТОРИТАРНЫЙ СТЕРЕОТИП:
сущность и проявления в
социальных взаимодействиях**

Нижекамск 2006

Министерство образования Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Нижекамский муниципальный институт

Р.Ф. Баязитов

Авторитарный стереотип:
сущность и проявления в
социальных взаимодействиях

Монография

Нижекамск
Издательство НМИ
2006

УДК 159.9:316.77

ББК 88.5

Б 34

Рекомендовано в печать Редакционно-издательским советом
Нижекамского муниципального института

Рецензенты:

Б.С. Алишев – доктор психологических наук, профессор,

С.А. Потапова – кандидат социологических наук

Баязитов Р.Ф.

Б34 Авторитарный стереотип: сущность и проявления в социальных взаимодействиях /Р.Ф. Баязитов. – Нижнекамск : Изд-во НМИ, 2006. – 175 с.

ISBN 5-89820-057-6

В монографии исследуется феномен авторитарного стереотипа (и авторитарность как связанное с ним личностное свойство). Рассматриваются его проявления на трех разных уровнях социальных взаимодействий: политическом, организационном, межличностном. Теоретическим и эмпирическим путем показано, что авторитарный стереотип является превращенной формой иерархического идеала и компенсаторно, на уровне ментальности, выполняет функцию поддержания иерархического принципа организации социальных взаимодействий.

Для специалистов в области психологии и смежных с нею наук, всех, кто интересуется данной проблематикой.

ББК 88.5

ISBN 5-89820-057-6

© Р.Ф. Баязитов, 2006

© Изд-во НМИ, 2006

ББК 88.5
Б 34

Рекомендовано в печать Редакционно-издательским советом
Нижекамского муниципального института

Рецензенты:

Б.С. Алишев – доктор психологических наук, профессор,
С.А. Потапова – кандидат социологических наук

Баязитов Р.Ф.

Б 34 **Авторитарный стереотип: сущность и проявления в социальных взаимодействиях.** – Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2006. – 175 с.

ISBN 5-89820-057-6

В монографии исследуется феномен авторитарного стереотипа (и авторитарность как связанное с ним личностное свойство). Рассматриваются его проявления на трех разных уровнях социальных взаимодействий: политическом, организационном, межличностном. Теоретическим и эмпирическим путем показано, что авторитарный стереотип является превращенной формой иерархического идеала и компенсаторно, на уровне ментальности, выполняет функцию поддержания иерархического принципа организации социальных взаимодействий.

Для специалистов в области психологии и смежных с нею наук, всех, кто интересуется данной проблематикой.

ББК 88.5

ISBN 5-89820-057-6

© Р.Ф. Баязитов
© Изд-во НМИ, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА СТЕРЕОТИПА И СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ....	7
1.1. Сущность социального стереотипа.....	7
1.2. Соотношение понятий «социальный стереотип» и «соци- альная установка».....	21
1.3. Социокультурные и ментальные корни социальных сте- реотипов.....	32
ГЛАВА II. СУЩНОСТЬ АВТОРИТАРНОГО СТЕРЕОТИПА...	46
2.1. Проблема авторитарности личности в современной науке...	46
2.2. Специфика авторитарной стереотипизации в менталитете русской молодежи.....	65
ГЛАВА III. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫРАЖЕННОСТИ АВТОРИТАРНОГО СТЕРЕОТИПА У РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	78
3.1. Методика исследования.....	78
3.2. Уровень авторитарности по выборке и по отдельным груп- пам испытуемых.....	90
3.3. Авторитарный стереотип и особенности мировосприятия личности (результаты тестирования по методике ТАТ).....	100
3.4. Связь авторитарности личности с тенденцией к доминиро- ванию-зависимости (результаты тестирования по методике ДМО).....	112
3.5. Связь авторитарного стереотипа с особенностями структу- ры ценностей личности.....	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	140
БИБЛИОГРАФИЯ.....	144
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	160

ВВЕДЕНИЕ

Одна из проблем России – наличие давно устоявшейся авторитарной культуры социальных взаимодействий. Она существует, в первую очередь, на уровне межличностных взаимодействий, то есть является нормой бытовых контактов миллионов людей друг с другом.

Авторитарный (франц. *autoritaire* – властный, от латинского *auctoritas* – власть, влияние) определяется в БСЭ как «основанный на беспрекословном подчинении власти, притязающий на авторитет; стремящийся утвердить свою власть, влияние». Личности с авторитарной доминантой мировосприятия свойственно поведение, основанное на убеждении, что в мире существуют статусные и властные различия, что использование власти является необходимым и важнейшим элементом функционирования любого сообщества. Ей свойственна, с одной стороны, нетерпимость к тем, кто обладает более низким статусом, с другой стороны, готовность подчиняться людям, наделенным властью, или доминирующим социальным институтам, их представителям.

Вопросы феноменологии, генезиса и детерминации авторитарности традиционно исследуются в русле концепции авторитарной личности – совокупности теоретических представлений об особом личностном типе, создающем психологическую основу для тоталитарных режимов. Эта проблематика интенсивно разрабатывалась представителями психоанализа (А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни), теоретиками Франкфуртской школы (в частности, над ней работали М. Хоркхаймер, Т. Адорно и Г. Маркузе). Ставшее классическим исследование авторитарного синдрома было осуществлено в конце 40-х годов прошлого века Т. Адорно с сотрудниками (Э. Френкель-Брюнсвик, Д. Левинсон и Р. Сэнфорд). Объясняя происхождение авторитарности, они придерживались психоаналитической традиции. Идеи Т. Адорно получили развитие в исследованиях Б. Альтемейера, который в основу своей теории положил анализ когнитивных факторов и

предложил исключить некоторые, на его взгляд, несущественные характеристики авторитарной личности. Одной из наиболее значительных современных теорий авторитарной личности является концепция Дж. Даккитта, который в конце 80-х годов предложил новую интерпретацию авторитаризма, рассматривая его как аспект идентификации с группой и групповой сплоченности.

В отечественной психологии как самостоятельное направление исследовательской работы проблема авторитарной личности только начинает формироваться. В 1990 году опубликованы результаты кросскультурного исследования авторитарной личности в СССР и США, в котором приняли участие российские психологи М.А. Абалакина и В.С. Агеев, Различные аспекты проблемы авторитарности разрабатывались также А.С. Дмитриевым, Н.А. Дьяконовой, А.И. Розовым, В.А. Самойловой, В.В. Юртайкиным.

Авторитарности как личностной характеристике, проявляющейся на уровне политических или организационных взаимодействий, исследователями уделяется гораздо больше внимания, чем на межличностном уровне. В политическом аспекте авторитарность изучается в работах по проблеме авторитарной личности, политического лидерства. Организационный аспект рассматривается в работах по стилю лидерства и руководства. Современные исследования власти на межличностном уровне носят преимущественно прикладной характер: изучаются детско-родительские отношения, взаимоотношения супружеских пар, военнослужащих, осужденных и др.

Между тем на межличностном уровне проявляет себя общая тенденция иерархизации отношений, наблюдаемая в общностях различного масштаба и уровня. На этом уровне авторитарность проявляется в стремлении индивида во что бы то ни стало добиться доминирующего положения в группе, занять максимально возможную позицию в структуре власти, самоутвердиться, продемонстрировав превосходство над окружающими. Можно привести множество примеров авто-

ритарного общения в повседневном взаимодействии – в быту, в формальном и неформальном общении на работе, в школе, на улице. «Молодые люди, для которых чрезвычайно важной и имеющей возрастное объяснение проблемой является самоутверждение (...), и которые не имеют еще возможности самореализации в разнообразных сферах жизнедеятельности, направляют свою активность на взаимодействия в собственной возрастной среде и стремятся так или иначе в ней доминировать» (Б.С. Алишев, 2001).

В современных условиях, характеризующихся неопределенностью социальных ценностей и идеалов, нормативных моделей восприятия и поведения, возрастает важность изучения неявных, бессознательных регуляторов, функционирующих на уровне ментальности и существующих в форме устойчивых передающихся из поколения в поколение стереотипов. К их числу относится и «авторитарный синдром». В прикладном плане актуальность таких исследований обусловлена потребностями социального развития России в целом, так как характерные для ее населения ментальные традиции и стереотипы оказывают и будут оказывать (как и в рамках любой другой культуры) сильное влияние на ее экономическую, политическую, социальную и культурную жизнь.

С этих позиций становится очевидной необходимость дальнейшей разработки проблемы авторитарного стереотипа, изучения его выраженности в ментальности людей, в том числе молодых. Именно молодые люди интересуют нас более всего, потому что особенности их менталитета более всего будут влиять на будущее страны.

Все вышесказанное ставит проблему специфики авторитарного стереотипа в российских условиях, степени его выраженности в молодых возрастных группах, его связи с различными психологическими свойствами личности.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА СТЕРЕОТИПА И СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Сущность социального стереотипа

Термин «стереотип» был введен в социальные науки более 70 лет назад американским публицистом и исследователем У. Липпманом при разработке им концепции общественного мнения [64]. В его метафорическом определении стереотипы были представлены как «картинки в голове человека», которые экономят усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают ценности личности, социальные позиции и права. По его мнению, в обыденной жизни человек не всегда располагает всей необходимой информацией для формирования собственного мнения о событиях. Это вынуждает личность прибегать к шаблонным интеллектуальным решениям. У. Липпман обратил внимание не только на социально-психологические особенности исследуемого феномена, но указал также на некоторые закономерности его формирования и функционирования. Стереотипизированные формы социального восприятия трактовались им как явления, детерминированные моральными нормами и политической пропагандой. Рассматривая проблему истинности-ложности стереотипов, У. Липпман трактовал их как избирательный и неточный способ познания, ведущий к упрощению действительности. Его теория была с интересом воспринята не только в США, но и в Западной Европе. Уже в 60-70-е годы выявилось несколько направлений исследования социальных стереотипов.

В современной социальной психологии социальные стереотипы определяются как обобщенные, устойчивые, шаблонные, эмоционально насыщенные, связанные с социальными ценностями и мало зависимые от эмпирического познания представления о социальных объектах, которые усваиваются индивидом в процессе социальных взаимодействий, слабо

рефлексируются и могут автоматически воспроизводиться иногда на протяжении всей жизни (в переводе с греческого «стереотип» означает «твердый отпечаток»). Стереотипы обычно определяются как распространенные убеждения об атрибутивных личностных характеристиках [61, с.139]. Социальный стереотип относится к разновидностям обыденных представлений и, как правило, имеет неадекватную меру обобщенности существенных признаков социального объекта, их неполный или избыточный набор. Поэтому распространенность стереотипного представления не делает его отражением истинных свойств объектов.

Стереотипизация – это психологический механизм реализации стереотипа, «приписывание познаваемой личности «целых «наборов» определенных качеств на основе отнесения ее по увиденным в ней отдельным качествам к какому-то классу лиц» [27, с.129]. В современной психологии процесс стереотипизации (стереотипизирования) и сами стереотипы понимаются более широко, как механизм упрощения восприятия субъектом не только отдельных личностей и групп, но и различных социальных явлений и процессов вообще. Так, И.С. Кон пишет: «...стереотипизирование состоит в том, что сложное индивидуальное явление механически подводится под простую общую формулу или образ, характеризующие (правильно или ложно) класс таких явлений» [55, с.272].

В центре внимания исследователей стереотипа сейчас находятся проблемы классификации и категоризации человеком действительности, стандартного объяснения им сложных явлений социальной жизни. Если абстрагироваться от ценностных и эмоциональных компонентов стереотипа, то можно считать, что процесс порождения стереотипов является частным случаем процесса социальной категоризации. Взаимосвязь этих процессов очень важна, и мы обратимся к этому вопросу чуть позже.

К стереотипу имеет отношение понятие «прототип», обозначающее специфический способ хранения информации о социальных объектах. Прототип – это наиболее типичный

представитель категории [61, с.134]. Остальные же члены входят в категорию по принципу воспринимаемой схожести на прототип. В отличие от стереотипа, в прототипе зафиксировано множество характеристик, свойственных не большинству членов группы, а лишь определенному ее члену, которого отличают как типичного. Прототип имеет свойства, сближающие его со стереотипом. В частности, он может так же, как стереотип, при определенных обстоятельствах упорядочивать или искажать информацию о социальном или ином объекте [15, с.108–110].

Для обозначения понятийного контекста, в котором могут быть рассмотрены стереотипы, исследователи иногда обращаются к понятию «схема» [57, с.150-154]. Схемы – это универсальный способ хранения и структурирования информации. Этот термин, введенный Д.Е. Румельхарт [177], разрабатывался в когнитивной психологии, а в рамках социальной психологии используется в особом понимании, обусловленном спецификой социальной науки. В психологическом смысле схема является когнитивной структурой, которая представляет собой организованное знание о том или ином понятии, объекте, социальной категории и оказывает влияние на его восприятие, понимание и оценку [61, с.135-136]. Содержание понятия «социальный стереотип» пересекается с границами, заданными понятием схемы, однако характерными для стереотипов признаками являются их разделяемость большинством членов группы и тесная связь с эмоциями и ценностями.

Как особую разновидность, в отличие от стереотипов восприятия, выделяют стереотипы поведения, которые выполняют роль программ поведения, реализующихся в конкретных обрядах, обычаях, этикете, труде, отдыхе, праздниках, способах воспитания, ухода, оскорбления, наказания и т.д. [107]. В этой связи часто используется понятие скрипта [37]. Теория скриптов нацелена на описание автоматичности, характерной для поведения человека. Скрипт – это схема, содержащая информацию о нормативной цепи последователь-

ных действий, адекватных в данной ситуации и организованных в соответствии с определенной целью [37, с.69-74]. Скрипты используются индивидом для упорядочения собственного поведения и для социального познания – предсказания или интерпретации поведения другого человека. Пример скрипта – скрипт «посещение ресторана», предполагающий нормативно заданную последовательность действий. «Скрипт» по своему смыслу сближается с термином «сценарий» и в форме разделяемых представлений выступает как стереотип поведения или совокупность таких стереотипов.

Стереотипы разделяют на автостереотипы (описывающие собственную группу) и гетеростереотипы (описывающие другую группу) [131, с.115]. Особенностью первых является стремление общности внести в их содержание черты идеала собственной группы, подчеркнуть наиболее самобытные черты [185]. Таким образом, автостереотипы часто оказываются идеализированными, а в гетеростереотипах присутствует большая мера критичности.

Среди стереотипов наиболее распространены те, которые связаны с различными группами членства. К ним относятся прежде всего этнические [60], гендерные [6; 103], расовые [156] стереотипы. В рамках других классификаций выделяют позитивные стереотипы, связанные с одобрением стереотипизируемой группы и приписыванием ей социально ценных качеств, негативные, отражающие неприятие группы и амбивалентные стереотипы, сочетающие отрицательное и положительное отношение [60; 166].

Стереотип, будучи психологическим и одновременно социальным явлением, в определенном смысле является объективным знанием, поскольку формируется в общественном сознании и закрепляется в нем. В то же время, стереотипы могут вносить искажения в восприятие реальности, обуславливая иногда устойчивое негативное отношение к представителям чужих групп (национальных, гендерных, профессиональных и др.). Психологическая сложность и этическая неоднозначность феномена социального стереотипа определяют

разноречивость описания его характеристик в науке.

В дискуссиях по поводу адекватности-неадекватности стереотипа долгое время придерживались мнения о нем, как вносящем искажения в процесс познания. Многие ученые (например, Г. Оллпорт [141, с.170-171], Т. Адорно [10, с.60]) считали стереотип ригидным, упрощенным, а потому примитивным отражением действительности, свойственным предубежденной, авторитарной личности. Пытаясь изменить ситуацию с оценкой корректности стереотипных представлений, О. Клайнберг в середине прошлого столетия выдвинул гипотезу о «зерне истины» в стереотипе, полагая, что в нем содержится больше истинного знания о социальном объекте, чем ложного [164]. Американский психолог У. Вайнэки [187] предложил перенести акцент на субъективную и социальную значимость стереотипа. Он подчеркнул, что главной особенностью последнего является не истинность знания, а убежденность в ней и связь со знаниями других людей, стандартизованность.

Уже на первых этапах исследований проблемы зарубежные ученые пытались выделить характерные черты стереотипа. В своей обзорной работе П.И. Шихирев обобщил результаты первых зарубежных исследований стереотипа, придя к следующим выводам: «Когда о понятии говорят как о стереотипе, то подразумевается, что оно: 1) скорее простое, нежели сложное или дифференцированное; 2) скорее ошибочное, нежели точное; 3) что оно было усвоено скорее от других, нежели получено в непосредственном опыте с действительностью, которое оно предположительно представляет; 4) оно устойчиво к воздействию нового опыта» [129, с.169]. В более поздних исследованиях социальные психологи обращали преимущественное внимание на уточнение структурно-функциональной организации стереотипов, их генезиса, связи с социальными установками.

С 1930-х до 1950-х годов наибольшее внимание было уделено проблеме происхождения стереотипов [81, с.31], объяснению их преимущественно на индивидуальном уровне,

предпринимались попытки включения в анализ аспектов, затрагивающих межгрупповые отношения. Наиболее влиятельными исследованиями этого периода стали теория фрустрации-агрессии Д. Долларда и концепция авторитарной личности Т. Адорно.

Д. Доллард и его коллеги [149] предположили, что негативные стереотипы и предрассудки являются следствием агрессии, которая возникает из фрустрации индивида, при недостижении высокожелательных целей. Идея смещенной агрессии была применена ими для объяснения фактов предубеждений и дискриминации в политических взаимоотношениях. Теория фрустрации-агрессии впоследствии уточнялась, поскольку, как показали другие исследования, фрустрация не всегда ведет к агрессии; кроме того, агрессия часто имеет место и без предшествующей ей фрустрации [148].

Т. Адорно с сотрудниками (Э. Френкель-Брюнsvик, Д.Дж. Левинсон и Р.Н. Сэнфорд) [10; 140] выделяли склонность к стереотипам в качестве одной из наиболее характерных особенностей авторитарной личности. Расположенность к стереотипам они считали формой ограниченности личности, особенно в психологических и социальных вопросах: «...люди в современном обществе – даже в целом достаточно «умные» или «информированные» – потому хватаются за примитивные и упрощенные объяснения происходящего, что из размышлений исключаются необходимые для адекватной интерпретации мысли и наблюдения только потому, что они аффективно нагружены и способны вызвать страх; слабое «Я» не в состоянии включить их в свою мыслительную схему» [10, с.60]. Стереотипы, по мнению Т. Адорно, дают индивиду нарциссическое удовлетворение, создавая положительный образ своей группы и по контрасту – закрепляя негативное мнение о чужой группе [10, с.118-119].

К концу 1960-х годов в объяснении природы стереотипа стал преобладать социально-когнитивный подход, объясняющий стереотипы и стереотипизацию из закономерностей процесса познания: акцент делается на процессах восприятия

и категоризации социальной действительности. Г. Тажфел [184] поставил проблему категоризации как психологического механизма формирования стереотипов. Категоризация, являясь способом построения образа внешнего мира, ориентирует личность в собственных качествах, позволяя найти ей место в ряду выстроенных определений. По его мнению, социальный стереотип, опирающийся на категоризацию, выступает главным механизмом формирования групповых отличий и, следовательно, личностной идентификации, а основным детерминантом стереотипизации является стремление к позитивной социальной идентичности. Категоризация связана с социальным сравнением – это эмоционально и ценностно-насыщенный процесс сопоставления значимых параметров своей группы с чужими. В целом же социальная категоризация и социальное сравнение способствуют обнаружению индивидом собственной идентичности.

Г. Тажфел указывал на две основные функции социальных стереотипов, реализуемые на индивидуальном уровне и две функции социального плана. На индивидуальном уровне он выделял когнитивную функцию, представляющую собой упрощение, схематизацию образа действительности и ценностно-защитную, направленную на формирование и стабилизацию позитивного образа своего «Я». На социальном уровне стереотип выполняет функции формирования идеологии и положительного образа группы («Мы» – образа) [185]. Таким образом, стереотип является универсальным регулятором, а стереотипизация – универсальным механизмом, поддерживающими тенденции положительной оценки собственной личности и своей группы.

Г.М. Андреева, анализируя специфику социального восприятия, обусловленную категоризацией, подчеркивает, что человек реконструирует в своих представлениях воспринимаемую реальность, создавая и развивая модели. «Начиная с работ Дж. Брунера», – пишет она, – «социальное восприятие трактуется именно как социальное познание, поскольку акцент делается на особенности процесса категоризации соци-

альных объектов, служащей средством не просто восприятия, но интерпретации поведения другого человека. Восприятие при этом становится не просто «репрезентацией», но построением «модели мира», так как предполагает умозаключение, то есть некоторую ментальную «конструкцию» [14, с.16].

Одна из теорий, идеи которой были использованы для объяснения социальных стереотипов и получили распространение в социальной психологии на протяжении 1970-х годов, – теория каузальной атрибуции. Это направление, основоположниками которого являются американские ученые Ф. Хайдер и Г. Келли, ориентируется на анализ причинного объяснения индивидом поведения другого человека в условиях недостаточности информации. В обыденной жизни человек стремится к формированию непротиворечивой и связной картины мира и в этом процессе у него вырабатывается «жизненная психология» – попытки объяснить для себя причины поведения другого человека [158].

В условиях неопределенности средством причинного объяснения выступает приписывание, то есть информация дополняется за счет умозаключений субъекта познания. «Атрибутивная теория является теорией, которая пытается объяснить, как люди дают логические объяснения ответов на вопросы, начинающиеся с «почему» [49, с.127], – писал Г. Келли, раскрывая сущность данного направления исследований.

В современных исследованиях взаимосвязи стереотипизации и каузальной атрибуции рассматриваются закономерности, связанные с когнитивной переработкой информации, когда субъект ставит задачу раскрытия внутренних причин и внешних факторов наблюдаемого поведения [160; 161]. Обнаружено, в частности, что стереотипному поведению приписываются диспозиционные причины, а поведению, не соответствующему стереотипам – ситуативные факторы [161]. «Зарубежными авторами верно подмечено, – писал В.П. Трусков, – что сильная потребность в опознании целост-

ной каузальной единицы побуждает человека не удовлетворяться полученной (и всегда недостаточной для уверенного вывода) информацией, а восполнять до наиболее подходящей каузальной схемы. Поиск прекращается при достижении удовлетворительного, а не лучшего результата, и человек не столько познает, сколько приписывает причины поведения другому человеку» [118. с.154].

Значение исследований по каузальной атрибуции состоит в том, что они формализуют различные ходы мысли субъекта и раскрывают типичные для обыденного сознания ошибки, которые американский социальный психолог Л. Росс назвал фундаментальными ошибками атрибуции. Последние представляют собой склонность людей игнорировать ситуационные причины поведения и его результаты в пользу диспозиционных [99, с.148-149].

Тему разделяемых когний исследуют ученые, работающие в русле концепции социальных представлений, получившей развитие прежде всего в научных поисках французской социально-психологической школы С. Московичи и его последователей. Это перспективное направление в сферу своих научных интересов включает макросоциальные процессы, как контекст, и непосредственное общение индивидов, как социально-психологический механизм формирования обыденного сознания. Согласно С. Московичи, социальное представление является универсальной формой обыденного познания и включает в себя идеи, объяснения, образы и знания, которые коллективно разделяются членами общности [79]. Социальное представление является формой обыденного познания и представляет собой упрощение, которое помогает человеку освоить и осмыслить окружающий мир и облегчает общение.

Социальные стереотипы как предмет научного анализа вполне органично находят области пересечения с таким конструктом, как социальные представления. Как показал Т.А. ван Дейк [186], стереотипы, являясь продуктами социального мышления, воспроизводятся в обществе через дис-

курс. Понятие дискурса он интерпретирует и как форму использования языка, и как определенную форму социального взаимодействия [186, с.165].

В теории С. Московичи и его последователей стереотипы рассматриваются как часть социальных представлений, отмечается связь социальных представлений и стереотипов с эмоциями [152], подчеркивается влияние культуры на стереотипы и их коллективный характер [168]. Так, развивая теорию социальных представлений, А. Эчебаррия с коллегами [152], основываясь на предшествующих работах, определили обобщенную структуру социальных представлений, включив в них, как неотъемлемые элементы, атрибуты, социальные установки, эмоции и стереотипы, связанные с объектом представления.

Проблемой социальных стереотипов активно занимался ряд отечественных ученых: социологов и социальных психологов. Одной из первых работ по данной проблеме была обзорная статья В.А. Ядова, вышедшая в 1960 году [138]. Некоторые аспекты исследования социальных стереотипов в западной науке освещались в работах В.С. Агеева [5–7], П.Н. Шихирева [129–131], И.С. Кона [55] и др. Тем не менее, эта проблематика, особенно в концептуальном измерении, до сих пор не вошла в достаточной степени в обиход отечественной психологии. Хотя публикации по этой теме имеются [29; 45; 51; 87; 97; 113; 138], их явно недостаточно.

Значительный вклад в развитие теории социальных стереотипов внес И.С. Кон. Стереотипы он рассматривал как явление социокультурного уровня, утверждая, что в процессе социального познания отражение стереотипизируемой группы происходит опосредованно. На этот процесс оказывают влияние культурные традиции, обычаи и ценности группы, членом которой является субъект [55]. В целом, принципы социокультурного подхода явились основой для развития проблематики социального познания и стереотипа в работах и других отечественных исследователей.

Парадоксальная устойчивость стереотипов, проявляющая-

ся и на уровне общественного сознания и в психике индивида – проблема, которую решали зарубежные и отечественные ученые, пытаясь приблизиться к пониманию сущности стереотипа. Г.М. Андреева, определяя понятие «стереотип», выделяла устойчивость стереотипного представления в качестве одного из его основных параметров: «стереотип – это некоторый устойчивый образ какого-либо явления или человека, которым пользуются как известным «сокращением» при взаимодействии с этим явлением» [16, с.128].

По выводам П.Н. Шихирева, жесткая фиксированность стереотипа в структуре личности, его аффективная насыщенность и поляризация оценки обусловлены тем, что он является персонифицированным выражением отношений между социальными объектами и оценок этих отношений. Функционируя в групповом процессе, стереотип и поляризует группу, и сам поляризуется в групповой динамике, обусловленной, в свою очередь, динамикой межгрупповых отношений [130, с.273]. В.С. Агеев также объясняет устойчивость стереотипов социокультурными влияниями: «чем больше размер групп, чем выше уровень межгруппового взаимодействия, чем длительней история и опыт межгрупповых отношений, тем ригиднее, консервативнее, устойчивее будут соответствующие межгрупповые представления-стереотипы» [4, с.101].

Устойчивость стереотипа во многом определяется тем, что он не сводится к сумме стереотипов отдельных людей, а является надындивидуальным феноменом, содержание которого формируется общностью, имеющей общие потребности и находящейся в схожих условиях существования. На индивидуальном же уровне стереотип выступает как естественная форма приспособления психики к стабильным условиям среды и является важнейшим способом адаптации к окружающему миру [25]. В социальной психологии и социологии сложилась точка зрения на стереотип как необходимый элемент в структуре познания, выступающий стабилизатором деятельности, хотя, безусловно, далеко не всегда отражающий реальные свойства объекта.

По мнению Г.Г. Дилигенского [39, с.26-27] кроме прагматической ориентации в мире, обеспечивающей регуляцию поведения, стереотип поддерживает весьма значимую для личности функцию ценностной и мировоззренческой ориентации. Он полагает, что обобщенные, абстрактные категории и их ценностное содержание, внедренные извне, например, в результате идеологической обработки, легко превращаются в стереотипы и сохраняют свою устойчивость, так как независимы от знаний, приобретенных в опыте. Это позволяет, в конечном итоге, сохранять уверенность в правильности абстрактно-идеальных принципов, которые лежат в основе социальной реальности, часто не соответствующей ожиданиям человека.

В.В. Знаков [45] приходит к выводу, что стереотипы необходимы для регуляции взаимопонимания в общении, поскольку, несмотря на упрощение и схематизацию, в них часто объем истинных знаний превышает объем ложных. Стереотип выступает как эталон, с которым сравнивается объект понимания и является способом организации знаний, используемых для понимания другого человека [45, с.132].

Можно согласиться с В.С. Агеевым, утверждающим, что «...рассмотренный с психологической точки зрения процесс стереотипизации не релевантен этической антиномии «хорошо или плохо». Сам по себе этот процесс не плох и не хорош. Он выполняет объективно необходимую функцию, позволяя быстро, просто и достаточно надежно категоризировать, упрощать, схематизировать ближайшее и более отдаленное социальное окружение» [4, с.98].

По своей структуре стереотип является сложным интегрированным образованием, включающим когнитивные, ценностные и эмоциональные компоненты. Данные отечественных исследователей согласуются с выводами зарубежных ученых, утверждавших, что эмоции, ценности и когниции выступают в стереотипе в едином комплексе, обуславливая как тенденциозность, так и ригидность стереотипа. Так, Я.Л. Коломинский [52] выделяет в его структуре три основ-

ных взаимосвязанных компонента: интеллектуальный, выступающий в форме оценочных суждений; образный компонент в форме обобщенных наглядных представлений объекта; эмоциональный компонент, существующий в форме чувств к отражаемому объекту.

С другой стороны, по мнению П.Н. Шихирева, выделение когнитивного и эмоционального компонентов стереотипа не имеет принципиального значения, поскольку яркий эмоциональный образ и когнитивную категорию можно разделять лишь теоретически [131, с.119-120]. Действительно, как мы считаем, существенной особенностью регуляции поведения стереотипами как раз и является наличие жесткой связи между воспринимаемыми образами определенного социального объекта (личности, группы), образом соответствующей категории людей, понятием, значением и смыслом, соответствующими данному образу, и интегральной субъективной оценкой воспринимаемого образа (актуализацией ценности объекта восприятия).

В генезисе стереотипа исследователи выделяют два основных фактора. С одной стороны, это ограниченный индивидуальный или групповой опыт, формирующийся под влиянием слухов и таких специфических явлений, как установка, эффекты «ореола», первичности, новизны и т.п. С другой стороны, стереотипы формируются под воздействием средств массовой информации и пропаганды, причем эффект этих воздействий весьма значителен [116].

Г.Г. Дилигенский акцентирует роль идеологии в формировании стереотипов. Раскрытие картины действительности в истинном свете не является целью идеологий, они «неизбежно «выпрямляют» ее, так или иначе подгоняют под себя, гипертрофируя одни ее аспекты, замалчивая или отводя в тень другие» [39, с.25]. Массовому сознанию легче ориентироваться в тех аспектах и связях общественно-политических явлений, которые входят в сферу непосредственного опыта, за пределами которого здравый смысл теряет свои возможности и оказывается под влиянием собственных или внедренных

извне мифов и стереотипов. Добавим к этому, что приемы эмоционального заражения, гиперболизации, умалчивания (способы, целенаправленно используемые идеологическими технологиями) соответствуют таким особенностям стереотипа, как эмоциональная насыщенность и идеализация.

В последнее время в зарубежной психологии наметилась тенденция анализа стереотипов в тесной связи с проблемой групповой и индивидуальной власти [155; 163; 179]. Стереотипизация рассматривается как следствие отношений власти и подчинения и как процесс, поддерживающий властные отношения. По мнению Т.Б. Рябовой [103] это является показателем смягчения противоречий между когнитивными подходами и другими теориями, рассматривающими социальное познание. Данные противоречия, как считает Т.Б.Рябова, вызваны ограничениями объяснительных возможностей когнитивного подхода, в частности «контактной гипотезы», согласно которой стереотипы разрушаются при межличностных контактах членов разных групп.

Согласно теории С. Фiske [155], люди, наделенные властью, склонны придерживаться стереотипов. Она доказывает, что люди в позиции власти, которая является более типичной для доминирующих членов группы, вряд ли будут иметь необходимость уделять большое внимание к личности подчиненного, поэтому для них особенно вероятна стереотипизация. В свою очередь стереотипы укрепляют власть, поскольку на их основе осуществляется контроль через предубеждение и дискриминацию. Феномен подверженности стереотипам властных людей проявляется и в межгрупповых отношениях: члены доминирующих групп склонны придерживаться стереотипов, которые подчеркивают и поддерживают приоритетное положение их группы [179]. Таким образом, неравенство во властных отношениях вносит особый вклад в формирование стереотипов, а когнитивные тенденции властных людей служат тому, чтобы поддерживать их господство.

Так выглядят на сегодняшний день основные теоретические воззрения социальных психологов на природу и сущ-

ность социальных стереотипов. Как видим, существующие концептуальные построения далеки от завершенности, в них достаточно неясностей и внутренних противоречий. Одна из проблем, не решенных к настоящему моменту – соотношение стереотипа и установки, их структурно-функциональное соответствие. Важность разведения понятий «стереотип» и «установка» определяется не только необходимостью разграничить предметную область нашего исследования, но и возможностью показать системные связи между данными явлениями, разворачивающиеся в единичном акте социального познания. Исследование психологических механизмов стереотипизации способствует целостному представлению о предмете, выделению специфики авторитарного стереотипа (в отличие от авторитарной установки), одновременно является основой для изучения функциональных связей между авторитарными стереотипами и установками. С этих позиций и также отвечая традиции социальной психологии, активно ассимилирующей общепсихологическое знание о личности, представляется необходимым рассмотреть различия между данными явлениями.

1.2. Соотношение понятий «социальный стереотип» и «социальная установка»

Функционирование социальных стереотипов связано с социальными установками личности. Стереотипы и установки по своим структурам, функциям и поведенческим проявлениям во многом сходны, в частности, по наличию когнитивных элементов, связей с эмоциями и ценностями и устойчивости. Между ними существуют множественные системные связи, о чем свидетельствует общая регулятивная функция, позволяющая выступать им в качестве стабилизаторов деятельности. В познавательной деятельности каждое из данных явлений, взаимодействуя друг с другом, выполняет свою специфическую задачу, обусловленную соответствующим местом в динамической структуре деятельности.

Отмечая функциональное сходство стереотипа и установки, и подчеркивая их роль в управлении деятельностью, А.Г. Асмолов писал: «в основе регуляции непроизвольных и автоматизированных актуально неконтролируемых способов выполнения деятельности субъекта (операций) лежат такие проявления бессознательного, как неосознаваемые операциональные установки и стереотипы» [22, с.387]. Кроме общей функции регуляторов деятельности, социальные стереотипы и установки сближаются по способу возникновения в психологической организации личности – в результате коммуникативного обмена.

Понятие «аттитюд» (социальная установка) ввели в 1918 году американские исследователи У. Томас и Ф. Знанецкий. Они пришли к выводу о двойственной природе установки, определив, что, являясь переживанием ценности определенного социального объекта, социальная установка реализуется одновременно как элемент психологической системы личности и как элемент социальной структуры [183]. Г. Оллпорт в 1935 году, обобщив накопленные к тому времени данные по операционализации аттитюда, сформулировал данное понятие как состояние сознания и нервной системы, организованное на основе предшествующего опыта и выражающее готовность к определенным образом направленной активности [142]. В русскоязычную литературу термин «установка» ввел Д.Н. Узнадзе, рассматривавший ее как готовность субъекта осуществлять акты, адекватные данной ситуации, обусловленную не только самой ситуацией, но и внутренней, неосознанной предрасположенностью реагировать тем или иным образом [120, с.158].

В современной психологии принято дифференцировать понятия установки (set) и социальной установки (attitudes). Категория «аттитюд» («социальная установка») используется для обозначения динамических тенденций личности в отношении социальных объектов, а установка не связана с анализом социальных ситуаций и социальных объектов и не раскрывает механизма социальной детерминации поведения че-

ловека [21, с.145]. Подчеркивая социальную природу аттитюда, М. Рокич предлагал рассматривать его как относительно устойчивую во времени систему представлений о социальном объекте или ситуации, которая предрасполагает субъекта к определенной реакции [176, с.109-132].

Таким образом, оба явления – социальный стереотип и социальная установка являются регулятивными образованиями в динамической структуре деятельности и поэтому находятся в определенных взаимосвязях, обусловленных их специфическими ролями.

Г. Дилигенский отмечал, что качество стереотипности часто присутствует в социальных установках, но дифференцирует понятия установки и стереотипа, подчеркивая в основном когнитивный характер последнего, а также то, что установка имеет мотивационную функцию и не обязательно всегда столь устойчива как стереотип [39, с.139].

Различие между стереотипом и установкой проявляется в анализе их взаимодействия в процессе социального познания. И.С. Кон видит такое различие в том, что роль установки состоит в обеспечении избирательности социального восприятия в ходе стереотипизации, а стереотип в свою очередь выступает информационной основой познавательного действия, стабилизатором процесса ориентировки субъекта в свойствах объекта. Он подчеркивает, что установка – это не обобщение эмпирических фактов, последние призваны лишь подкрепить ее, придавая ей видимость обоснованности. Один и тот же, по формальным внешним признакам, стереотип может символизировать самые разнообразные социальные установки [55, с.281].

В то же время, многие исследователи отождествляют понятия установки и стереотипа. Г. Оллпорт, анализируя этнический предрассудок и определяя его в качестве установки, рассматривал стереотип только как когнитивный элемент, часть данной формы установки. Стереотип, по его мнению, – это усиленное убеждение, связанное с комплексом взаимосвязанных идей в отношении социального объекта (катего-

рия), его функция состоит в том, чтобы рационализировать поведение личности в связи с этими идеями [141, с.170-171].

В работах отечественных психологов встречаются противоречивые указания на соотношение исследуемых нами феноменов. Одни авторы рассматривают стереотип как когнитивный элемент установки. Другие, напротив, дифференцируют понятия установки и стереотипа, отмечая, что качество стереотипности часто присутствует в установках, но стереотип имеет в основном когнитивный характер, а установка выполняет мотивационную функцию и не обязательно всегда столь устойчива, как стереотип [39, с.139]. Как правило, авторы, описывающие данные явления, ограничиваются указанием на то, что установка и стереотип «ассоциируются» в процессе социального познания, однако, механизм их взаимодействия и структурные особенности ими не раскрываются.

Наиболее эффективным для решения задачи раскрытия структурно-функциональных особенностей стереотипа и установки нам представляется деятельностный подход, поскольку его понятийный аппарат достаточно дифференцированно проработан и позволяет представить психические реалии в динамическом аспекте, в развитии.

В настоящее время в русле теории деятельности сложились две парадигмы психологического анализа – морфологическая и динамическая. В анализе деятельности в рамках морфологической парадигмы выделяются такие единицы деятельности как особенная деятельность, мотив, действие, цель, операция, условия деятельности, функциональный блок, соотносимый с объектными свойствами условий и психофизиологические реализаторы деятельности. Динамическая парадигма выявляет аспекты, характеризующие собственно динамику, то есть движение самой деятельности и изменение ее структуры.

А.Г. Асмолов в структуре деятельности выделяет различные виды установки в зависимости от уровня регуляции, рассматривая смысловой, целевой и операциональный уровни. Каждый из уровней поддерживает свою специфическую

функцию, обусловленную иерархическим порядком построения регуляции деятельности [22, с.258-372].

Рассматривая в динамике взаимодействие установок различного уровня и стереотипа в процессе восприятия, мы не включаем в анализ тот вариант, когда субъект не ставит задачу адекватного отражения объекта, или когда стереотипное отражение происходит сознательно. Очевидно, что в последнем случае субъект в той или иной мере осознанно сопоставляет формирующийся в его сознании образ воспринимаемого объекта со стереотипом как эталонным представлением, приписывая объекту характеристики эталона.

В ходе восприятия социального объекта субъект может поставить цель построения его адекватного образа, в параметрах, релевантных целям взаимодействия. В случае решения тривиальной познавательной задачи, субъект использует рациональные алгоритмы решения, последовательно приближаясь к правильному результату. В случае со сложными условиями (или субъективно так понимаемыми) разворачиваемый процесс подчиняется закономерностям взаимодействия субъекта с творческими задачами, описанным в психологических исследованиях [46].

Целесообразно, прежде всего, рассмотреть психологические механизмы стереотипизации в том виде, который раскрывается в процессе взаимодействия установок разного уровня и стереотипа. При недостатке информации о социальном объекте и других необходимых ресурсов (времени, энергии, творческих способностей и т.п.) цель построения его в той или иной степени адекватного образа (если такая цель у субъекта существует) теряет системообразующую роль вследствие возникновения состояния проблемности, дальнейшей перемотивации и переориентации. Инициация творческого акта происходит с того момента, когда в ситуации неопределенности субъект отказывается от сознательно регулируемого процесса построения адекватного вероятностного образа объекта. Вслед за Е.Г. Луковицкой под неопределенностью мы понимаем ситуацию, которую воспринимающий

индивид не может категоризировать из-за недостатка информации (или каких-либо подсказок). Неопределенными являются для него сложные, противоречивые и новые ситуации, которые могут длиться какое-то время, в течение которого могут возникать сложности, противоречивости и новые факторы [66].

В таких случаях включается процесс перемотивации и переориентации, в радикальном варианте приводящий к актуализации новой смысловой установки. Смысловая установка, определяя направленность активности, в свою очередь, способствует формированию новой цели, а также блокирует не соответствующие актуальному смыслу деятельности операциональные установки. Возникшая в условиях новой деятельности, фиксированная социальная установка задает соответствующий способ мышления, ограничивая поле аргументации принимаемых решений. Ориентируясь в качественных особенностях объекта, формируя атрибуты, субъект ограничивает континуум способов решения задачи, поскольку действующая социальная установка обуславливает реализацию шаблонного способа мышления в русле общей направленности деятельности.

Здесь проявляется тенденциозное действие установки. Стереотипизация же, в условиях незавершенной творческой деятельности, реализуется по своим психологическим механизмам, обусловленным как действием установочной регуляции, так и специфическими качествами стереотипа. Фактически с момента разворачивания деятельности, релевантной латентной смысловой установке, творческая задача начинает превращаться в стереотипное действие. Незавершенная предшествующая деятельность, сохраняя инерцию под влиянием собственной целевой установки, органично включается в структуру формирующейся актуальной деятельности в новом качестве, реализуясь, таким образом, как составное действие в рамках метадеятельности. Стремясь пролить свет на такой феномен, как инерция деятельности, А.Г. Асмолов пишет, что при резком изменении действия, смене одного дей-

ствия другим, «целевые установки обнаруживают себя, подобно тому, как мгновенно обнаруживается инерция быстро бегущего человека при резкой остановке» [22, с.318].

Нам представляется, что на данном этапе общая активность и процесс регуляции восприятия объекта в значительной мере определяются стереотипом, как наиболее устойчивым, прочно связанным с ценностно-смысловой сферой и релевантным актуальной ситуации элементом психического содержания субъекта. То есть, стереотип в условиях неопределенности замещает место цели в общем регулятивном контуре активности субъекта и становится системообразующим фактором вновь формируемой деятельности (метадеятельности) и, следовательно, стабилизатором процесса восприятия объекта. В психологической литературе часто подчеркивается, что в ситуациях неопределенности усиливается влияние стереотипов на суждения индивида [68, с.480]. Фактически стереотип восприятия выступает как образ, имеющий свойства цели. Как видно, в логике анализа психологических механизмов стереотипизации важное место должен занять вопрос о свойствах стереотипа, которые позволили бы сделать допущение о целеполагании как функции стереотипа.

Ранее, в одной из статей [24] мы рассматривали эту проблему, опираясь на положения концепции репрезентативных моделей американского философа М. Вартофского [30]. Он считает, что модель того или иного объекта или явления всегда несет в себе интенцию на будущее, то есть, другими словами, моделирует будущее. По его мнению, модель, как часть ориентировки в деятельности, включает в свое содержание ее (деятельности) общие цели. Интерпретируя свойства модели, которые проявляются в контексте деятельности, он отмечает, что модель поддерживает функцию целеполагания: «...когда мы берем нечто в качестве модели, мы делаем это с определенной целью, даже если это цель просто построения мысленного образа или понимания» [30, с.124]. По его мнению, инструментальная функция модели проявляется в целеполагании, причем модель почти приравнивается им по своему

статусу к цели: «Акцентировка на способе действия, который модель представляет, означает, что способ действия соотносится с видимой целью. Таким образом, это соотношение имеет две стороны: с одной стороны, модель – воплощение идеи, а с другой – она в динамическом аспекте является средством реализации цели. Модель одновременно учитывает цель и гарантирует ее реализацию» [30, с.127].

Значение социального стереотипа как детерминанты социального восприятия и его специфическую регулятивную роль можно определить, опираясь на сложившееся в науке знание о динамике формирования образа объекта. Известно, что в данном процессе участвует и представление об объекте – обобщенная субъективная интерпретация класса подобных объектов [91, с.123-134]. Социальный стереотип можно рассматривать как органическую часть представления о социальном объекте, вместе с его другими когнитивными элементами – понятиями, оценками, смыслами. Представление об объекте выполняет не только функцию ориентировки в свойствах воспринимаемого объекта и ситуации. Как когнитивная репрезентация оно несет в себе свойства модели и в этом смысле выступает в роли целеполагающего элемента. Социальный стереотип, как наиболее устойчивый, целостный, прочно связанный с личностными ценностями (существенной особенностью регуляции поведения стереотипами является наличие жесткой связи между воспринимаемыми образами социального объекта, понятием, значением и смыслом, соответствующими ему и интегральной субъективной оценкой воспринимаемого образа, то есть ценностью объекта восприятия) элемент в структуре представления объекта, в наибольшей степени соответствует свойствам модели и, соответственно цели, структурируя как представление, так и, при определенных условиях, весь процесс восприятия социального объекта.

Итак, стереотип несет в себе свойства потенциальной цели и в ситуации неопределенности проявляет тенденцию к воспроизведению в соответствующем качестве, как результат

спонтанной избирательной актуализации бессознательного содержания психики. Актуализация социального стереотипа как потенциальной цели происходит в зависимости от степени неопределенности ситуации социального восприятия и устойчивости субъекта к неопределенности.

Установка на преодоление неопределенности является одной из тех фундаментальных латентных установок, которые в проблемной ситуации, в процессе перемотивации и переориентации обуславливают переструктурирование деятельности и воспроизведение стереотипа как гипотетической цели. Стереотип в условиях неопределенности выступает как стабилизатор человеческой активности, обеспечивая наличие устойчивой (но не обязательно надежной и адекватной) ориентировочной основы в сложных жизненных обстоятельствах. Однако, будучи жестко связанным с личностными ценностями и эмоционально насыщенным, он привлекателен для человека не только в качестве когнитивной схемы, упорядочивающей представление о себе или о других людях.

Стереотип как системное образование для субъекта может быть привлекательным, помимо когнитивной определенности, своей ценностно-смысловой определенностью и одновременно, что может показаться парадоксальным, неопределенностью – как информационной, так и ценностно-смысловой. Если субъект имеет достаточно высокий творческий потенциал и другие ресурсы (время, информация, здоровье и т.д.), то он вырабатывает и поддерживает отношение к стереотипу только как к фрагменту информационной основы деятельности, позволяющему осуществить контроль ситуации, в которой возникла неопределенность.

Более того, стереотип в процессе целеобразования может трансформироваться субъектом в иное качественное состояние и с точки зрения содержания, и в смысловом (ценностном) отношении. Как представляется, адекватное преобразование содержания и ценностно-смысловой основы стереотипа в ориентировочную схему, релевантную ситуации социального восприятия, часто, особенно в обыденной жизни, пробле-

матично. Связано это, кроме иных причин, с действием операциональной установки, возникающей как психологическое средство преодоления неопределенности, которая, как правило, ограничивает субъекта рамками шаблонного мышления. Мыслительные стереотипы, понимаемые как устойчивые, схематизированные, операциональные правила преобразования информации, в психологической литературе трактуются как шаблонное, стандартное, нетворческое мышление [34]. При таком варианте стереотип из потенциальной цели превращается в действительную цель, структурируя также и ситуацию восприятия объекта, обуславливая его стереотипизацию.

Функциональные характеристики стереотипа и установки, обнаруживаемые в анализе динамической структуры познавательной деятельности, позволяют нам сделать некоторые предположения об их соотношении: стереотип находится в той же связи с установкой, в какой цель соотносится с потребностью. В такой трактовке частично снимается теоретическое противоречие, вызванное наличием в установке и стереотипе одних и тех же когнитивных элементов (мнений, убеждений, представлений, понятий и т.д.) и теснотой связи исследуемых нами феноменов с эмоциями и ценностями. Установку и стереотип в рамках динамического подхода можно рассматривать как разнокачественные функциональные системы, формирующие свои структуры на основе общей элементной базы, образуемой психической организацией субъекта.

Выполняя общую функцию построения (по бессознательным механизмам) динамической структуры деятельности, установки и стереотипы не просто ассоциируются друг с другом, обуславливая резонансный эффект. Специфика каждого из них и строго системный характер взаимосвязей определяются особенными функциями (в пределах регулятивной). Установка возникает на основе потребности, но сама ею не является. Не отражает она также и образный аспект, лишь обнаруживая себя при восприятии объектов [89, с.177]. То есть,

установка как регулятор бессознательного уровня поддерживает задачу организации познавательной деятельности во времени, актуализируя потребность в ее динамической структуре. Стереотип, в свою очередь, потенцирует результат познавательной деятельности и поведение субъекта в ситуации, другими словами, исполняет роль потенциальной цели, ее прообраза, а в творческом акте выступает информационной основой в процессе ориентировки субъекта в свойствах воспринимаемого объекта.

Итак, в процессе социального восприятия (познания) и поведения стереотип, с одной стороны, выступает как один из стабилизаторов деятельности, с другой стороны, он часто становится барьером на пути к творческому решению той или иной задачи. Это дало нам основание рассмотреть стереотип как модель социального объекта, приобретающую целевую функцию, которая ориентирует человека, выступая в качестве регулятора, организующего и направляющего его активность. Такое понимание специфической функции стереотипа позволяет четко дифференцировать, в функциональном аспекте, установки и стереотипы как две сложно взаимодействующие разнокачественные системы. Выявление функции целеполагания и, соответственно, системообразующих свойств социального стереотипа, способствует раскрытию специфики соответствующей детерминации социального познания, в отличие от других факторов, таких, как установки, мотивы, ценности, интересы и идеалы. При таком рассмотрении стереотипа более полно могут быть использованы базовые положения деятельностного подхода в качестве надежного инструмента психологического анализа стереотипизации в ее структурно-динамическом аспекте.

Как видно из анализа научных источников (см. параграф 1.1.), для современных подходов к исследованию социальных стереотипов все более и более характерен акцент на их трактовке как социокультурно обусловленных феноменов. На это обстоятельство обращает внимание все большее количество специалистов, и можно сказать, что в последние два десяти-

летия активно складывается целое направление изучения стереотипов и стереотипических форм поведения в рамках так называемых культурной и кросскультурной психологии. К этому аспекту анализа проблемы мы обращаемся в следующем параграфе.

1.3. Социокультурные и ментальные корни социальных стереотипов

Идея о социокультурной обусловленности стереотипов не является совершенно новой для научного мира: еще У. Липпман утверждал, что стереотипы выполняют не только функции ориентировки и экономии усилий, но и защищают социальные ценности, традиции. Особое влияние на постепенное смещение акцентов в исследованиях оказали идеи К.Г. Юнга о коллективном бессознательном, которые оказались близки к данной проблематике.

Отметим также роль некоторых социологических концепций, появившихся в первой половине XX в. В 30-е годы XX в. Р. Мертон [75], исследуя социокультурные влияния на индивида и общество, выделил типы личности, преобладающие в разные исторические эпохи. Основанием его типологии служило предположение об основных задачах социальных структур и соответствующих отношениях к ним индивида. А. Кардинер и Р. Линтон [162] для описания связи социального и индивидуального ввели в научный оборот понятие «базисный тип личности». Под базисным типом личности ими понималась совокупность склонностей и особых черт характера, свойственных большинству представителей того или иного общества. Структура доминирующего типа личности, по их представлениям, определяется культурой общества.

В формировании социального характера значительную роль играет национальный менталитет – наиболее ригидная, в основном бессознательная часть психологии этноса, определяющая стабильные черты в поведении и мировосприятии представителей этнической группы. Вошедшие в прошлом

столетии в обыденную и научную речь понятия «менталитет», «ментальность» привлекли внимание представителей различных отраслей гуманитарного знания. Его первые исследователи М. Блок и Л. Февр [26; 121] рассматривали ментальность как способ видения мира и уровень сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций и автоматизмов сознания. А.Я. Гуревич, определяя ментальность как обобщенный способ восприятия мира, манеру чувствовать и думать, характерную для людей определенной эпохи, подчеркивал, что данный феномен должен стать предметом пристального внимания психологической науки [36, с.517]. Это бесспорное утверждение, на наш взгляд, особенно актуально в наши дни в связи с обострением этнических, конфессиональных и других межгрупповых противоречий, не поддающихся адекватному осмыслению в рамках категорий общественного сознания, идеологии и т.п.

Отметим, что понятия «социальный (национальный) характер» и «менталитет» не совпадают по значению. Национальный характер определяется как устойчивый компонент национальной психологии, который составляет стержень национального самосознания и представляет собой совокупность доминирующих черт и свойств в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом воплощении, наследуется (в некоторой степени) от предков и приобретает в процессе воспитания [108, с.97]. Социальный характер, с нашей точки зрения, формируется «вокруг» менталитета и включает в отличие от него общие психологические черты, отражающие принятые в обществе ценности. Очень точно определяют связь ментальности и социального характера Н.А. Моисеева и В.И. Сороковикова: «...неизменным ядром в национальном характере являются глубинные слои психики, характерные для данного этноса, и являющиеся ничем иным, как константной основой национального характера» [78, с.46].

Проблема ментальности рассматривается в разных науках: философии, социологии, культурологии и др. Социально-психологический подход к ней ориентируется на дифферен-

цированное изучение психологии человека как члена групп разного масштаба в связи с такими явлениями, как «образ мира», «стереотипы и установки восприятия и поведения», «схемы мышления», «групповое сознание», «коллективное бессознательное», «личностные ценности» и пр.

Понятие «менталитет» («ментальность») используют, когда необходимо объяснить нечто очень тонкое, трудноуловимое, спрятанное в чувствах и отношениях человека, но, в то же время, реально существующее. В связи с тем, что стереотип является бессознательным социально-психологическим феноменом, он упоминается в дефинициях ментальности, как один из ее обязательных элементов [133]. Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о том, какое место занимает стереотип в структуре ментальности.

Ее иногда понимают не как систему, а просто как совокупность образов, представлений, впечатлений и т.д. [95]. По нашему мнению, такой подход ограничивает возможность раскрытия существенных сторон ментальности – явления, не лишённого определенной целостности и упорядоченности. В понимании некоторых ученых системность составляет характеристику ее сущности. Так, А.П. Огурцов считает, что ментальность «есть система образов и представлений социальных групп, все элементы которой тесно взаимосвязаны и сопряжены друг с другом» [85, с.52]. Системного подхода придерживается также Б.П. Шулыгин, который конкретизирует поэлементный состав менталитета и рассматривает стереотипы в качестве одного из его элементов: «Менталитет можно определить как сформированную под влиянием достаточно постоянных географических, геополитических и социальных факторов систему стереотипов поведения, чувственно-эмоциональных реакций и мышления, являющуюся выражением иерархически соподчиненных приоритетов и ценностей» [133, с.50].

Системный подход к природе ментальности может быть поддержан точкой зрения К.Г. Юнга на природу бессознательного: «...Бессознательное, как совокупность архетипов,

является осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых темных начал. Но не мертвым осадком, не брошенным полем развалин, а живой системой реакций и диспозиций, которая невидимым, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь» [136, с.131].

Следует сделать некоторые уточнения, касающиеся соотношения архетипов и стереотипов как элементов коллективного бессознательного и, следовательно, базовых элементов ментальности. Отметим, прежде всего, сходство архетипов и стереотипов по силе влияния на мировосприятие и поведение людей. Выступая одними из наиболее устойчивых образований в психике, архетипы и стереотипы, прежде других влияний, оказывают структурирующее воздействие на мировосприятие людей. Выражая идею системной связи психических явлений и значение архетипов в познании, К.Г. Юнг писал: «Человеческое познание по своей сути заключается в соответствующем приспособлении наших априори данных изначальных форм представления, которым необходимы определенные модификации, так как в своей первоначальной форме они соответствуют архаическому образу жизни, а не требованиям значительно изменившегося окружения» [137, с.69].

Однако архетипы и стереотипы сближает не только общая функция регуляторов восприятия и поведения, не только наличие бессознательных ядерных образований в структуре каждого из них (соответственно прообраз архетипа и целостный бессознательный образ стереотипируемой группы) и осознаваемой периферии (образы-архетипы и, соответственно, субъективные оценочные суждения в отношении социального объекта, группы), но также сходный в некоторых аспектах генезис.

Социокультурное происхождение стереотипов свидетельствует об их родстве с архетипами. В теории К.Г. Юнга придается огромное значение расовым и филогенетическим основаниям личности. По его мнению, основания личности архаичны, укоренены в природе, бессознательны и имеют уни-

версальное содержание. Приняв идею о культурном наследовании, К.Г. Юнг утверждает наследование не только биологических инстинктов, но и родовых переживаний. Юнг отмечает, что архетипов «столько, сколько есть типичных жизненных ситуаций. Бесконечное повторение отчеканило этот опыт на нашей психической конституции – не в форме заполненных содержанием образов, но, прежде всего, как форм без содержания, представляющих только возможность определенного типа восприятия и типа действия» [135, с.72].

Главные же отличия исследуемых феноменов определяются, на наш взгляд, тем, что архетипы, в понимании К.Г. Юнга, составляя в совокупности целостную систему, и имея в качестве системообразующего фактора центральный архетип («Самость»), как единая интегрированная система направляют индивида и Социум на развитие. Стереотипы, напротив, консервативны, они стабилизируют устоявшееся положение, способствуя сохранению структуры и образа жизни общности. В отличие от стереотипов, которые, несмотря на ригидность и распространенность в общностях, способны к изменению и даже, в отдельных случаях, к полному изменению (такая трансформация произошла в свое время со стереотипом превосходства социалистического образа жизни), архетипы никогда не изменяются или же их изменение происходит очень и очень медленно. Более того, поскольку К.Г. Юнг рассматривал их как «формы» (см. ссылку выше), они едины для разных культур, в которых существуют всего лишь разные их воплощения.

Как представляется, в пределах той или иной общности архетипы и стереотипы выступают как две ассоциированные друг с другом разнокачественные системы, которые, в зависимости от конкретных социокультурных условий, взаимодействуют, формируя бессознательное ядро ментальности и создавая на уровне неявных интенций относительно устойчивый баланс между развитием и стабильностью социума.

Архетипы как фактор детерминации социального познания и поведения личности – безусловно, важная и многообещаю-

щая область научных исследований. Однако эта область выходит за предметные рамки нашей работы. Что касается стереотипа, существует необходимость выделения основных, базовых социокультурных и социально-психологических условий, способствующих его актуализации в качестве регулятора социальных взаимодействий. Тем самым, в последующих шагах, открывается возможность раскрытия сущности авторитарного стереотипа.

Как уже отмечалось, необходимость в преодолении информационной и ценностно-смысловой неопределенности является одной из фундаментальных латентных установок, обуславливающей воспроизведение стереотипа (см. параграф 1.2.). Однако сама эта необходимость основывается на двух базовых психологических тенденциях, которые в комплексе со стремлением к устранению неопределенности выступают детерминантами стереотипизации. Эти тенденции хорошо известны и указывались еще классиками психологии: тенденция к поддержанию равновесия и тенденция к развитию.

Они детально анализируются в одной из работ Р.Х. Шакурова [127]. Несколько под другим углом зрения их рассматривает А.А. Понукалин, который считает, что фундаментальная и имманентная для человека тенденция к сохранению актуального качества соответствует потребностям самосохранения, сохранения рода и вида, специфически проявляющимся на уровне физического существования и в социальных взаимодействиях. Тенденция иного рода отражается в наличии у него другого класса потребностей – потребностей развития. Данная тенденция является интегральной, а соответствующая потребность – комплексной, поскольку ее удовлетворение способствует не только развитию, но и повышению возможностей удовлетворения потребностей других классов, в конечном счете, она способствует обеспечению устойчивости. Тем не менее, потребности развития находятся в кардинальном противоречии с потребностями сохранения качества в определенных пределах, поскольку развитие предполагает изменение качества (а не его стабилизацию, сохране-

ние) [92, с.32].

Особенность стереотипа, на наш взгляд, состоит в том, что он выступает как компромисс между двумя рассмотренными выше потребностями – стремлением к сохранению актуального качества, соответствующего способа существования (образа жизни) и движением к развитию, становлению другим, качественному преобразованию. Заметим, что развитие можно рассматривать как непрерывное стремление к некому идеалу. Если говорить о человеке, с одной стороны, он фиксирован на идеале – образе совершенного и в этом смысле привлекательного желаемого будущего, с другой стороны, он стремится к стабильности, равновесному состоянию.

В связи с этим, с нашей точки зрения, существенную эвристическую роль может сыграть разработанное еще К. Марксом понятие «превращенная форма». В понимании М.К. Мамардашвили превращенная форма «есть продукт превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определенном ее уровне и скрывающего их фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом и отложением превращенности действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления, «предмета» наряду с другими». Превращенный объект становится «конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, представляется как особое, не разлагаемое далее образование, как «субстанция» наблюдаемых свойств» [72, с. 270].

Говоря о необходимости переориентации социальной психологии с анализа субъект-субъектных на субъект-объектные отношения, П.Н. Шихирев характеризовал превращенные формы, как формы, «в которых субъект фиксирует и переживает свой социальный опыт, далеко не всегда проникая в его реальные механизмы и генезис» [131, с.67-68]. Эти реалии, подчеркивает он, не должны ускользать от исследователя. В этой связи уместно привести еще одну цитату М.К. Мамардашвили: «Формы, принимаемые отдельными

объектами (и воспринимаемые субъективно), оказываются кристаллизациями системы (или подсистем) отношений, черпающими свою жизнь из их сочленений. А движение сознания и восприятия субъекта совершается в пространствах, создаваемых этими же отношениями, или, если угодно, ими замыкается. Через эти отношения и должен пролегать реальный путь изучения сознания, то есть того вида сознательной жизни мотивов, интересов и духовных смыслов, который приводится в движение данной общественной системой» [71, с.17].

Вернемся к проблеме идеала. Согласно общепринятому определению, общественный идеал – это выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах жизни. По своей природе идеал – это некая цель общества, определенная структура социальных отношений, связываемая с совершенным состоянием общества. В психологии идеал рассматривают как феномен сознания, одну из форм существования ценностей [62] или как их проявление на «экстрапсихологическом» уровне психики [88, с.7], что позволяет дифференцировать действительные идеалы социума и декларируемые идеалы, формулируемые в виде идеологических конструкций и игнорирующие состояние общественного сознания.

В соответствии с нашими предположениями, социальный стереотип является квазиобъектом в отношении к общественному идеалу и замещает его функции. Он обеспечивает воспроизводство таких социальных отношений, в которых оказываются «снятыми» отношения, соответствующие идеалу. Однако в стереотипе связи и отношения, действительно происходящие от идеала, заменяются иными отношениями, которые становятся на место исходных. Адекватность этих предположений может быть подтверждена существованием феномена негативных автостереотипов [60; 113], не вполне согласующимся с представлением о назначении стереотипа поддерживать положительный образ своей группы. В этом случае воспринимаемый образ ингруппы далек от идеала, под

влиянием последнего происходит трансформация представления об ингруппе в критичное стереотипное представление. Стереотип как превращенная форма идеала и одновременно образ реального, свершившегося существования субъекта, отвечает соответствующим разнонаправленным тенденциям и, как нам представляется, это одна из главных причин его парадоксальной устойчивости и влияния на социальное познание, миропонимание человека в целом.

Сложность изучения стереотипа как превращенной формы состоит в том, что он является выражением не только желаемого (идеального) будущего. В нем находят воплощение и прошедшие общественные отношения (события, переживания) и актуальное настоящее. Однако акцент на идеале подчеркивает его системообразующую роль в жизнедеятельности группы и исключительное значение ценностной сферы в качестве регулятора деятельности. В любом случае влияние прошлого на форму и содержание стереотипа опосредовано социальными ценностями, поскольку они выступают эталонами и критериями оценивания групповых событий и индивидуального опыта личности.

Проблема менталитета и места стереотипов в его структуре имеет для современного российского общества не только теоретическое, но и практическое значение. Кризисная ситуация в стране, длящаяся уже около полутора десятилетий, привела к столкновению различных типов ментальности, поставила под угрозу как воспроизводство социальных структур, так и адаптацию и нравственное благополучие человека. В этих условиях в наиболее трудном положении оказывается молодежь, которая испытывает влияние различных, часто противоположных идеологий, систем мировоззрения, типов менталитета. Отсюда трудности процесса социализации, формирования адекватных социальных представлений молодых людей.

В настоящее время понятие «молодежь», используемое в социологии и психологии, определяется исходя из различных аспектов и подходов, с учетом не только возрастных границ

(как правило, возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет) но и характерных культурных, образовательных, профессиональных, социально-психологических реалий. Проблемы современной молодежи обсуждаются во многих работах [32; 77; 84; 90], однако нас они интересуют только в том специфическом аспекте, который связан с предметом нашего исследования.

Менталитет молодежи рассматривается нами как преимущественно бессознательное основание образа мыслей, мироощущения, душевного склада молодых людей. Безусловно, нужно говорить о ментальности молодежи, имея в виду, что в его основе лежит российский менталитет в целом. Процессы реформирования нашего общества по-разному повлияли на молодежь, отличающуюся большой неоднородностью не только по материально-экономическому, но и по образовательно-культурному и духовно-нравственному состоянию.

Социологические опросы последних лет выявляют общий ценностный и нормативный кризис у молодежи. За прошедшие десять-пятнадцать лет в молодежной среде произошли сложные процессы, свидетельствующие о переоценке культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта. Специфика ценностей и менталитета современной молодежи в отличие от старших возрастных групп заключается в значительно большем предпочтении ею материального благополучия. Российский социолог Г.М. Мкртчян [77], основываясь на результатах эмпирических исследований, констатирует, что в рыночный период развития российского общества наиболее распространенным стало поведение, базирующееся на потребительских ценностях. Сдвиг приоритетов на «материальные соображения» коснулся и молодежи: если в иерархии ценностей молодежи дореформенного периода первое место занимали «содержание работы», «престижность», и «полезность для общества», то в настоящее время приоритетное место принадлежит ценностям: «хорошая зарплата», «дополнительные доходы», гарантии «выгодного трудоустройства».

В то же время в числе ведущих для большинства молодежи по-прежнему остаются общечеловеческие гуманитарные ценности, такие, как жизнь человека, свобода справедливость, коллективизм и др. [13, 84, 90]. Это дает основания утверждать, что глубинные пласты сознания молодежи подверглись деформации все-таки в меньшей степени.

Сегодняшняя молодежь заметно отличается от старших поколений, она приспосабливается к социальным изменениям и значительная ее часть готова к активному участию в процессе развития общества, проявляя устойчивую ориентацию на собственные усилия в достижении жизненного успеха [32, 84, 90].

Вместе с тем отмечаются и опасные тенденции, такие, как скептическое отношение к закону, подвластность массовой культуре и рекламе, размытость нравственных ценностей. Многие свидетельствуют о социальной деградации значительной части молодежи в результате кризиса универсальных общественных ценностей, общезначимых идеалов, массового развития потребительских интересов. Одной из самых значимых проблем для общества является криминализация молодежи. Социокультурные ориентиры, установки и стереотипы, принятые в преступной среде, способны оказывать настолько сильное деформирующее влияние на молодых людей, что значительная их часть оказывается прямо или косвенно связанной с криминальными структурами [67, с.80-81].

Можно отметить и положительные факты, указывающие на относительную адаптированность молодежи к условиям жизни и на устойчивость к провоцирующим факторам среды. Так, в Санкт-Петербурге среди молодежи агрессивность и экстремизм стабильно находятся на невысоком уровне. По данным социологического исследования, полученным в 2002 г., постоянно испытывают состояние агрессивности около 3% молодых людей, «время от времени» – 51 %, остальные – 46% не испытывают состояние агрессивности. Однако, в том же исследовании отмечается проблемность отдельных групп (учащихся системы профтехобразования и молодых военно-

служащих), в большей степени склонных к проявлениям агрессии и ориентации на экстремистские идеи: до трети из них склонны симпатизировать экстремистским организациям и их лидерам [90, с.15-18].

В условиях экономического и социокультурного кризиса жизненная ситуация для многих людей предстает как экстремальная, как вызов личностным ресурсам. Неудовлетворенность значительной части молодежи собственным социальным положением, осознание юношами и девушками неопределенности достижения перспективных жизненных целей, противоречие между желаемым и прогнозируемым находят свое отражение в состоянии проблемности. Для этого состояния характерны, помимо конструктивных реакций, проявления дезадаптивного поведения, недостаточная гибкость социальных реакций, склонность к стереотипным формам социальных взаимодействий [23].

Известно, что в молодости на первый план выдвигаются мотивы, связанные с жизненной перспективой, что определяется объективной ситуацией жизненного самоопределения молодого человека. В психологической литературе отмечается, что молодым свойственно быть оптимистичными, уверенными в своем будущем. Надежда является мощным адаптивным механизмом, позитивно ориентирующим человека даже в труднейших обстоятельствах [80]. Однако оптимизм молодежи не всегда оправдан, вследствие чего возникает возможность срывов, дезадаптации при столкновении с реальными трудностями.

Еще раз касаясь темы стереотипа как превращенной формы, можно заметить, что проблема идеала для молодежи особенно присуща: в молодости с особой интенсивностью и остротой происходит поиск смысла жизни, становление ценностей и идеалов. Это объясняет, почему молодые люди так сильно подвержены влиянию социальных стереотипов, особенно тех, которые формируются в изменяющемся обществе, фиксируя в косной форме представления об идеальном будущем.

Одна из особенностей развития в молодости – усиление рациональности, сознательной деятельности и контролирующих функций сознания (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др.). Усиление в сознании рациональных тенденций, безусловно, может вносить значительные модификации в регуляцию восприятия и поведения. Однако, это влияние имеет двойственный характер. С одной стороны, рациональный контроль над бессознательными импульсами выполняет функции отрицательной обратной связи, оптимизируя и корректируя поведение [74]. С другой стороны, можно заметить, что стремление жестко контролировать поведение часто, наоборот, усиливает противоречивость психического склада любого человека, базовую противопоставленность управляемого, контролируемого рационального и ускользающего от рефлексии и «своевластного» бессознательного [115]. Многие собственные поступки молодым кажутся совершающимися автоматически, помимо их воли и даже вопреки ей. И.С.Кон в одной из своих работ приводит показательный пример высказывания из рассказа 18-летнего юноши, демонстрирующий противоречивость внутреннего мира молодых людей: «Порой хочется искренне ответить человеку – бац – уже вылетает изо рта презрительная насмешка. Глупо все получается...» [53, с.83].

В молодости сознание еще далеко от совершенства, оно насыщено стереотипными представлениями о профессии, досуге, общении, образе жизни в целом. Особенно остро проблема несоответствия идеальных ценностных представлений и стереотипов проявляется в условиях аномии (безнормности), когда общество утратило значимые ценности и цели, а новая мораль, адекватная современному обществу, еще не сформировалась. Полученные другими исследователями данные заставляют обратить внимание на проблему расхождения между декларируемыми представлениями об адекватных формах социальных взаимодействий и действительными поведенческими реакциями на ситуации. Причем, это несоответствие является общей характеристикой для разных соци-

ально-профессиональных групп [12, с.223-230]. В этой связи существенное место в изучении психологии молодежи должно быть отведено исследованию ментальности и динамических аспектов регуляции социального познания и поведения, а в свете проблемы авторитарности – базального подсознательного уровня психики, включающего авторитарные установки и авторитарный стереотип.

ГЛАВА II. СУЩНОСТЬ АВТОРИТАРНОГО СТЕРЕОТИПА

2.1. Проблема авторитарности личности в современной науке

В общественных представлениях понятие власти, прежде всего, ассоциируется с политической властью и ее базовым институтом – государством. Тем не менее, отношения власти существуют во всех сферах общественной жизни и пронизывают даже самые незначительные взаимодействия людей. Не случайно проблема власти исследуется во множестве гуманитарных наук, таких как социология, философия, история, политология и психология.

«Власть – это способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета, права, насилия и др.» [122, с.68]. В.И. Даль в «Толковом словаре» дает такое объяснение власти: «власть – право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений; начальствование, управление... Властвовать – управлять властно, господствовать, повелевать, распоряжаться... Властолюбие – любоначалие, страсть к господству, ко властвованию. Властолюбивый – страстный до власти, добивающийся самовластия... Властолюбец – человек, безмерно любящий власть, властвовать, начальствовать, никому не желающий подчиняться» [117, с.213].

Философское рассмотрение проблемы власти разносторонне: обсуждаются ее этические аспекты, ценность власти для индивида и общества, соотношение власти и ответственности, власти и свободы, границы власти, соответствие власти принятым в обществе социальным нормам, традициям, нравам и др. Феномену власти как политическому явлению и элементу межличностных отношений уделяли пристальное внимание Платон, Аристотель и другие мыслители древности. Аристотель в своем знаменитом труде «Политика» [20],

раскрывая вопросы сущности и функций власти, отводил значительное место рассуждениям о способностях, необходимых ее субъекту. «Властвование и подчинение не только необходимы», писал он, «но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие – к властвованию» [20, с.413].

Оригинальное учение о политической власти разработал итальянский мыслитель Никколо Макиавелли. Опираясь на представление о манипулятивной сущности власти, ученый предлагает в наборе инструментов властного влияния, помимо принуждения и насилия, использовать манипуляции: «...государю нет необходимости обладать всеми ... добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими» [69, с.95]. Образ поведения субъекта власти, при котором ради достижения поставленных целей считаются приемлемыми любые средства, получил впоследствии название «макиавеллизм». Эта личностная особенность близка авторитарности.

Т. Гоббс оставил заметный след в мировой политической философии, разработав учение о гражданской власти. «...На первое место, – писал Гоббс, – я ставлю как общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью» [33, с.74-75]. Из философских исследований, концептуально ориентированных на власть, как базовый объяснительный принцип, раскрывающий сущность и смысл человеческого бытия, следует назвать книгу Ф. Ницше «Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей». Ф. Ницше рассматривает волю к власти как общий принцип жизни, воплощение воли к жизни. Его высказывания в отношении стремления людей к власти категоричны: «Все, что делается с известной целью, может быть сведено к цели умножения власти» [83, с.372].

В политологических и социологических исследованиях широко используются понятия «тираническая власть», «ари-

стократическая», «монархическая», «авторитарная», «тоталитарная». Понятие «авторитаризм» характеризует систему отношений властвования, складывающуюся в авторитарных и тоталитарных режимах. Общепринятым считается определение авторитаризма (от латинского слова *auctoritas* – влияние, власть) как недемократического политического режима, характеризующегося концентрацией власти в руках одного человека или группы, но при наличии ее определенных ограничений (экономических, политических, социальных, идеологических) [19; 134].

Аналитический обзор исследований проблемы власти показывает, что представители рассмотренных гуманитарных наук обращали внимание преимущественно на политические ее аспекты. В то же время в социальной психологии эта проблема решается более широко и дифференцированно, с выделением политического, организационного, межличностного, и других уровней властных отношений.

В социальной психологии власть и подчинение квалифицируются как феномены межличностного взаимодействия, взаимодействия группы и индивида. Как правило, властное влияние описывается в терминах изменения личности, то есть ее знаний, установок, убеждений, эмоций и поведения, происходящее в процессе и в результате воздействия. Влияние в межличностных отношениях и отношениях группы и индивида обозначается в терминах власти и аттракции (симпатии-антипатии); для описания подчинения индивида власти группы употребляется понятие «конформность». Понятия «власть», «влияние», «зависимость» и «конформизм» часто употребляются как синонимы [131, с.133-161].

Власть не является прерогативой только человеческих отношений, в специфическом понимании это понятие используется для объяснения жизни животных сообществ, где иерархизация является неотъемлемой характеристикой совместного существования. Иерархия, естественным образом образуемая животными, позволяет упорядочить взаимодействия внутри сообщества. Б.С. Алишев считает, что стремление к

доминированию в животном мире и авторитарность в человеческих отношениях исходят из общей тенденции, определяющей приоритет интересов собственного единичного существования. В стремлении животного занимать доминирующее положение или высокий статус в своем сообществе проявляется тенденция, соотносимая с присущей человеку тенденцией приоритета «Я» над «не-Я» [12, с.143-144].

Авторитарность как социально-психологическое явление традиционно исследуется в рамках концепции авторитарной личности – теоретических представлениях о личностном типе, поддерживающем тоталитарную или авторитарную диктатуру, заставляющем покоряться власти силы, подчиняться себе или некоему «авторитету». Понятие авторитарной личности, введенное Э. Фроммом, описывается с помощью таких черт, как консервативность, агрессивность, страстное желание власти, ненависть к представителям других этнических групп, стереотипность мышления, конформизм и т.д. Авторитарной личности свойственна модель поведения, основанная на убеждении, что статусные и властные различия и использование власти являются крайне необходимыми элементами функционирования любого сообщества.

А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни определили в качестве основных мотивов авторитарной личности стремление к власти и превосходству и готовность к подчинению авторитетам [8; 9; 123; 124; 126]. Так, А. Адлер [8; 9] в исследованиях авторитарности личности использовал понятие «невротический характер» и выделил ряд черт, его конституирующих. Это, прежде всего, стремление к превосходству и к личной власти. Характер человека, по Адлеру, вырастает из его «жизненного стиля», который в основных свойствах оформляется в детстве. Жизненный стиль представляет собой систему целенаправленных стремлений, в которых реализуется потребность в превосходстве, самоутверждении и власти, и которые выступают компенсацией чувства неполноценности.

Рассматривая механизмы формирования стремления к власти и превосходству, Адлер [8] пришел к выводу о том, что

чувства неуверенности и неполноценности вынуждают ребенка, под действием тревоги, к идеализации собственных представлений о человеке и выработке цели-идеала, конкретизирующей позиции превосходства и ведущей к некоторому успокоению, ощущению благополучия и контроля. Лейтмотивом становится овладение ситуацией, главной идеей – воля к власти. Фиктивная конечная цель стремления к власти организует для создания защиты психические установки. В конечном счете, приобретение власти, борьба за власть, имеют задачей не допустить дискредитации личностного чувства и отодвинуть решение вопроса о личной значимости [8, с.67].

К. Хорни [126] акцентирует внимание на роли тревожности, очерчивая более широкий круг детерминации. Подчеркивая ключевую роль тревожности в формировании невротического характера, она рассматривает стремление к власти, собственности и престижу как альтернативу нормальному человеческому стремлению к любви и привязанности. Она отмечает, что стремление к власти, превосходству и обладанию поддерживают тенденцию индивида к поиску избавления от тревожности путем ослабления контакта с людьми, в отличие от любви, ведущей к усилению контакта с другими.

Проблема авторитарного сознания с позиций социально-психологического анализа подробно была исследована Э. Фроммом [123; 124]. Основу его теории социального существования человека составляет понятие «социальный характер». Под социальным характером он понимал те общие особенности личности, которые характеризуют членов данной группы. Это совокупность черт, «...которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [123, с.230].

Термин «авторитарная личность» использован автором для обозначения социального характера, распространенного в тоталитарных режимах, – это комплекс черт личности, имеющей особое отношение к власти, стремящейся к господству или, напротив, к подчинению. Для нацистской Германии ав-

торитарный механизм был наиболее характерен, чему способствовала экономическая депрессия конца 20-ых г.г. XX в., которая привела к снижению экономического уровня среднего класса, подорвала авторитет государства и семьи. Огромное большинство населения Германии было охвачено чувством собственной ничтожности и бессилия. Эти психологические условия явились основой нацизма, без которой он не мог бы развиваться [123, с.175-200].

По мысли Э. Фромма, стремление к власти и превосходству, свойственное авторитарному характеру, есть следствие переживания «негативной свободы», открывающейся индивиду в обществе с разрушающимися традициями. Негативная свобода – это свобода от первичных уз, связывающих его с миром. Авторитарность как один из механизмов «бегства от свободы» представляет собой отказ от своей личности и поиск связи с какой-либо внешней силой для получения поддержки, недостающей индивиду. Авторитарные тенденции происходят от одной основной причины – неспособности вынести изоляцию, психологической слабости личности. Авторитарный склад характера в одной из разновидностей выражается в страстном садистском стремлении к господству, а в другой – в мазохистском желании подчиняться более сильной личности.

Взгляды А. Адлера и Э. Фромма относительно механизмов социальной трансляции авторитарности сходны по многим основаниям. Например, авторитарность, по их трактовке, возникает не столько вследствие индивидуальной предрасположенности, сколько в процессе взаимодействия личности с обществом, вследствие социального влияния.

А. Адлер подчеркивал, что авторитарность является массовым явлением. Распространенность и устойчивость авторитарных представлений в обществе обуславливает то, что не врожденные по своей природе черты стремления к господству, честолюбие захватывают ребенка с ранних лет и поддерживаются в повседневном опыте общения взрослого человека [9]. Приверженность стереотипам, свойственная лично-

сти с авторитарными стремлениями, объяснялась им как невротический способ психологической защиты от неуверенности. Среди них Адлер выделяет вспомогательные конструкции и шаблоны – в мышлении, поступках и желаниях.

Э. Фромм предполагал, что стремление к господству и престижу имеет социальное происхождение. Испытывая желание иметь логически упорядоченную картину мира, авторитарная личность формирует соответствующего содержания «системы мысли», дающие ответ на человеческие поиски смысла своего существования [124, с.428]. Внутренним источником, способствующим реализации авторитарной совести, то есть совести, ориентированной на послушание внешнему авторитету, он считает стремление к совершенству и восхищению, потребность человека в идеале [124, с.546-563]. Психологический механизм формирования авторитарности, по мнению Э. Фромму, состоит в установке иметь непротиворечивый образ мира и вынуждающей усваивать общепринятые шаблоны мышления. Использование шаблонов восприятия и поведения рационализируется индивидом, подлинные мысли подменяются «псевдомышлением», подлинные чувства вытесняются «псевдочувствами», а подлинные желания замещаются «псевдожеланиями», при этом индивид не осознает искусственность этих подмен [124, с.158-174].

Наиболее весомый вклад в изучение авторитарной личности внес Т. Адорно. Вместе со своими сотрудниками он, кроме теоретических исследований феномена авторитарности, проверил экспериментально концепцию, разработанную Э. Фроммом и другими своими предшественниками.

По результатам Т. Адорно и его коллег [10; 140], авторитарную личность характеризуют девять личностных особенностей: устойчивая приверженность ценностям среднего класса; авторитарное подчинение; авторитарная агрессия; косность, стереотипность и предрасположенность к мистике; проективность; стремление к силе и твердости; деструктивность и цинизм; анти-интрацепция; морализаторство по вопросам сексуальной жизни. Эти переменные тесно свя-

заны друг с другом и образуют, с точки зрения Т. Адорно, единый синдром, более или менее устойчивую структуру личности. Наиболее взаимосвязанными оказались такие признаки, как преобладание примитивно-стереотипных способов восприятия, антисемитизм и этноцентризм.

Его трактовка характерологических и поведенческих проявлений авторитарной личности является психоаналитической. Основным механизмом формирования авторитарного синдрома в структуре личности – неспособность преодолеть Эдипов комплекс вследствие недостаточно сформировавшегося «супер-эго». «В психодинамике «авторитарного» характера частично абсорбируется ранняя агрессивность, преобразуясь в мазохизм, частично она остается в виде садизма, который ищет питательную среду в тех, с которыми индивид себя не идентифицирует, то есть в чужой группе» [10, с.281]. Эта двойственность проявляется в стремлении поклоняться авторитету и в готовности атаковать людей, проявляющих слабость и социально подходящих в качестве жертвы. Авторитарная личность управляется «супер-эго», постоянно испытывает необходимость бороться с противоречивыми импульсами «ид», поэтому ее отношение к проблеме власти, социального авторитета приобретает иррациональный аспект. Утрата авторитета отца у нее выливается в самоидентификацию с авторитетом какой-то группы, государства, лидера. Авторитарная личность может выглядеть бунтарем, испытывая иррациональную и слепую ненависть к любому авторитету, однако, это не меняет сущности данного характера: интересным наблюдением Т. Адорно было обнаружение тайной потенциальной готовности авторитарной личности «сдаться» и протянуть руку «ненавистной силе».

Идеи Т. Адорно получили развитие в исследованиях канадского социального психолога Б. Альтемейера [145]. Он представил принципиально обновленную концепцию авторитарной личности. В оппозицию психоаналитическому подходу им было предложено понимание авторитарности с точки зрения теории социального научения [147], в соответствии с

которой установки и ценности личности формируются под воздействием общества и родителей посредством обучения и подражания. Он высказал мнение, что определение авторитарности, данное Т. Адорно и его коллегами, было не вполне четким и однозначным. Например, такая черта, как «суеверия и стереотипизм», составлена из двух слишком различающихся понятий.

Используя факторный анализ, Б. Альтемейер выделил три социально-психологических качества, выражающие особенности личности, склонной к авторитаризму: полное и безоговорочное подчинение властям и авторитетам, конвенционализм (приверженность традиционным социальным нормам), агрессивность по отношению к тем группам, неодобрение и неприятие которых воспринимается как поощряемое властями. Несмотря на наличие некоторой преемственности в формулировках, совпадающих с теми, которые были даны Т. Адорно, их смысл существенно изменился. Например, в отличие от Т. Адорно, рассматривавшего конвенционализм как приверженность ценностям среднего класса, Б. Альтемейер определил его как склонность соблюдать нормы и традиции, господствующие в данном обществе, воспринимающиеся санкционированными признанной властью.

Различия существуют также и в понимании авторитарной агрессии, которая, по теории Т. Адорно, проявляется по отношению к людям, нарушающим конвенциональные нормы. В понимании Б. Альтемейера объектом авторитарной агрессии становятся люди, поведение которых не одобряется властями. То есть, авторитарная агрессия – это агрессия, которая сопровождается убеждением в том, что авторитетные люди, являющиеся представителями власти, одобряют ее, что эта агрессия необходима для защиты власти. Данное сочетание социальных установок образует качество личности, которое Б. Альтемейер назвал правым авторитаризмом, подчеркивая склонность авторитарной личности подчиняться властным структурам и ее представителям. Для измерения правого авторитаризма Б. Альтемейер разработал шкалу RWA (Right-

Wing Authoritarianism Scale) – шкалу Авторитаризма Правого Толка [145].

Подход, развиваемый Б. Альтемейером, также не остался без критики. Одним из его недостатков была признана слабая способность в объяснении психодинамики авторитарной личности, существенной особенностью которой является склонность к психологическим защитам (вытеснению, проекции и др.) [180]. Строгость измерения авторитаризма по шкале RWA часто подвергалась сомнению из-за эмпирического подхода к ее конструированию, смешения авторитаризма с консерватизмом и идеологической загруженности пунктов теста [151; 154; 181], вследствие чего проблемы возникали также при необходимости измерения левого авторитаризма [182].

В связи с этим в последнее время ученые занялись поиском объяснений авторитаризма личности, свободных от идеологического содержания. Одной из наиболее значительных современных теорий авторитарной личности является концепция Дж. Даккитта [150], который в конце 80-х годов выяснил, что авторитаризм в любой культуре ведет к усиленной приверженности ценностям собственной группы и отрицанию ценностей других групп. Позднее это было подтверждено и данными других авторов [42; 43; 169]. Он пришел также к выводу о том, что необходимо интерпретировать авторитаризм как аспект групповой идентификации и сплоченности, что позволит изучать его и как групповой, и как индивидуальный процесс. Объединив теорию Г. Тажфела, придававшего стереотипам центральное место в формировании социальной идентичности [185], и проблематику авторитарности, Дж. Даккитт, на наш взгляд, создал перспективу для изучения роли стереотипов в формировании и поддержании авторитарности.

С. Филдман [154] предложил новое понимание, в соответствии с которым авторитарность личности возникает в конфликте между социальной конформностью и личной автономией. В свою очередь, главным личностным детерминантом

социальной конформности, по его мнению, является отсутствие толерантности к неопределенности или «Открытости опыту» (фактор «Большой пятерки»): быть нетерпимым к неопределенности означает желательность социальной конформности, исключая разнообразие в обществе и нежелательность слишком большой индивидуальной свободы [154, с.68]. По утверждению С. Филдмана, консерватизм не должен быть компонентом меры авторитаризма, и главное преимущество меры социальной конформности-автономии состоит в том, что она не включает в себя консервативное содержание.

Дж. Дакитт и К. Фишер [151] также показали, что высокая степень социальной конформности в ситуации социальной угрозы влияет на усиление авторитарных установок, делая цель социального контроля, безопасности и стабильности существенной для индивида. Однако выяснилось, что социальная угроза вызывает стремление к авторитарному контролю не напрямую, а опосредованно, через мировоззренческий уровень, если у индивида существует своеобразная преднастройка – убеждение, что мир полон опасностей и риска.

Можно заметить, что хотя есть сильное сходство между формулировками Дж. Дакитта и С. Филдмана, имеются также различия. Стремление к групповой солидарности и следованию нормам, ценностям группы и воле лидера в модели Дж. Дакитта происходит прежде всего от ингрупповой идентификации. В представлении С. Филдмана, желание социального единства и, соответственно приверженность нормам группы и послушность воле лидера активизируются в ситуации угрозы сохранению социального порядка.

Подход Дж. Дакитта подразумевает, что люди с сильной групповой идентификацией развивают авторитарные убеждения, если этой группе кто-то или что-то угрожает. Однако, как заметили Дж. Стелмахер и Т. Петзел [181], вопрос о том, является ли этот механизм общим психологическим механизмом, независимым от степени выраженности авторитарных диспозиций, в исследовании Дж. Дакитта не был одно-

значно определен. С целью преодоления данного противоречия они предложили измененную модель, назвав ее концепцией «группового авторитаризма» и разработав соответствующую диагностическую шкалу (шкалу GA). Дж. Стелмахер и Т. Петзел показали, что этот психологический механизм более интенсивно реализуется людьми с высокой авторитарной предрасположенностью, чем теми, у кого авторитарные диспозиции незначительны. Основная идея данной модели формулируется так: «Только сильная и угрожаемая групповая идентификация ведет к авторитарной реакции. Эта авторитарная реакция будет тем сильнее, чем выше авторитарная диспозиция, идентификация и индивидуально воспринимаемая угроза» [181, с.258].

Дж. Дакитт, авторы теории группового авторитаризма выдвинули также гипотезу об авторитаризме как одном из факторов, обеспечивающих личную безопасность. Напомним, что аналогичные идеи высказывались классиками психоанализа, утверждавшими, что авторитарные тенденции характерны для внутренне незащищенной личности с повышенной потребностью во власти [8; 124]. В этой связи также уместно упомянуть еще одно из современных исследований, которое обращается к проблеме связи авторитарности и восприятия угрозы.

Немецкий психолог Д. Ойстрих [171] предлагает объяснение тому факту, что некоторые люди развивают интенсивные авторитарные диспозиции, а у других этого не происходит. Рассматривая безопасность в качестве основной потребности личности, он указывает на главную причину, которая отличает высокоавторитарных от низкоавторитарных: высокая потребность в безопасности и поддержке с тем, чтобы уменьшить беспокойство и неуверенность. Он утверждает, что авторитарные диспозиции появляются вследствие того, что некоторые индивиды не в состоянии развить личную автономию. Согласно его теории, авторитарная реакция в угрожающих ситуациях естественна и адекватна на ранних стадиях индивидуального психологического развития. Авторитарная

реакция защищает ребенка от рисков и угроз мира, с которыми он еще не может справиться. Однако если индивид не в состоянии преодолеть тенденцию авторитарной реакции на ситуации угрозы в ходе своего развития, то поиск безопасности при угрожающих обстоятельствах трансформируется в устойчивую авторитарную диспозицию.

О потенциальной авторитарности членов современного общества, готовности подчиняться любим, даже жестоким приказам, говорят получившие широкую известность исследования, проведенные С. Милграмом [76]. Неожиданные результаты его экспериментов состояли в том, что большинство участников эксперимента послушно выполняли приказы экспериментатора, наказывая «жертву» электрическим током и доводя интенсивность электрошока до значений, опасных для здоровья.

Австралийский психолог Дж. Рэй [175] предложил собственное понимание авторитарности и соответствующее психометрическое усовершенствование – шкалу директивности, измеряющую стремление к господству. Выражая несогласие с идеями Т. Адорно, утверждавшего существование двойственной природы авторитарности, включающей как господство, так и подчинение, он выдвинул идею о ядре авторитарности, которое было формально определено исключительно как «желание или тенденция утвердить свою волю вопреки воле других людей». Господство и подчинение (покорность) Дж. Рэй рассматривает не как положительно связанные, а как строго противопоставленные позиции [174]. Уточняя понятие «авторитарность» («директивность» – в его понимании), он подчеркивал, что в психологическую структуру авторитарности входит агрессивность и ригидность [173].

Ф. Пратто и Дж. Сиданиус [172; 179] предложили новый конструкт, назвав его термином «ориентация социального доминирования» (*social dominance orientation – SDO*). Их главная идея состоит в утверждении, что среди людей есть лица с установкой к межгрупповым отношениям, в соответствии с которой отношения между группами должны быть

организованы по иерархическим линиям, и эти группы должны быть отнесены в две категории: доминирующие и подчиненные. Авторы считают, что люди с высоким уровнем ориентации на социальное доминирование стремятся сохранить экономическое, политическое и социальное неравенство групп, готовы к поддержке соответствующих идеологий для достижения выгодного положения.

П. Хейвен и С. Букки [157] исследовали личностные корреляты SDO и RWA, используя пятифакторную модель личности (Большая пятерка). По их результатам оба показателя (RWA и SDO) отрицательно связаны с «Открытостью опыту», RWA положительно коррелирует с «Сознательностью», а SDO – отрицательно с «Доброжелательностью». Как отмечают исследователи, полученные корреляции RWA согласуются с такими особенностями авторитарной личности правого толка, как приверженность традиционным ценностям, тенденции к организованности и моралистичности и сниженная когнитивная сложность. По контрасту люди с высокими показателями SDO не имеют почтения к установленным авторитетам, поэтому имеют столь невысокое чувство долга и испытывают недостаток в этике, сотрудничестве и симпатии.

В другом исследовании, проведенном Б. Экехаммаром и др. [153], факторы Большой пятерки оказались связанными больше с RWA (положительные корреляции с «Сознательностью» и «Экстраверсией», отрицательная связь с «Открытостью») чем с SDO (только отрицательная связь с «Доброжелательностью»). По-видимому, отрицательные связи авторитаризма правого толка с «Открытостью» и отрицательные связи ориентации социального доминирования с «Доброжелательностью» устойчивы, поскольку менее чувствительны к социокультурному контексту.

Исследования Б. Альтемейера показали, что авторитарная личность склонна к подчинению и мало интересуется личной властью [145]. Однако в одной из его статей [144] приводятся данные, показывающие, что среди авторитарных (RWA) имеется подгруппа лиц, склонных как к подчинению, так и к со-

циальному доминированию (SDO) и к коррелирующей с ним личной власти, «одержимых жаждой власти». И все же, Б. Альтемейер трактует эти факты не как общие закономерности личностного авторитаризма, а как явление смешанного типа, в котором сочетаются тенденции подчинения (свойственные авторитарной личности правого толка) и доминирования (характерные для лиц, склонных к социальному и индивидуальному доминированию). Необходимо заметить, что по результатам самого Б. Альтемейера, ориентация социального доминирования (SDO) и авторитарность (RWA) хоть и умеренно ($r = 0,20$), но положительно связаны [144, с.427]. В других исследованиях полученные корреляции были или несколько выше [157, с.52], или достигали очень высоких значений ($r = 0,52$; $p \leq 0,001$ [153, с.473]). Однако в любом случае исследователи единодушны в признании разного происхождения двух разновидностей авторитарности [144; 146; 153; 157].

По нашему мнению, повторяющаяся в эмпирических исследованиях положительная корреляция между авторитаризмом правого толка и ориентацией социального доминирования обусловлена их общей связью с фактором иерархизации социальных отношений. Показано, что легитимизация социальной иерархии, утверждающая неравенство групп, является явным аспектом в конструкте SDO [172; 179]. В отличие от него, в RWA иерархический аспект присутствует неявно. Если это предположение правильное, решение проблемы доминирования-подчинения может быть найдено в рамках социокультурного подхода. При таком подходе авторитарные диспозиции можно рассматривать как психологические факторы, поддерживающие универсальный для различных социальных групп принцип иерархической упорядоченности социальных взаимодействий.

Дискуссионным является также вопрос, касающийся отношения авторитарных лиц к морали. В недавнем исследовании А. Кнафо [165] сравнивались авторитарные (RWA) отцы с неавторитарными отцами, а также их дети. Выяснилось, что

авторитарные (RWA) отцы, больше чем неавторитарные, хотят, чтобы их дети были консервативными и конформными, придавали важное значение традициям. Кроме того, они в большей степени хотели бы, чтобы их дети ценили власть и контроль над людьми и ресурсами, социальный статус, и меньше, по сравнению с неавторитарными, ценили универсализм (понимание, толерантность и забота о благосостоянии всех людей и природы). Однако, ценностная преемственность авторитарных отцов и их детей-подростков проявилась только по двум ценностям: по сравнению с потомством неавторитарных отцов, потомство авторитарных действительно придает больше важности власти и меньшую важность универсализму. Это приводит к тому, что эти подростки значительно чаще остальных имеют дружеские связи с хулиганами, принимают запугивание как допустимое действие, участвуют в насилии сами.

К сожалению, проблема ценностных приоритетов авторитарной личности в психологии изучена недостаточно. Как отмечает Н.А. Дьяконова [43], имеющиеся работы направлены преимущественно на религиозные и политические ценности авторитарной личности, а мировоззренческие ценности фактически не затрагиваются.

Изучение ценностных приоритетов способно четко выявить целевые координаты авторитарной личности. В частности, в эмпирическом исследовании, которое провели И. Маккей и Н. Фитер [170], обнаружено, что ценности, лежащие в основе авторитаризма правого толка (RWA), отражают цели безопасности, конформность и консервативные приоритеты, ориентированные на традиции. В другом, более раннем исследовании [159], выявлено, что в студенческой среде США и Германии авторитарные люди выше, чем неавторитарные, оценивают комфортную жизнь, чувство завершенности, спасение и счастье (терминальные ценности по методике М. Рокича). Интерес представляют социокультурные различия, отражающие господствующие в разных культурах ценности: американские авторитарные студенты выше ценят

также свободу, а немецкие – национальную безопасность.

В отечественной психологии исследования в рамках проблемы авторитарной личности только начинаются. В 1990 году опубликованы результаты кросскультурного исследования авторитарной личности в СССР и США [1], в котором приняли участие российские психологи М.А. Абалакина и В.С. Агеев; проблему авторитарности разрабатывали также А.С. Дмитриев, Н.А. Дьяконова, А.И. Розов, В.А. Самойлова, В.В. Юртайкин и некоторые другие авторы [40; 42; 43; 98; 105].

А.И. Розов [98] считает стремление к превосходству одним из приоритетных предметов психологического анализа личности. Данное понятие рассматривается им в качестве существенного исходного влечения, объясняющего поведение и развитие личности. В отличие от А. Адлера, стремление к превосходству А.И. Розов считает глубинным движущим побуждением, которое является, по существу исходным влечением, а не желанием компенсировать чувство неполноценности. Человек, по его мнению, как правило, стремится добиться превосходства в своем микросоциальном окружении или в сфере своих интересов, в своей привычной среде. Чрезмерное стремление к превосходству приводит к отрицательным последствиям: карьеризму, высокомерию, властолюбию, стяжательству, самовозвышению и т.д. Стремление к превосходству может найти выражение в зависти, возникающей по отношению к тем, кто добивается преимущества в чем-либо значимом.

В кросскультурных исследованиях правого авторитаризма (М.А. Абалакина, В.С. Агеев, С. Мак-Фарланд [1; 169]), обнаружено, что уровень авторитаризма правого толка в США, как ни странно, выше, чем в России. Результаты показали, что авторитаризм привязан к конвенционализму, а не к определенным идеологиям. Тот же самый авторитаризм может быть выражен как лояльность различным культурным нормам, даже противоположным. Во всех случаях, однако, это – усиленная лояльность вместе с враждебностью, направленной на

инакомыслящие культуры и с поддержкой использования силы против тех, кто воспринимается как угроза принятому порядку.

Другое исследование [105] преследовало ряд задач, направленных на оценку выраженности авторитарных установок у различных групп городского населения. Сравнительный анализ величин средних индексов позволил сделать вывод о более заметной авторитарности рабочих, ИТР и учителей. У них сильнее проявляются эгоцентризм, доминирование негативных установок в отношении к людям, категоричность в оценках, жесткость воспитательских установок, стереотипность и ригидность мировосприятия и др. По выводам авторов данного исследования уровень авторитарности населения на момент проведения исследования весьма значителен.

В этом исследовании не обнаружено гендерных различий по авторитарности. В соотношении авторитарности и уровня образования, напротив, наблюдается иная тенденция. Установки лиц, имеющих высшее образование, в целом оказались менее авторитарными, в них выражаются более развитые гуманистические ценности, способности к более сложному и дифференцированному мировосприятию. В качестве одного из наиболее важных критериев авторитарности в российских условиях была выделена жесткость воспитательских установок. Выяснено также, что авторитарность отрицательно коррелирует с удовлетворенностью жизнью. Среди тех, кто в большей степени удовлетворен складывающейся жизнью, больше людей с интернальным локусом контроля, то есть склонных к принятию ответственности на себя, активных, творческих, менее зависимых от внешнего одобрения. Поэтому формирование активной, творчески ориентированной личности авторы этого исследования считают тем механизмом, который поможет молодежи в поисках путей собственного становления и адаптации в нашем обществе.

Один из авторов этого исследования В.А. Самойлова [105] считает, что даже с учетом того, что авторитарный синдром – это устойчивое личностное ядро, конкретные проявления ав-

торитарности могут быть ситуационно обусловлены. Условия жизни могут усиливать или напротив, снижать некоторые проявления авторитаризма. Она отмечает также, что в российском обществе существует инерция авторитарного сознания, обусловленная как социальными реалиями, так и собственно психологическими механизмами трансляции авторитарного опыта.

В кросскультурном исследовании авторитарной личности, проведенном Н.А. Дьяконовой и В.В. Юртайкиным [42; 43], показано, что специфика взаимосвязи между авторитаризмом, локусом контроля и ценностными ориентациями определяется социокультурным контекстом развития личности. Вопреки зарубежным исследованиям, показывающим связь авторитарности с внутренним локусом контроля (что в особенности характерно для мужчин), у авторитарной личности в России данная тенденция не проявляется. Это дало основания считать, что внутренний локус контроля связан с авторитаризмом в тех культурах, где контроль над своей жизнью является одной из приоритетных социальных ценностей. Кроме того, обнаружено, что российские и американские студенты, обучающиеся гуманитарным специальностям, менее авторитарны и в меньшей степени привержены западным ценностям, чем студенты, обучающиеся специальностям, связанным с бизнесом.

Данное исследование также показало, что уровень авторитаризма правого толка в России значительно ниже, чем в США. Это обусловлено, по мнению авторов, тем, что приверженность устоявшейся системе консервативных норм и ценностей, как одна из составляющих понятия правого авторитаризма, потеряла актуальность для современной России, поскольку в нашем обществе в настоящее время нет устоявшихся социальных ценностей.

Эти, пусть и немногочисленные пока результаты, дают нам возможность в следующем параграфе более детально обсудить проблему авторитарного стереотипа и авторитарной личности применительно к традиционному российскому мен-

талитету и менталитету современной российской молодежи. Одновременно с обсуждением этого вопроса мы сформулируем основные исходные положения, на которых будет базироваться наше исследование.

2.2. Специфика авторитарной стереотипизации в менталитете российской молодежи

Итак, в современной психологии к настоящему времени не сложилось единой точки зрения по вопросу о соотношении в характере авторитарной личности тенденций доминирования и подчинения. А. Адлер [8], Э. Фромм [124], Т. Адорно [10; 140] утверждали, что личностная авторитарность объединяет эти кажущиеся несовместимыми, на первый взгляд, импульсы. Включив в число характерных особенностей авторитарного синдрома склонность подчиняться авторитетам, Т. Адорно не исключил из него так называемый «комплекс власти», акцентирующий мотив власти в отношениях между людьми и предрасположенность воспринимать эти отношения в категориях «слабый-сильный»: «Часто индивид устраивается так, что он имеет возможность отождествлять себя с фигурами власти и таким образом удовлетворять сразу две свои потребности: потребность власти и потребность подчинения. Подчиняясь власти, он полагает, что принимает в ней участие» [10, С.62-63].

Иерархическая сущность авторитарности, на наш взгляд, такова, что она содержит в себе одновременно сильные потенциалы и доминирования, и подчинения, вполне укладывающиеся в общую тенденцию поддержания иерархического принципа организации социальных взаимодействий. Интенция на иерархизацию социальных отношений может принимать как осознанную, так и бессознательную формы. В определенной ситуации у субъекта одни диспозиции (доминирования или, напротив, подчинения) могут актуализироваться, а противоположные – находиться в потенциальном состоянии или скрытом, латентном, в ожидании релевантной ситуации.

Некоторые люди, которых можно отнести к «авторитарным», в более широком диапазоне ситуаций, чем остальные, оказываются чувствительными к аспектам господства или подчинения. Одни из них проявляют в этих ситуациях чаще готовность к подчинению, другие – к господству. Это должно обуславливать взаимодополняемость склонностей авторитарного доминирования и авторитарного подчинения в структуре авторитарного характера.

Во многих исследованиях показана неизбежность и необходимость иерархизации в сложных системах, к которым относятся и биологические и социальные [35; 41]. Говоря о самых общих аспектах авторитарности, Б.С. Алишев отмечает тот факт, что человек, как и любое живое существо, стремится занять достаточно высокое положение в иерархии сообщества. Особенность авторитарных технологий социальных взаимодействий, по его мнению, состоит в том, что статус индивида определяется его местом в иерархии только по одному или нескольким основаниям, но сохраняется практически во всех сферах взаимодействий. Такой тип «целостной иерархизации» и соответствующей технологии взаимодействий характерен также для животных сообществ, что позволяет говорить о его исторической первичности и культурной трансформации в процессе развития общества [12, с.161-176].

Из иерархического идеала как регулятора социального поведения следует принцип строгой организованности и иерархической упорядоченности социальных структур (то, что в той или иной мере является характеристикой типичной социальной организации). Многочисленные социологические и социально-психологические исследования последних лет показали, что на уровне ценностных ориентаций власть как значимая ценность (в меньшей степени статус) людьми отвергается. Исследования авторитарности на уровне ментальности, напротив, свидетельствуют о наличии повышенного авторитарного фона у населения России и некоторых других стран [42; 105]. В этой тенденции, на наш взгляд, отражается тот факт, что авторитарный стереотип на уровне ментальности

выполняет функцию поддержания иерархического принципа организации социальных взаимодействий, компенсируя регулятивные функции иерархического идеала и существуя как его превращенная форма.

Наши предположения созвучны идеям С.А. Королева [56] о механизме властной нормализации, обеспечивающем воспроизводство иерархических отношений в социуме. «Властная нормализация – это весьма специфическая нормализация, которая обеспечивает существование социума в рамках данного типа власти и его развитие по законам данного типа власти» [56, с. 30]. Она направлена не на поддержание совокупности условий выживания социума, а обеспечивает скорее «выживание власти в социуме». С этих позиций технологии неформальной иерархизации, (подобные дедовщине) могут рассматриваться, по мнению С.А. Королева, не как отклонение от социальных норм, а как средство осуществления властной нормализации, как механизм воспроизводства власти в условиях определенного рода микроструктур.

Итак, в качестве общей склонности, определяющей восприятие и поведение авторитарной личности на всех уровнях социальных взаимодействий, выделим интенцию на иерархизацию социальных отношений, которая может принимать как осознанную, так и бессознательную формы. Как представляется, потребности авторитарного доминирования и авторитарного подчинения (сильной личности, группе, государству и т.д.), зафиксированные в авторитарной установке и авторитарном стереотипе, вполне укладываются в общую линию готовности к установлению и поддержанию (воспроизводству) статусно-иерархических отношений.

Мы исходили из идеи о том, что авторитарный стереотип нельзя рассматривать только как явление, характеризующее определенный тип отношений личности с большой социальной общностью, группой, с которой он себя идентифицирует. В таком понимании авторитарный стереотип превращается преимущественно в феномен, имеющий политическое содержание. Мы же считаем, что в рамках большой культурной

общности личность вступает во взаимодействия и отношения разного уровня, и на всех этих уровнях проявляются ее установки и стереотипы, в том числе авторитарный стереотип.

Нами выделены три основные сферы жизненной активности личности, в которых может быть реализован авторитарный стереотип. Исходным стало положение Б.С. Алишева [12], согласно которому властно-иерархические отношения реализуются на трех разных социальных уровнях – политическом, организационном и межличностном. На всех этих уровнях действуют, в сущности, одни и те же – авторитарные или демократические технологические универсалии, принимающие в разных обществах и культурах различные вариативные формы.

Авторитарности как личностной характеристике, проявляющейся на уровне политических или организационных взаимодействий, исследователями уделяется гораздо больше внимания, чем ее проявлениям в межличностном плане. Однако обычный человек лишь опосредованно включен в политические процессы, он дистанцирован от процедур и механизмов принятия политических решений, имея возможность лишь в той или иной степени идентифицироваться с субъектом власти – политической элитой. Поэтому, как это показано в зарубежных и отечественных исследованиях, в политических взаимодействиях авторитарная личность ориентируется преимущественно на подчинение, а мотивы доминирования и контроля реализуются опосредованно, через представителей политической власти.

Организационный уровень властных отношений традиционно рассматривается в работах по стилю лидерства и руководства. Явления гипертрофии единоначалия в руководстве, неучета или преднамеренного игнорирования группы достаточно подробно исследованы в психологии. В деструктивном варианте авторитарного стиля руководства часто происходит подавление инициативы подчиненных, в отдельных случаях – дискриминация и разрушающее воздействие на личность. Общим следствием нарушения «баланса властей» руководи-

теля и подчиненных становится положение, при котором руководитель формально является членом группы, но в аспекте его отношений с ними ставит себя как бы вне группы, разрушая тем самым организационный потенциал интеграции с группой [48, с.28-29].

Исследователями признается необходимость организационной власти и приоритет авторитарного (директивного) метода управления в определенных технико-технологических, организационных, экономических и социально-психологических условиях. Постулируется необходимость создания руководителем специальных условий, обеспечивающих иерархизацию отношений в организациях [44; 48]. Исследование, проведенное М.Г. Роговым и С.П. Дыриным [96] показало, что экономическая эффективность большинства российских предприятий находится в прямой зависимости от преобладания на них директивных методов управления, что во многом связано с традиционными для российского менталитета ожиданиями осуществления властью патерналистской политики. Авторы подчеркивают ценностно-мотивационный аспект формирования модели руководства и обосновывают идею, согласно которой преобладание на российских предприятиях директивных методов определяется рядом базовых характеристик российской ментальности: ориентированностью на подчинение сильной власти; традиционным анархизмом российского человека; низкой ценностью соблюдения законов; потребностью в объединяющей идее; невысокой ценностью отдельно взятого человека; подчиненностью личности группе и др.

В отличие от политического уровня взаимодействий, объективная вовлеченность личности в организационные отношения и возможность контроля над ситуациями значительно выше; на этом уровне субъекты взаимодействия, как правило, персонифицированы и эмоционально значимы друг для друга, многое зависит от статуса субъекта в системе субординации и от того, с кем отождествляет себя испытуемый – с руководителем или подчиненным. Индивид, который иденти-

фицирует себя с руководящей ролью, скорее всего, будет в большей степени ориентироваться на доминирование, чем тот, кто не рассчитывает на выдвижение на руководящую должность.

Однако основная масса конкретных взаимодействий осуществляется личностью не на организационном и, тем более, не на политическом уровне, а на межличностном. Именно этот уровень взаимодействий является базовым, на нем в многочисленных межличностных контактах проявляет себя общая тенденция иерархизации отношений, наблюдаемая в общностях различного масштаба и уровня. Авторитарные технологии взаимодействия на данном уровне особенно хорошо наблюдаются в наиболее структурированном типе микросоциальных групп – в семьях. В исследованиях власти и подчинения, реализующихся на межличностном уровне, изучаются формы самоутверждения личности [125], детско-родительские отношения [47; 50; 70; 82], взаимоотношения супружеских пар [17; 86], военнослужащих [38; 56], осужденных [73; 132] и др. Особое направление исследований авторитарности касается проблемы взаимодействий педагогов с учащимися [104; 112; 114; 128].

В социальной психологии в последние годы активное внимание стало уделяться феномену затрудненного общения, под которым понимается проблемность, непонимание, возникающие между партнерами, недовольство друг другом и т.п. [58]. Результаты исследований данной проблемы [58; 59; 116; 132], показывают, что авторитарность личности является одной из основных причин нарушений общения. С.А. Сухих и В.В. Зеленская считают, что установки на подавление партнера по взаимодействию и использование его с целью самовозвышения, обуславливающие агрессивно-обесценивающий стиль коммуникации, должны выступать главными критериями для определения субъекта затрудненного общения [116]. У субъектов затрудненного общения с антисоциальной направленностью в результате ценностно-нормативной деформации авторитарность часто приобретает форму жестоко-

сти [132].

В типологии людей по основаниям активности и нравственности, разработанной Л.М. Поповым с соавторами [93, с.59-76], авторитарные лица относятся к так называемому «аморально-деятельному» типу, для которого характерна склонность к совершению разрушительных действий с точки зрения общечеловеческих ценностей. Действительно, можно привести множество примеров деструктивного авторитарного общения в повседневном взаимодействии – в быту, в формальном и неформальном общении по месту учебы, на работе, в магазине, на улице.

Мы предполагаем, что на межличностном уровне поведение субъектов общения подчиняется закономерностям, по отношению к которым другие уровни (организационный и политический) оказываются нечувствительными. В межличностном общении характеры личностей проявляются особенно ярко, чувства персонифицированы, субъекты взаимодействия, как правило, непосредственно контактируют друг с другом. Позиционируя себя в качестве высокостатусного субъекта, индивид мотивирован тем, чтобы избегать проявления подчиняемости и конформности – качеств, которые в авторитарной культуре воспринимаются как проявление слабости.

Как уже указывалось, в нашей стране разработка проблемы авторитарности ведется недостаточно интенсивно. Авторы, использующие термины «авторитарная установка» и «авторитарный стереотип», как правило, опираются на интуитивные представления о содержании этих понятий. Эти обстоятельства заставляют нас предложить собственное понимание сущности авторитарных установок и авторитарного стереотипа. Разрабатывая его, мы исходим из самых общих – атрибутивных особенностей авторитарной личности, тех ее ключевых свойств, которые представляются необходимыми, конституирующими характеристиками авторитарности. Наиболее существенные из них были указаны выше. Кроме того, мы учитываем отличие установки от стереотипа, стереотипа восприятия от стереотипа поведения.

В нашем понимании авторитарная установка – это устойчивая предрасположенность личности к восприятию и выстраиванию социальных взаимодействий в контексте доминирования-подчинения и статусно-иерархических различий; постоянная готовность к приобретению власти и использованию принуждения, демонстрации превосходства и следованию воли высокостатусных субъектов. Что касается авторитарного стереотипа, мы понимаем под ним обобщенное устойчивое представление о людях, группах, социальных отношениях, основывающееся на понятиях доминирования-подчинения и статусно-ранговых различий; когнитивную схему, в соответствии с которой ценность человека определяется его местом в социальной иерархии. То есть авторитарный стереотип отражает такую оценку личности, которая определяется его положением (ранговым статусом) в иерархической структуре общества. Авторитарный стереотип поведения, в нашем понимании – это устойчивая модель поведения, направленная на иерархизацию отношений, приобретение, сохранение, использование и демонстрацию власти и превосходства, на подчинение высокостатусному субъекту, а также на избегание подчиненности или равенства с людьми одинакового или низшего статуса.

Как показало наше исследование, социальный стереотип, являясь одним из элементов ментальности общности, выполняет функцию стабилизации социальных представлений, мировосприятия группы и индивида. Стереотипы и архетипы образуют ядро ментальности, обеспечивая некоторый баланс между развитием и сохранением «статус-кво» группы, нерелексированного уровня ее мировосприятия. Являясь одним из элементов ментальности, авторитарный стереотип способствует установлению нерелексированной иерархически организованной картины мира – бессознательной на уровне индивида и неявной на уровне общности.

Существенным дополнением к изложенной схеме, на наш взгляд, является гипотеза о стереотипе как потенциальной цели субъекта социального познания (индивида, группы),

обоснованная в параграфе 1.2 монографии. Это допущение позволяет с позиций деятельностного подхода раскрыть динамику стереотипизации, прояснить функциональное отличие стереотипа от установки, интерпретировать стереотип не только как детерминанту социального познания, но как фактор, образующий систему деятельности. Стереотипизация в этом ключе рассматривается нами как составное действие, органично включенное в рамки латентной деятельности, цель которой – воспроизводство стереотипа как социального представления и как прообраза желаемого будущего. Авторитарный стереотип при таком подходе может быть рассмотрен как потенциальная цель, направляющая субъекта на формирование статусно-иерархического контекста в социальных взаимодействиях, в конечном счете, на иерархизацию социальных отношений.

Понятие «авторитарность» чаще определяется как избыточное *стремление* личности к власти и превосходству или к подчинению. Об этом свидетельствует сформировавшаяся в данной области исследований терминология: «потребность в доминировании», «потребность в подчинении», «стремление к власти и превосходству», «мотивы власти и подчинения». В таком определении авторитарности подчеркивается, прежде всего, значение потребностно-мотивационной сферы личности как исходного звена, фундамента формирования тенденций власти и подчинения. Мотивационный акцент в понимании сущности авторитарной личности отражает преимущественно бессознательную природу авторитарных стремлений. Это обусловлено, кроме других причин, ранним формированием авторитарных склонностей в процессе первичной социализации, которая формирует стабильные и почти не поддающиеся осознанию диспозиции личности, что подтверждается, кроме классических, и современными работами [47; 82].

Можно выделить авторитарную направленность как ведущую тенденцию авторитарной личности – ее носителя. Такого рода направленность в некоторых пределах свойственна любому человеку, но в структуре авторитарной личности она

занимает ведущее место. Это происходит не только как результат осознания приоритета господства и контроля над демократичностью, но также вследствие установок и стереотипов, которые функционируют преимущественно на бессознательном уровне и поэтому оказывают столь устойчивое и интенсивное влияние на политическое, организационное и межличностное поведение.

В психологии направленность рассматривается как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад [65, с.310-331]; в данном определении выделяется некоторое качество личности, которое абстрагируется от альтернативных форм (латентных, потенциальных и т.д.) направленностей. Очевидно, для описания личности, которую нельзя однозначно охарактеризовать как «авторитарную», можно использовать такие градации авторитарности, как «латентная авторитарность», «потенциальная авторитарность», «амбивалентная (в противоречивом комплексе с демократической направленностью) авторитарность». С.Л. Рубинштейн раскрывал проблему направленности личности как многообразие ее проявлений, разветвленную систему, складывающуюся из потребностей, стремлений, интересов, установок, склонностей, идеалов, мировоззренческих взглядов личности [101, с.103-107]. В этом ключе, развивая проблему авторитарной личности, необходимо говорить об авторитарных потребностях, интересах, идеалах и других элементах психического в связи с тенденциями власти и подчинения, объединяя их в системно организованный комплекс диспозиций. В русле данных рассуждений представляет интерес «диспозиционная концепция регуляции социального поведения личности», в которой В.А. Ядов [139, с.89-106] акцентировал внимание на роли установок и ценностей как регуляторов активности личности, восходящих от бессознательного уровня регуляции деятельности (фиксированные установки) к сознательному уровню (ценностные ориентации).

В его модели низший уровень иерархической системы диспозиций составляют фиксированные установки, которые

формируются на основе витальных потребностей в простейших ситуациях. Можно предположить, что авторитарность на данном уровне выражается как примитивная по своим механизмам актуализация преимущественно инстинктивных форм активности, соответствующих биологической природе человека.

Второй уровень диспозиций – социальные фиксированные установки, или аттитюды – более сложные диспозиции, которые формируются на основе потребности человека в общении, осуществляемом в малой (контактной) группе. Авторитарные установки данного уровня не осознаются субъектом и актуализируются по бессознательным механизмам [22, с.387].

Третий уровень диспозиций – базовые социальные установки, представляющие общую направленность интересов личности в определенную сферу социальной активности и отражающие идентификацию личности со значимой для нее социальной деятельностью. В данном случае можно говорить об авторитарности как устойчивом качестве, проявляющемся на уровне межличностных отношений в семейной жизни, в эмоциональном общении на работе или на организационном уровне в процессе реализации деловых связей.

Четвертый уровень диспозиций – система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения, детерминированные общими условиями жизни данного индивида, типом общества, его идеологией, политическими и культурными принципами. Четвертый уровень осуществляет уже сознательное регулирование целостного поведения личности, ее деятельности. Авторитарность на нем выступает как целеполагание, осознанный выбор власти и превосходства как главных, ведущих, одних из самых приоритетных, в ряду других, ценностей. Данному диспозиционному уровню соответствует понимание власти как ценности, обозначенное в теории универсального содержания и структуры ценностей Ш. Шварца и У. Билски [178]. Из ценности власти выводится мотивационная цель достижения социального статуса, престижа и господства над людьми в пределах социума, пони-

маемого в широком смысле, а не в рамках, ограниченных конкретным взаимодействием.

В иерархической системе диспозиций существует сложное сочетание разного рода направленностей, одна из которых в некоторый момент времени выступает как устойчиво актуальная, другие как потенциальные, латентные, возможные и т.д. Авторитарная направленность, являясь ведущей тенденцией авторитарной личности, в некоторых границах может быть свойственна любому человеку, таким образом, что в какой-то момент времени авторитарные тенденции могут выступить в качестве системообразующих в многоуровневой иерархии личностных диспозиций, что может быть обусловлено, кроме иных причин, ситуационными влияниями.

Таким образом, адекватное научное исследование авторитарности должно включать в свой анализ и измерение все уровни диспозиционной системы личности: на неосознаваемом уровне – мотивы, социальные установки и стереотипы, а на сознательном уровне – личностные ценности.

В этой связи можно сделать несколько предположений, касающихся ценностного аспекта авторитарности. Современные отечественные исследователи стремятся выделить наиболее существенные особенности личности с авторитарной доминантой мировосприятия. Б.С. Алишев в качестве характеристики, отличающей личность с властной доминантой, рассматривает присущую ей тенденцию, определяющую приоритет интересов собственного единичного существования – тенденцию к приоритету «Я» над «не-Я». В социальном взаимодействии «не-Я» – это другой человек и образуемая людьми группа [12, с.173].

Другая особенность авторитарной личности – стремление к определенности. В.И. Тюпа в описаниях личности, «ментальный вектор» которой можно обозначить как «вектор власти», отмечает ее склонность отождествлять себя с ролью в миропорядке, располагать свое «я» на большем или меньшем расстоянии от его центра – в промежутке между центром и «краем» мира, за которым начинается неприемлемая для это-

го менталитета маргинальность [119]. По мнению американского психолога С. Филдмана [154, с.48], лица, которым свойственна социальная конформность (мера авторитаризма в его понимании), имеют сильное желание ограничить разнообразие в обществе, поскольку оно несет потенциальную угрозу принятым социальным нормам. Исходя из вышеизложенных соображений, можно предположить наличие двух главных специфических отличий ценностного мира авторитарной личности – для нее более приоритетны, чем для других людей, ценности, отражающие тяготение к полюсу «Я» и, напротив, имеет меньшую ценность разнообразие жизни.

В разработке концептуальной схемы, определяющей критерии оценки и индикаторы авторитарного стереотипа, мы опирались на представление о двухуровневом строении когнитивной составляющей стереотипа восприятия. Структура стереотипа состоит из ядерных и периферических образований, которые формируют, соответственно, осознаваемую и бессознательную части стереотипа. Осознаваемой формой стереотипа являются оценочные суждения, характеризующие тот или иной социальный объект. Они являются некоторыми сокращениями, внешней формой стереотипа, который существует как целостный образ. То есть, субъективные оценочные суждения при определенных условиях, в частности, при тестировании, могут выступать индикаторами социальных стереотипов.

ГЛАВА III. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫРАЖЕННОСТИ АВТОРИТАРНОГО СТЕРЕОТИПА У РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

3.1. Методика исследования

Напомним, что в данном исследовании решались следующие эмпирические задачи:

- разработать методику измерения степени выраженности авторитарного стереотипа на основе концептуальных позиций исследования;
- выявить меру выраженности авторитарного стереотипа у современной российской молодежи в целом и у различных социальных и демографических групп, составляющих ее;
- выявить связи авторитарности личности с ее ценностными приоритетами и другими индивидуально-психологическими характеристиками.

Для их решения в 2002-2004 г.г. проведено исследование в школах, средних специальных учебных заведениях, ВУЗах, промышленных предприятиях г. Нижнекамска. В исследовании использовались следующие методики:

1. F-шкала Т. Адорно.
2. Авторская методика – тест «Авторитарный стереотип» (разработана в соавторстве с Б.С. Алишевым).
3. Тематический апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мюррея.
4. Тест «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т. Лири в модификации Л.Н. Собчик.
5. Методика изучения структуры ценностей личности Б.С. Алишева.

Первые две методики использовались для решения второй из указанных задач, то есть для измерения уровня выраженности авторитарного стереотипа. Одновременно в процессе разработки второй методики решалась первая задача. Две последние методики предназначались для решения последней задачи – для выявления связей авторитарности личности с ее

индивидуально-психологическими характеристиками, с ценностными приоритетами. Применение ТАТ было обусловлено нашим желанием получить некоторую качественную информацию, которая могла бы способствовать более глубокому анализу сущности и психологических корней авторитарной стереотипизации личности, а также ее связей с другими личностными свойствами и чертами.

Ф-шкала Т. Адорно. Т. Адорно, Э. Френкель-Брюнсвик, Д. Дж. Левинсон и Р. Н. Сэнфорд в середине прошлого века разработали методику диагностики авторитарного потенциала личности [140]. Идея о создании Ф-шкалы, измеряющей антидемократические склонности и избегающей откровенно идеологические вопросы, возникла в соответствии с концепцией разработчиков, предполагавших, что этноцентризм и антисемитизм являются тенденциями, которые происходят из структуры характера индивида. По результатам Т. Адорно и его сотрудников, авторитарную личность характеризуют девять личностных особенностей, которые тесно связаны друг с другом и образуют, с точки зрения авторов, «единый синдром, более или менее устойчивую структуру личности». Соответствующие шкалы получили названия: «конвенционализм», «авторитарное раболепие», «авторитарная агрессия», «анти-интрацепция», «суеверность и стереотипизм», «сила и крепость», «деструктивность и цинизм», «проективность», «сексуальность».

Итоговая Ф-шкала (всего 29 суждений) была образована совокупностью данных шкал. Выяснилось, что вычисленные по ним показатели коррелируют между собой и объединяются посредством общего интегрального показателя личностных диспозиций, определяемого как синдром авторитарности. Авторы опирались на 7-ми балльную оценочную шкалу. По данным Т. Адорно, средний коэффициент надежности Ф-шкалы составил 0,90, отдельные коэффициенты находились в пределах между 0,81 и 0,97. Каждое высказывание Ф-шкалы коррелировало с каждым другим высказыванием и со всей шкалой в целом. При этом была выявлена средняя корреля-

ция 0,35 и диапазон вариативности 0,15-0,52.

F-шкала стала одним из наиболее популярных психологических тестов в Европе и в США во второй половине XX века. Однако содержание одного из ее заданий не соответствует культурно-историческим реалиям России. Поэтому мы заменили его другим вербальным конструктом. В варианте Т. Адорно данный вопрос имеет следующее содержание: «Было бы лучше всего вернуть к власти в Германии несколько довоенных авторитетов, чтобы поддержать порядок и избежать хаоса». В нашей формулировке утверждение выглядело так: «Сохранение политической и экономической власти в России в руках бывших руководителей и активистов КПСС помогло предотвратить хаос в стране».

По результатам опроса на основном этапе исследования (619 испытуемых) были получены итоговые показатели надежности и внутренней согласованности нового варианта F-шкалы. Для определения надежности теста мы использовали способ оценки синхронной надежности по формуле Кронбаха. Применив ее, вычислили коэффициент α (альфа) Кронбаха: $\alpha = 0,744$. Каждое высказывание F-шкалы коррелировало со всей шкалой в целом на уровне значимости $\alpha \leq 0,001$. Была выявлена средняя корреляция 0,35 и диапазон вариативности 0,24-0,48. Таким образом, как показали результаты апробирования методики, тест F-шкала в русском переводе, с минимальными модификациями, обладает достаточной надежностью.

Авторская методика – **тест «Авторитарный стереотип»** (разработана в соавторстве с Б.С. Алишевым).

Используя в своем исследовании F-шкалу мы, тем не менее, сочли необходимым разработать новую методику, опирающуюся на идею о трех уровнях проявления авторитарного стереотипа (межличностный, организационный, политический). Дело в том, что данные, полученные с помощью F-шкалы, не позволяют судить о том, насколько та или иная личность подвержена влиянию авторитарного стереотипа на разных уровнях социальных отношений. Мы же полагаем (см.

главу 2), что а) межличностные, организационные и политические отношения и взаимодействия специфичны; б) на каждом из этих уровней могут «работать» свои закономерности и тенденции, влияющие на выраженность и проявления авторитарного стереотипа; в) стереотипы, формирующиеся на межличностном уровне, имеют наиболее глубокие корни в традиционной культуре того или иного народа.

При разработке методики, направленной на измерение и диагностику авторитарного стереотипа, нами были поставлены следующие частные задачи:

- выделить критерии оценки и индикаторы авторитарного стереотипа, отвечающие структурно-функциональным характеристикам предмета исследования;
- разработать комплекс вербальных индикаторов авторитарного стереотипа, отражающих его содержание и составляющих базу для формулировки вопросов теста;
- создание самого теста и отработка процедуры тестирования, обработки, анализа и оценки результатов измерения;
- проверить валидность и внутреннюю согласованность методики.

Ф-шкала Т. Адорно с указанным выше изменением формулировки одного из заданий опросника выполняла функцию внешнего критерия для проверки валидности разрабатывавшегося теста.

Разработка методики осуществлялась нами в несколько этапов. На первом этапе было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 97 студентов Нижнекамского филиала МГЭИ: студенты социально-политического факультета, обучающиеся по специальности «Психология», студенты факультета экономики и управления, юридического факультета.

Первоначально были сформулированы 90 высказываний (по 30 пунктов на каждый уровень социальных отношений (межличностный, организационный, политический), выражающих оценку респондентами людей, групп с точки зрения

властно-иерархического измерения социальной жизни. В число заданий вошли и некоторые пункты из теста Т. Адорно. От респондентов требовалось определить меру своего согласия или несогласия с высказываниями по пятибалльной шкале.

Для определения дискриминативности заданий были вычислены процентные доли индивидов, ответивших положительно («совершенно согласен» и «скорее согласен») и отрицательно («совершенно не согласен», «пожалуй, не согласен») на каждое из стимульных высказываний. В результате 20 из них были признаны недискриминативными (более 70% одинаковых ответов, $\alpha \leq 0,05$).

Вторую, уже сокращенную, версию опросника, было предложено заполнить студентам 1 курса факультета среднего профессионального образования и студентам 3 курса факультета экономики и управления НКФ МГЭИ. Общее количество испытуемых – 34 человека. В данном варианте теста мы применили 7-балльную оценочную шкалу с целью обеспечения большей дифференцированности ответов. В процессе обработки результатов опроса была проведена процедура измерения внутренней согласованности теста. С целью снятия установки на социально желательные ответы первоначальные формулировки некоторых пунктов опросника были обезличены, в других были заменены языковые единицы с нежелательными коннотативными значениями. Была также изменена, в зависимости от направления смещения в ответах, мера категоричности отдельных высказываний.

Третий, окончательный вариант теста авторитарного стереотипа (30 высказываний, разделенных поровну на три шкалы, соответствующие межличностному, организационному и политическому уровню социальных отношений) апробировался на студенческой выборке, в состав которой мы включили студентов юридического факультета, факультета экономики и управления и студентов-психологов в количестве 100 человек. Надежность опросника (коэффициент одномоментной надежности Кронбаха) составила 0,816. Были определены

также показатели внутренней согласованности теста. Окончательный вариант методики приведен в Приложении 1 (см. «тест «Авторитарный стереотип»»), а корреляции его пунктов с суммарными показателями теста, полученные по итогам последнего пилотажного опроса, приведены в Приложении 2 (см. таблицу 1).

Показатели надежности и внутренней согласованности методики рассчитывались также по результатам опроса на основном этапе исследования (619 испытуемых). Надежность опросника (коэффициент Кронбаха) составила 0,795. При оценке показателей внутренней согласованности теста была выявлена средняя корреляция 0,38 и диапазон вариативности 0,28-0,51. Все пункты опросника коррелируют с суммарным средним по всему тесту на уровне значимости $\alpha \leq 0,001$. Кроме того, статистический анализ показал (см. таблицу 1) корреляцию суммарного показателя по тесту «Авторитарный стереотип» и по каждому из трех его шкал с суммарным средним по F-шкале на уровне $\alpha \leq 0,001$.

Показательны также результаты осуществленного нами факторного анализа (SPSS 11.0 for Windows, метод главных компонент, вращение «Varimax», обеспечивающее необходимую контрастность матрицы факторных нагрузок).

Факторному анализу был подвергнут весь комплекс данных, полученных по 4 методикам: F-шкала, тест «Авторитарный стереотип», тест ДМО, тест Б.С. Алишева. Полные данные приведены в Приложении 2, таблице 2. Здесь же мы укажем лишь следующее. Пять переменных: суммарный индекс по тесту «Авторитарный стереотип», индексы по каждой из трех его шкал и суммарный индекс по F-шкале Т. Адорно образовали отчетливо выделившийся отдельный фактор с факторными нагрузками соответственно: 0,957 (интегральный показатель); 0,794 (политический уровень); 0,777 (организационный уровень); 0,750 (межличностный уровень) и 0,698 (F-шкала).

Таблица 1

Взаимные корреляции шкал теста «Авторитарный стереотип» (окончательный вариант) и F-шкалы Т. Адорно

Показатели теста «Авторитарный стереотип»	МУ	ОУ	ПУ	F-шкала
Все уровни	0,802	0,842	0,774	0,547
МУ		0,513	0,460	0,422
ОУ			0,457	0,380
ПУ				0,538

Примечание. 1) МУ – межличностный уровень, ОУ – организационный уровень, ПУ – политический уровень. 2) Все коэффициенты корреляции статистически значимы на уровне $\alpha \leq 0,001$.

В совокупности приведенные данные позволяют говорить о достаточной валидности (по внешнему критерию) и надежности разработанной методики. Соответственно, мы можем утверждать, что первая из поставленных в исследовании эмпирических задач решена.

В итоговом варианте разработанная нами методика представляет собой 30 оценочных суждений, измеряющих выраженность авторитарного стереотипа восприятия в области межличностных отношений, в организационной и в политической сферах. Например, утверждение «В семье кто-то из супругов должен быть главой и брать ответственность на себя при принятии решений» относится к сфере межличностных отношений. Утверждение «Начальнику незачем отчитываться на работе перед своими подчиненными» имеет организационный характер, а политическую окраску носит утверждение «В политике побеждает не справедливость, а сила». Испытуемым предлагается выразить свое согласие или несогласие с каждым из утверждений.

Испытуемым предлагается следующая инструкция: «Ответьте, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями. На бланке напротив каждого номера ответа обведите кружком цифру, соответствующую

Вашему мнению». Ответы включают в себя следующие варианты: 1 – полное несогласие; 2 – средняя степень несогласия; 3 – легкое несогласие; 4 – трудно сказать определенно; 5 – незначительное согласие; 6 – средняя степень согласия; 7 – полное согласие.

Обработка результатов

К шкале межличностной авторитарности относятся пункты: 1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28.

К шкале организационной авторитарности относятся пункты: 2, 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 29.

К шкале социально-политической авторитарности относятся пункты: 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 30.

Анализ данных производится путем подсчитывания средних балльных значений по всем трем уровням и отдельно по каждому уровню. Диапазон оценок от 30 до 210 баллов. Теоретическое среднее – 120 баллов. Критические границы для группировки испытуемых на подгруппы с высоким, средним и низким уровнями авторитарности определялись по аналогии с правилами обработки по F-шкале. Таким образом, низкие показатели авторитарности (25% от объема шкалы) устанавливались при суммарном результате испытуемого по ответам на 30 вопросов теста от 30 до 75 баллов включительно (в среднем от 1 до 2,5 баллов). Высокие (25%) – 165 баллов и выше (от 5,5 до 7 баллов). Средний уровень – от 76 до 164 баллов (значения в диапазоне больше 2,5 и меньше 5,5 балла).

Тематический Апперцептивный тест (Thematic Apperception Test, ТАТ) Г. Мюррея является проективной методикой исследования личности. Авторы методики – Х. Морган и Г. Мюррей (1935 г.). В нашем исследовании использовался стандартный набор из 20 таблиц (мужской и женский варианты): 19 черно-белых картин и одна пустая таблица, на которой обследуемый может вообразить любую картину (комплект «Иматон»). В используемых изображениях представлены относительно неопределенные ситуации, допускающие их неоднозначную интерпретацию. Испытуемому предлагают придумать небольшую историю о том, что привело к ситуа-

ции, изображенной на картине, что происходит в настоящее время, о чем думают, что чувствуют действующие лица, чем эта ситуация закончится. Тестирование проводилось анонимно, испытуемые фиксировали рассказы самостоятельно, в письменной форме.

Для удобства проведения расчетов по протоколам ТАТ мы выразили тему власти и подчинения через операциональные конструкты – переменные, с помощью которых можно провести количественную обработку содержания текста, связанного с темой доминирования-подчинения. Нами определены следующие переменные, отражающие содержание мотивов испытуемого или давления среды: доминирование (принуждение), подчинение, превосходство, уничижение, автономия (неподчинение).

На первом этапе анализа выделялись рассказы испытуемого, в которых обнаруживалась тема доминирования-подчинения. Количество таких рассказов рассматривалось как индекс, отражающий меру выраженности во всей серии рассказов испытуемого темы доминирования-подчинения. На втором этапе анализу подвергались рассказы с темой доминирования-подчинения, осуществлялась дифференциация потребностей испытуемого и давления среды.

Тест «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т. Лири в модификации Л.Н. Собчик. Методика диагностики межличностных отношений, созданная Т. Лири [167] в середине прошлого века и модифицированная и адаптированная Л.Н. Собчик [111], предназначена для исследования представлений субъекта о себе и идеальном «Я», а также для изучения взаимоотношений в малых группах. С помощью данной методики выявляется преобладающий тип отношений к людям в самооценке. Подход Т. Лири основан на представлении о восьми факторах, описывающих содержание межличностного восприятия: I (доминирование), II (доминирование + агрессия), III (агрессия), IV (агрессия + подчинение), V (подчинение), VI (подчинение + любовь), VII (любовь), VIII (любовь + доминирование). При необходимости число факторов

может быть сведено к двум: любовь – агрессия и доминирование – подчинение.

Опросник содержит 128 характерологических свойств-утверждений которые могут быть сгруппированы в восемь психологических тенденций, определяющих различные личностные черты.

1-ая (доминирование (авторитарность)) – доминантность – властность – деспотичность;

2-ая (эгоистичность) – уверенность в себе – самоуверенность – самовлюбленность;

3-я (агрессивность) – требовательность – непримиримость – жесткость;

4-ая (подозрительность) – скептицизм – упрямство – негативизм;

5-ая (подчиненность) – уступчивость – кротость – пассивная подчиняемость;

6-ая (зависимость) – доверчивость – послушность – зависимость;

7-ая (дружелюбие) – добросердечие – несамостоятельность – чрезмерный конформизм;

8-ая (альтруизм) – отзывчивость – бескорыстие – жертвенность.

Выбор теста ДМО был продиктован необходимостью обнаружения взаимосвязей авторитарности и характерологических особенностей, отражающих отношение личности к вопросам доминирования-подчинения и превосходства.

Методика Б.С. Алишева для измерения структуры ценностей. Для изучения структуры ценностей молодежи в континууме «Я – не Я» и ценностей-функций была использована специальная методика, разработанная Б.С. Алишевым [12]. Преимущество данной методики состоит в том, что она разрабатывалась с опорой на системно-функциональный подход к пониманию сущности ценностей. Ее автор придерживается понимания ценностей как глубинных феноменов сознания, в которых отражаются функциональные связи между человеком и окружающим его Миром. Такое понимание отличается

от распространенного определения ценностей как значения объектов для субъекта или объектов, имеющих значение для него. Объекты воспринимаются как ценности именно в силу своей функциональности. Особенность данного подхода к структурированию ценностей заключается в том, что постулируется относительная независимость различных «пространств», образуемых ценностями. В каждом из этих «пространств» ценностные приоритеты определяются человеком отдельно: человек не делает выбор между любовью и истиной, или между работой и статусом, поскольку эти ценности принадлежат к разным пространствам его жизни. Кроме того, в методике представлены ценности «мощь» и «статус», что соответствует современным научным представлениям о базовой структуре ценностей каждого человека и задачам нашего исследования.

В ней выделяются три типа ценностей:

1. *Первичные функциональные ценности.* Они охватывают основные аспекты взаимодействия человека с Миром и обозначаются понятиями: польза, истина, мощь, красота, свобода, справедливость, добро.

2. *Ценности – сферы жизнедеятельности:* личное здоровье, под которым понимается физическое и психическое состояние; семья – воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, собственность; любовь – духовные, эмоциональные и интимные отношения с дорогим человеком, дружба – доверительное общение и контакты с людьми вне работы и дома, отдых – развлечения, удовольствия, любимые занятия для души; работа (учеба) – профессиональная, учебная и прочая деятельность, имеющая значение для общества и обеспечивающая заработок или его возможность в будущем; общественная жизнь – социальная и политическая активность, интерес к событиям в стране и мире.

3. *Ценности – способы жизнедеятельности:* покой – безопасная и спокойная жизнь без претензий, но и без постоянных усилий и трудов; материальное благополучие – обеспеченность, комфорт, высокий уровень благосостояния; гар-

мония отношений – хорошие взаимоотношения с окружающими, ощущение общности, психологической близости с ними; статус – достойное положение в обществе, авторитет и уважение со стороны окружающих; разнообразие – интересная жизнь, разнообразие возможностей и впечатлений; саморазвитие – личностный рост, реализация своих умений и способностей; самоотдача – стремление быть нужным, помогать людям, доставлять им радость.

В совокупности данные ценности образуют трехмерное пространство ценностного мира личности, которое пронизывается *основным ценностным отношением*. В его рамках человеком определяется соотносительная ценность «Я» и «не-Я», а последнее представлено «удаляющимися» от «Я» комплексными объектами, представляющими собой различные уровни взаимодействия субъекта с окружающей действительностью. Они выделены в отдельный блок и имеют обозначения для комплексных объектов разного уровня: «мое личное благополучие», «благополучие близких людей», «сохранение среды обитания», «жизнь человека», «развитие культуры и нравственности», «экономический и научно-технический прогресс», «мощь и процветание родины».

Таким образом, в каждом из четырех блоков (субтестов) выделено по 7 ценностей. В методике они объединяются в пары по принципу – каждая с каждой внутри каждого блока отдельно. От испытуемых требуется указывать, что они считают важным в данном сочетании: например, «благополучие близких людей» или «мощь и процветание родины», «семью» или «отдых», «свободу» или «добро», и т.д. При подведении итогов определяется частота выбора каждой из ценностей данного блока, а полученные индексы считаются показателями их относительной приоритетности. В итоге выстраиваются четыре семибалльные шкалы, где низший индекс – 0, а высший – 6.

В исследовании приняли участие студенты, школьники, рабочие, молодые учителя г. Нижнекамска. Возраст испытуемых варьировал в диапазоне от 16 до 30 лет (средний возраст

20 лет). На основном этапе исследования (2003-2004 г.г.) было опрошено 619 человек. Среди них 275 человек татарской национальности и 297 русской, 325 человек – лица мужского пола и 294 – женского пола, 203 студента ВУЗ, 143 студента ССУЗ, 148 школьников, 57 учителей школы (48 человек – представители женского пола, 9 – мужского пола), 68 рабочих (мужчины). Тестирование проводилось в дневное время в группах от 8 до 30 человек.

3.2. Уровень авторитарности по выборке и по отдельным группам испытуемых

Результаты измерения авторитарных установок. В результате измерения авторитарных установок по тесту F-шкала (по 7-балльной шкале, теоретическое среднее равно 4 баллам) иерархия среднегрупповых индексов выстроилась следующим образом: студенты ССУЗ имеют средний показатель 5,08 балла, школьники и рабочие – по 4,91 балла, студенты ВУЗ – 4,87 балла, учителя – 4,84 балла, а общая средняя оказалась равна 4,93 (см. таблицу 2). Приведенный ниже рис. 1 показывает, что распределение ответов испытуемых подчиняется закону нормального распределения, но при этом наблюдается достаточно сильное смещение в правую сторону, то есть реальный средний уровень авторитарности заметно превышает теоретическую среднюю (почти на целый балл). Это значит, что для выборки характерен повышенный уровень авторитаризма.

Величины средних индексов позволяют также сделать вывод о более выраженной, чем у других категорий испытуемых, авторитарности студентов колледжей (различие между данными по студентам колледжей и по всей выборке в целом статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$). Эти данные подтверждают выводы В.А. Самойловой [105] о связи авторитарности и ранней профессионализации. Авторитарность студентов колледжей может быть обусловлена более трудными, драматичными, чем для их сверстни-

ков, продолжающих обучение в школе, условиями адаптации к социальной среде. Напряженность условий общения провоцирует ригидные формы восприятия и поведения, использование иерархически ориентированных форм самоутверждения. С другой стороны ранняя профессионализация может быть связана с теми диспозиционными особенностями личности, которые ассоциируются с содержанием авторитарных установок по Т. Адорно (ригидность, стереотипность мышления, анти-интрацепция и т.д.).

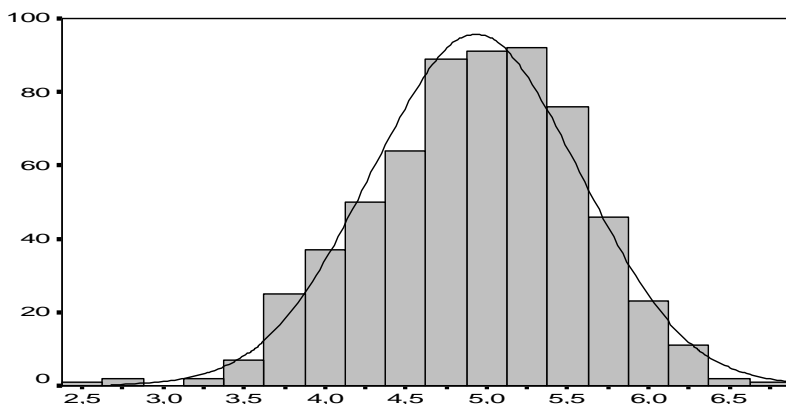

Рис. 1. Распределение ответов испытуемых по F-шкале Т. Адорно (по вертикали – количество людей, по горизонтали – величины индексов авторитарности).

Не выявились какие-либо различия в степени выраженности авторитарных установок в зависимости от половых и национальных признаков (см. таблицу 3). Юноши и девушки, русские и татары демонстрируют фактически одинаковые показатели, что свидетельствует об однородности исследуемого контингента молодежи и сходстве позиций по соответствующим вопросам.

Результаты по тесту «Авторитарный стереотип». Данные, полученные в ходе измерения степени выраженности авторитарного стереотипа по разработанной нами методике в целом и на разных уровнях социальных отношений, пред-

ставлены в таблицах 2, 3, на рис. 2, а также в Приложении 3 на рис. 1-3.

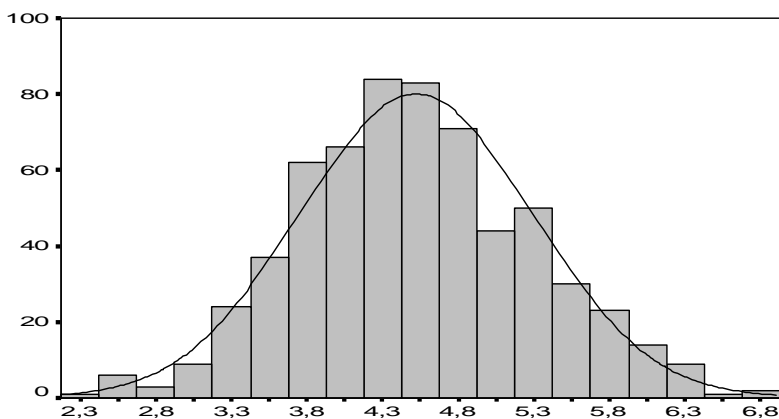

Рис. 2. Степень выраженности авторитарного стереотипа по всем уровням взаимодействий (по вертикали – количество людей, по горизонтали – величины индексов авторитарности).

Общее среднее значение для всей выборки оказалось равно 4,47 при теоретическом среднем, как и в F-шкале, 4 балла. Максимальные по выборке значения имеют опять студенты колледжей (4,68 баллов). В меньшей мере и примерно на одинаковом уровне значений авторитарный стереотип выражен у рабочих (4,47 баллов) и студентов ВУЗ (4,46 баллов). Нижнюю ступень в иерархии занимают школьники (4,34 балла) и учителя (4,33 балла). В целом величины средних индексов позволяют сделать вывод о более выраженной, чем у других категорий испытуемых, авторитарности студентов колледжей (различие между ними и по всей выборке вновь статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$).

Таблица 2

Средние значения показателей теста
«Авторитарный стереотип» и теста Т. Адорно (F-шкала)
в разных группах молодежи

Тесты и шкалы	Вся выборка	ВУЗ	ССУЗ	Школы	Учителя	Рабочие
Все уровни	4,47	4,46	4,68	<u>4,34</u>	4,33	4,47
МУ	4,45	4,38	4,67	4,36	4,37	4,50
ОУ	4,20	4,29	4,48	4,04	3,91	3,98
ПУ	4,75	4,72	4,89	4,61	4,71	4,93
F-шкала	4,93	4,87	5,08	4,91	4,84	4,91

Примечание. 1) МУ – межличностный уровень, ОУ – организационный уровень, ПУ – политический уровень. 2) Жирным шрифтом выделены различия между данными по группам испытуемых и по всей выборке, значимые по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различия, значимые на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Итак, две разные методики дают примерно одинаковые результаты, говорящие о повышенном уровне авторитарности отечественной молодежи. В то же время, нельзя не отметить, что по F-шкале общий уровень авторитаризма оказывается заметно выше (почти на 0,5 балла), чем по нашей методике. Это обусловлено тем, что два теста построены на основе разных теоретических идей и предназначены для решения несколько отличающихся задач. В частности, для нас при разработке теста «Авторитарный стереотип» было важно рассмотреть и сравнить авторитарность личности на разных уровнях социальных отношений. Поэтому в нем (особенно в шкале организационного уровня отношений) присутствует ряд заданий, ответы на которые не демонстрируют повышенного авторитаризма, но хорошо коррелируют с индексами по всей шкале.

Действительно, по всей выборке на организационном уровне авторитарность проявилась меньше (4,2 балла), чем на межличностном (4,45 балла) и, особенно, на политическом (4,75 балла). Авторитарный стереотип восприятия и поведения в организационной сфере у студентов ВУЗ и ССУЗ выра-

жен сильнее, чем у школьников, учителей и рабочих (различие между студентами колледжей и, в целом, всей выборкой статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; различие между данными по студентам ВУЗ и по каждой из указанных групп значимо на уровне $\alpha \leq 0,05$).

Данный факт может быть обусловлен тем, что молодые люди, получающие высшее или среднее профессиональное образование, с определенной вероятностью ассоциируют свою будущую трудовую деятельность со статусом руководителя. Получение образования, дающего долгосрочное преимущество в отношении служебной карьеры, способствует тому, чтобы чаще, чем школьникам, задумываться о перспективах служебного роста и при этом надеяться на руководящее положение в будущем. Меньше всего склонны к авторитарной стереотипизации в сфере организационных отношений учителя, рабочие и школьники. Они идентифицируют себя скорее с подчиненными, чем с руководителями, поэтому суждения, поддерживающие организационную власть, воспринимают более критично.

Иерархия индексов авторитарности на межличностном уровне выглядит следующим образом: 4,67 баллов у студентов колледжей, 4,50 – у рабочих, 4,38 – у студентов ВУЗ, 4,37 – у учителей, 4,36 – у школьников. Три последние группы обследуемых не обнаруживают существенной дифференциации по уровню авторитарности. Дифференциация по возрастному критерию не выявляет существенной разницы по авторитарности между студентами младших и старших курсов колледжей. Это может свидетельствовать об устойчивости напряженности условий общения (со сверстниками, преподавателями), постоянной необходимостью использования иерархически ориентированных форм самоутверждения, жесткой категоризации социального познания. Очевидно, ранняя профессионализация связана с теми особенностями личности, которые определяют категоричность межличностного восприятия, ориентируют на привычные во взрослом обществе иерархические конструкты, правила межличностного взаимодействия. Рабочие, принявшие участие в исследовании, также получили более высокий индекс авторитарности в

межличностном общении, чем учителя, студенты ВУЗ и школьники (различие между данными по рабочим и по каждой из указанных групп статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,05$). Однако, с учетом того, что в выборке рабочих представлены только мужчины, вывод об их повышенной авторитарности делать было бы некорректно. Степень выраженности авторитарного стереотипа у рабочих не превышает значений по мужской части всей выборки, и даже, хоть и статистически незначительно, ниже его.

Результаты измерения степени выраженности авторитарного стереотипа, полученные по половым группам (см. таблицу 3 и рис. 3), показывают наличие различий между девушками и юношами по t-критерию Стьюдента: юноши в большей мере подвержены авторитарной стереотипизации на межличностном и организационном уровнях отношений ($\alpha \leq 0,01$). На политическом уровне различий между группами нет, но по суммарным результатам юноши оказываются более авторитарными.

Таблица 3

Степень выраженности авторитарного стереотипа по отдельным группам (Р – русские, Т – татары,

М – выборка мужского пола, Ж – выборка женского пола)

Параметры	Р	Т	М	Ж	ТМ	ТЖ	РМ	РЖ
	297 чел.	275 чел.	296 чел.	276 чел.	139 чел.	136 чел.	157 чел.	140 чел.
Все уровни	4,43	4,51	4,59	4,34	4,67	4,35	<u>4,52</u>	<u>4,34</u>
Межл. ур.	4,43	4,48	4,61	4,29	4,72	4,24	4,52	4,33
Орг. ур.	4,17	4,22	4,36	4,01	<u>4,34</u>	<u>4,09</u>	4,37	3,94
Полит. ур.	4,70	4,83	4,80	4,73	<u>4,94</u>	<u>4,71</u>	4,67	4,74
F-шкала	4,94	4,95	4,96	4,93	4,97	4,94	4,95	4,93

Примечание: жирным шрифтом выделены пары показателей, между которыми есть различия, значимые по t-критерию Стьюдента, на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – пары, в которых есть различия, значимые на уровне $\alpha \leq 0,05$; в остальных парах статистически значимых различий нет.

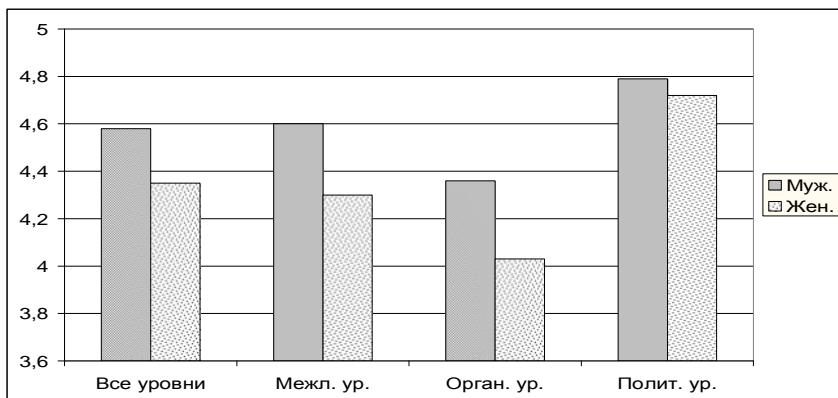

Рис. 3. Гендерные различия по степени выраженности авторитарного стереотипа на разных уровнях социальных взаимодействий

Результат не противоречит сложившимся культурным нормам и вполне предсказуем: в традиционном российском менталитете мужчины рассматриваются как исполнители властной роли на всех уровнях социальных взаимодействий. Это способствует формированию у многих из них уже в раннем возрасте соответствующих установок и стереотипов. Что касается представителей женского пола, то такое положение на уровне организационных и межличностных взаимодействий, по-видимому, создает у них протестную реакцию.

Как мы уже отмечали, мужская и женская группы показывают одинаковую и довольно высокую авторитарность на политическом уровне отношений. Общность позиций в вопросах политических реалий и в отношении к ним объясняется, по-видимому, не только большой идеологизированностью политической сферы, способствующей стереотипизации. В сфере организационных взаимодействий и, особенно, в приватном межличностном общении субъекты взаимодействия не дистанцированы друг от друга, здесь более интенсивно включаются эффекты, связанные с полоролевыми и другими нормативными регуляторами, которые не столь значимы на макросоциальном уровне. Кроме того, следует учесть то, что

опыт политических знаний и действий у большинства девушек и юношей весьма скудный, основанный на общепринятых клише и редких ситуациях участия в политических выборах. Это напрямую приводит к однотипному, шаблонному восприятию социально-политических явлений и процессов.

Сравнение по уровню авторитарности представителей русской и татарской национальностей показало некоторое повышение индексов по татарской группе, однако не выявило значимых различий между сравниваемыми подгруппами (см. таблицу 3 и Приложение 3, рис. 4). Авторитаризм, как одна из наиболее универсальных и распространенных традиций, в особенности характерная для российского общества, может нивелировать менее значительные факторы отношения к власти и превосходству, вытекающие из национальных особенностей. Обнаруженное равенство индексов авторитарности может быть объяснено также возрастными особенностями социализации, обуславливающими однородность молодежной субкультуры, ментальности молодых людей, что в определенной степени сглаживает эффекты дифференциации по национальному признаку. Различия между этническими группами в мужской части выборки, как это будет показано ниже, все же имеются, а сглаживание различий в этнических выборках обеспечивается преимущественно за счет женской их части.

В частности, для юношей татарской национальности более характерен авторитарный стереотип в межличностных отношениях, чем для русских юношей, (4,72 – татары, 4,52 – русские; различие статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,05$). Они более авторитарны и в области политических отношений (4,94 – татары, 4,67 – русские; различие статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$). Выборка девушек по признаку авторитарности оказалась весьма однородной: между этническими группами нет значимых различий ни на одном из уровней взаимодействий.

Мы рассмотрели также различия между юношами и де-

вушками в пределах каждой этнической группы. Как видно из таблицы 3, у татар юноши демонстрируют существенно более высокую авторитарность по всем уровням взаимодействий и по интегральному показателю. Эти же тенденции, но в менее выраженной форме, наблюдаются и в русской части выборки. У русских юношей более, чем у девушек, выражен авторитарный стереотип на организационном уровне (различие статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$). В межличностных взаимодействиях также можно увидеть некоторую тенденцию большей авторитарности юношей, которая приближается к границам статистически достоверных значений. В итоге русские юноши и мужчины имеют более высокий общий показатель авторитарности, чем русские девушки и женщины (различие статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,05$).

Эти факты, скорее всего, объясняются тем, что социокультурный стереотип, имеющий древнее происхождение и заключающийся в иерархическом восприятии и понимании мира, поддерживается в рамках традиционной культуры более мощными средствами, ориентированными именно на мужчин. Женщины менее подвержены влиянию этих древних культурных механизмов и средств, так как сама культурная традиция (особенно тюркская) отводит им второстепенное, подчиненное положение. Отсюда возможно, во-первых, развитие протестной, эмансипирующей реакции у женщин, а во-вторых, их смещение в сторону «выхода» за рамки традиционной национальной культуры.

Сравнение групп одного пола, принадлежащих к разным этническим культурам, показывает, что по показателям авторитарности нет никаких различий между девушками русской и татарской национальности. Юноши же татарской национальности проявляют несколько более высокую авторитарность по сравнению с русскими на межличностном и, особенно, политическом уровне отношений, хотя по общему индексу статистически значимых различий нет.

Особое значение, как для подведения итогов исследова-

ния, так и для поиска различных связей и закономерностей, имеет группировка испытуемых по уровню выраженности авторитарного стереотипа и авторитарных установок. Для группировки по обеим методикам мы использовали те рекомендации, которые были предложены авторами F-шкалы, они были кратко изложены в предыдущем параграфе. Результаты группировки приведены в таблице 4.

Как видно из нее, по обеим методикам фактически невозможно выделить группу испытуемых с низким уровнем авторитарности. В группу высокоавторитарных по F-шкале вошли 115 испытуемых, а по тесту «Авторитарный стереотип» – 68.

Подавляющее большинство испытуемых по обеим методикам попало в зону среднего уровня авторитарности. Такие результаты заставляют обратить внимание на критерии группировки, однако, мы решили оставить данный вопрос для последующих исследований. Далее будут сравниваться группы с высоким и средним показателями авторитарности.

Таблица 4

Численность и состав групп с разным уровнем авторитарности

Уровни авторитарности	Вся выборка	Нац.		Пол		Социальное положение				
		Рус.	Тат.	Муж.	Жен.	В	С	Ш	У	Р
F-шкала										
Низк.	1	1	0	0	1	1	0	0	0	0
Средн.	503	242	223	262	241	172	111	123	45	52
Высок.	115	54	52	63	52	30	32	25	12	16
«Авторитарный стереотип»										
Низк.	4	4	0	0	4	4	0	0	0	0
Средн.	547	265	238	282	265	176	124	134	52	61
Высок.	68	28	37	43	25	23	19	14	5	7

Примечание: В – студенты ВУЗ, С – студенты ССУЗ, Ш – школьники, У – учителя, Р – рабочие.

Сама же получившаяся картина может свидетельствовать о том, что нормы, установленные в зарубежных исследованиях, не вполне пригодны для оценки данных, получаемых в исследованиях на российских выборках. Причина – в более высоком общем уровне выраженности авторитарного стереотипа и авторитарных установок. Этот «сдвиг» происходит, как видно из рис. 2 и 3, прежде всего, за счет большого количества лиц, показатели которых несколько превышают теоретическую среднюю. В таблицу 4 мы не включили данные по отдельным шкалам теста «Авторитарный стереотип» (с ними можно познакомиться в Приложении 3, см. таблицу 3), поэтому, заканчивая параграф, кратко остановимся на них. Оказалось, что чаще всего низкую выраженность авторитарного стереотипа можно наблюдать на организационном уровне (38 человек), а вот на межличностном уровне и особенно политическом проявляется та же тенденция, о которой шла речь выше. Например, на последнем только 3 человека (около 0,5%) показали низкую авторитарность.

В целом, полученные результаты подтверждают гипотезу о характерности для российской молодежи авторитарного стереотипа и авторитарных установок в социальном восприятии и поведении на всех уровнях взаимодействий, особенно на политическом и межличностном.

3.3. Авторитарный стереотип и особенности мировосприятия личности (результаты тестирования по методике ТАТ)

В данном параграфе мы анализируем материалы, полученные на выборке из 44 испытуемых, предварительно протестированных по другим методикам. Обращение к ТАТ было обусловлено тем, что мы хотели в исследовании не просто получить количественные индексы авторитарности различных групп молодежи, но попытаться дать им определенную интерпретацию, выяснить, что именно в психологическом плане отличает людей с выраженным авторитарным стерео-

типом от тех, у кого он выражен слабо.

Испытуемые были разделены на две подгруппы на основании результатов тестирования по методике «Авторитарный стереотип» так, как это было описано в конце предыдущего параграфа. В подгруппу со средней степенью выраженности авторитарного стереотипа вошли 21 человек, в подгруппу с высокой степенью – 22 человека. Отдельно был проведен анализ рассказов одной испытуемой с низкой степенью выраженности авторитарного стереотипа. Группы были сбалансированы по половому и этническому (русские и татары) признакам.

Анализ результатов мы начнем с описания ряда конкретных примеров, а потом перейдем к общим данным. Сначала рассмотрим рассказы испытуемых, имевших по тесту «Авторитарный стереотип» высокий показатель.

Испытуемый А.: 17 лет, татарин, студент. Рассказы данного испытуемого представляют интерес тем, что на опросном листе он поставил подпись «Fashist». Степень выраженности авторитарного стереотипа по всем уровням у него равна 5,97; на уровне межличностных отношений – 5,8; на организационном уровне – 6,9; на политическом уровне – 5,2 балла. По F-шкале получил 6,17 балла. Составил рассказы только по 9 первым таблицам, на второй сеанс тестирования по ТАТ не явился. В 6 его рассказах присутствует тема доминирования-подчинения.

Таблица 1. *«Мальчику, по-моему, надоело играть на скрипке. Это можно понять по его взгляду. Скорее всего, его заставили играть на ней родители. Он очень хочет выбросить ее».* В данном рассказе персонажу приписывается недовольство деятельностью, которой он вынужден заниматься. Фраза «его заставили играть на ней родители» и сопровождающие ее описания эмоционально окрашенных негативных реакций персонажа на принуждение («Он очень хочет выбросить ее») позволяют утверждать о наличии в данном рассказе темы власти, выражающейся в доминировании со стороны среды (родителей), а со стороны героя – одновременно подчинения

и стремления к автономии.

Таблица 2. *«Она не хочет работать, а хочет учиться. Но ее держит как бы обязанность. И ее лицо выражает огорчение. А зади нее обычный трудящийся народ и ей больно на это смотреть».* Здесь среда также принуждает к деятельности, которая героине рассказа не приятна. Высказывание о некоей обязанности, которая «держит» героиню, может свидетельствовать об интернализации требований среды (группы, индивида, других обстоятельств). В данном рассказе среда оказывает принуждающее воздействие. Героиня, с которой, предположительно, идентифицирует себя испытуемый, подчиняется воздействию среды.

Таблица 4. *«Она хочет обратить на себя внимание, а ему безразлично это. Она пытается разными способами и даже рукой поворачивает к себе, но он выражает полную безразличность к ней».* В рассказе, если предположить, что испытуемый идентифицирует себя с мужским персонажем, также проявляется его чувствительность к внешнему принуждению и стремление к автономии (*он выражает полную безразличность к ней*).

Таблица 5. *«Служанка удивлена чем-то увиденным в комнате. Ее удивление выражено во всем, во всех ее движениях, в мимике лица. Она хочет зайти, но не может зайти. Ей что-то мешает».* В данном рассказе тема власти прослеживается не столь очевидно, как в предыдущих. Однако властно-иерархический контекст можно связать с восприятием персонажа как подчиненного лица (служанка) и с указанием на наличие каких-то неведомых сил, не дающих возможности совершить желаемое действие.

Таблица 6 ВМ. *«Мать в чем-то упрекнула сына. И сын понял свою ошибку, но не хочет показывать это. Скорее всего, он ощущает, что этим он выражает свою слабость, но с другой стороны он хочет сказать своей матери, что он неправ, как бы из уважения к ней. А мать обиделась и поэтому стоит к нему спиной».* Авторитарный аспект отражается в восприятии ситуации в категориях «сила-слабость» («...он

ощущает, что этим он выражает свою слабость»). Кроме того, в рассказе снова звучит тема противоречивой тенденции подчинения-автономии («...сын понял свою ошибку, но не хочет показывать это»; «с другой стороны он хочет сказать своей матери, что он неправ, как бы из уважения к ней»).

Таблица 9 ВМ. *«Мужики прилегли после какого-то праздника. Они лежат вместе, и это показывает их сплоченность. А мужик в шляпе, по-моему, наглец или какой-то авторитет. В представленном рассказе можно выделить семантическую единицу («авторитет»), свидетельствующую о наличии в структуре личности испытуемого властно-иерархических тенденций.*

Можно заключить, что в этих коротких описаниях выявились особенности испытуемого, связанные с властным аспектом ментальности: испытуемый склонен воспринимать ситуации социального взаимодействия в статусно-иерархическом контексте, переживает влияние среды как принуждение, подчиняется, испытывая негативные эмоции и, стремится к автономии. Вероятно, стремится достичь высокого статусного положения в значимой группе.

В рассказе по таблице 8 ВМ у испытуемого проявились патриотические установки: *«У мальчика психологическая травма, возникшая в случае того, что он как-то увидел, как какого-то человека оперировали. И скорей всего это было в военные годы, и поэтому у мальчика отразилось, что он должен быть патриотом своей страны и отдать жизнь так же, как и этот человек».*

Испытуемая Б.: 19 лет, русская, студентка. Степень выраженности авторитарного стереотипа по всем уровням 5,4; на уровне межличностных отношений 5,0; на организационном уровне 6,3; на политическом уровне 4,9 балла. По F-шкале не тестировалась. Тема доминирования-подчинения отражена в четырех рассказах.

Таблица 3. *«Жила в одном селе Маша, и была она ужасно некрасивая. И стеснялась она этого. Все дети и ровесники Маши вечно ее дразнили. Приходя домой, она вечно плакала, и*

даже на картинке не показано ее лицо, вот насколько все это было некрасиво. И однажды загорелся в селе один дом, и в доме никого не было, хотя нет... Был один маленький мальчик лет пяти и кричал он из окна: «Помогите, помогите!». Но никто не решался зайти в дом и даже мамаша мальчика! И вдруг, откуда ни возьмись, прибежала Маша и полезла в дом спасать ребенка. И все закончилось благополучно, и стали бедную девушку уважать и стар и млад. И с тех пор не чувствует она никаких комплексов». В представленном рассказе выявляется чувствительность к статусно-иерархическому контексту взаимоотношений и тенденция к подчинению социальному давлению. Персонаж, с которым идентифицирует себя испытуемая, испытывает сильное подавляющее влияние, (превосходство) со стороны окружения («Все дети и ровесники Маши вечно ее дразнили»), на что отвечает импульсом уничижения («Приходя домой, она вечно плакала»). Испытуемая, по логике рассказа, склонна верить в то, что активное действие может привести к желаемому статусному благополучию («стали бедную девушку уважать и стар и млад»).

Таблица 6 GF. «Жила на свете София и была она красавицей. И пришел к ней однажды мафиозник и предложил выйти за него замуж. Ну, а если она не выйдет, то ее семье придется несладко. И девушка находилась в недоумении, так как этот мафиозник был старый, страшный человек. И решила она от него сбежать, и уехала в другой город, но даже там нашел ее он и заточил в своем доме сидеть в четырех стенах. И была уже назначена дата. Бедняжка София молилась... и молилась... День свадьбы. Идут они к венцу, и тут на радость Софии у него случился инфаркт. Ох, как же она обрадовалась. Она громко вскрикнула: «Бог услышал мои молитвы!» И зажила она лучше прежнего...» В данном рассказе налицо принуждение и насилие со стороны среды («если она не выйдет, то ее семье придется несладко»; «нашел ее он и заточил в своем доме...»), а главный персонаж явно стремится к автономии, активно («решила она от него сбежать, и уехала

в другой город») и пассивно («молилась... и молилась...») сопротивляется принуждению.

Таблица 7 GF. *«В Древние времена было очень актуально, когда девочки умели играть на музыкальных инструментах. И вот мама уговаривает свою дочь, чтобы она продолжила занятия в музыкальной школе, а девочка категорически отказывается...»*. Далее испытываемая комментирует рассказ, признавая сходство рассказанной истории с событиями своего детства. Заканчивает словами: *«Мне кажется, что эта девочка на картинке – мой прототип!»* В рассказе обнаруживается мягкое принуждение со стороны среды и стремление к автономии, неподчинению в действиях главного героя.

Таблица 5. *«Ваня! Ваня! Долго кричала мама несносного сына, а он, в свою очередь, не желая учиться, убежал из дома через форточку. Очень остроумный был ребенок, каждый раз придумывал различные способы избежать уроков. А он жил вдвоем с мамой. И однажды его мама смертельно заболела, и у мальчика произошел стресс. А что интересно, стресс в лучшую сторону: он осознал, что тот образ жизни, который он ведет – совершенно неправильный, и что после смерти матери он останется, никому не нужен... И придется ему жить вместе со злой тетей, которая его вечно избивала ни за что. И гуляя один раз по проспекту, встретил он гадалку, которая познакомила его с заговорицей-старухой, она вылечила много людей от смерти. И когда она зашла в дом, в теле матери все перевернулось, и она приложила все силы к этому, то есть к ее выздоровлению. И после выздоровления стал Ваня послушным мальчиком. И зажили они с мамой лучше прежнего.»*

Среда доминирует над героем, последовательно усиливая принуждающее давление. Реакции со стороны героя – стремление к независимости, активное неподчинение и готовность сдаться, подчиниться давлению обстоятельств. Нельзя не обратить внимания также на явные элементы мистицизма в рассказе, склонность к которому, с точки зрения Т. Адорно, является одним из важнейших признаков авторитаризма.

На основе этих четырех рассказов можно сказать, что испытуемая склонна к восприятию ситуаций социального взаимодействия в контексте доминирования-подчинения и превосходства-уничтожения. Четко прослеживается тенденция сопротивления властному влиянию и, в определенной мере, готовность сдаться, подчиниться силе обстоятельств.

Далее представлен анализ рассказов 2 испытуемых со средней степенью выраженности авторитарного стереотипа.

Испытуемый В.: 20 лет, русский, студент. Степень выраженности авторитарного стереотипа по всем уровням 5,1; на уровне межличностных отношений 5,6; на организационном уровне 5,2; на политическом уровне 4,5 балла. По F-шкале получил 5,6 балла. Тема доминирования-подчинения отражена в 2 рассказах.

Таблица 4. *«Муж сказал жене, что у него другая. Жена сначала растерялась. Но потом хотела удержать его и говорила, чтобы он забыл другую женщину и остался с ней, так как они много лет прожили вместе. Она ему предлагала начать все сначала. А он отвечал: «Нет, я полюбил ее, она ждет от меня ребенка, и мы хотим пожениться. Я прошу у тебя развода». Но она, конечно же, его не отпускала и говорила: «Как же так, а как наш сын без отца, что я ему скажу. После долгих споров и уговоров он решил остаться с ней».*

Таблица 16. *«Человек очень сильно занят работой. У него подходит срок сдачи отчетов, и он знает, что должен сдать их в срок, иначе его оштрафуют. Начальник будет злиться, урежет зарплату. И ему необходимо работать допоздна. Хотя он знает, что ему за это никто не заплатит. Но у него нет выхода и ему необходимо делать эту работу».*

Эти рассказы интересны тем, что в одном из них действие разворачивается на межличностном уровне (семья), а в другом – на организационном (в нем, по существу, раскрывается психологический механизм организационной власти). В обоих рассказах персонажи, являющиеся частью окружающей среды, оказывают воздействие на героя, в первом рассказе

путем убеждения, во втором – угрозой наказания. В обоих случаях герой склонен к подчинению. В то же время, нельзя не заметить, что в первом рассказе значительную, хотя и скрытую, роль играют неявно приписываемые герою чувства и убеждения (совесть, ответственность и др.).

Испытуемая Г.: 17 лет, татарка, студентка. Степень выраженности авторитарного стереотипа по всем уровням 3,57; на уровне межличностных отношений 3,4; на организационном уровне 3,8; на политическом уровне 3,5 балла. По F-шкале получила 4,8 балла. Тема доминирования-подчинения отражена в 1 рассказе.

Таблица 9 GF. *«А: Ага! Значит, она сбегает с рабочего места! Надо доложить это директору!*

Б: (про себя) О боже! Мне надо быстрее добежать до дома. Ребенок может проснуться и что-то натворить. И дома будет такой скандал!» Далее испытуемая высказывает свое суждение по поводу рисунка: *«Это пример непонимания людьми друг друга. Мне не нравится этот рисунок».*

Не касаясь вопроса об оценке мотивов испытуемой, отметим, что в коротком рассказе выражена тема и авторитарной агрессии (наказание нарушителей норм, предписанных авторитетом группы), и авторитарного подчинения (не выяснять самой, а доложить начальнику). Кроме того, налицо очевидная враждебность и недоброжелательность одного персонажа по отношению к другому. Однако сама испытуемая, судя по всему, идентифицирует себя со второй женщиной, которая больше опасается скандала не на работе, а дома, где у нее, по видимому, есть источник сильного авторитарного давления.

Приведем также рассказы девушки, показавшей низкие показатели выраженности авторитарного стереотипа. Анализ рассказов по ТАТ выявляет у нее неприятие власти и насилия и наличие негативных реакций на принуждение с признаками ассертивности.

Испытуемая Д.: 20 лет, русская, студентка. Степень выраженности авторитарного стереотипа по всем уровням 2,5; на уровне межличностных отношений 1,7; на организационном

уровне 2,0; на политическом уровне 3,7 балла. По F-шкале получила 3,6 балла. Тема доминирования-подчинения отражена в четырех рассказах, два из которых представлены в нашем анализе.

Таблица 11. *«Летит дракон! А куда он летит? По своим драконьим делам, выкрадывает очередную красивую девушку из селения. А зачем ему это? Чтобы съест? А что, нельзя съест коровку или свинью? Что за людоеды, эти драконы! А может это красивый заколдованный юноша, которого прокляла злая колдунья? Да, хотелось бы верить».*

В этих суждениях испытываемая выражает недовольство внешним вмешательством в ход событий и насилием, которое, как очевидно, также исходит от среды. В словах *«А может это красивый заколдованный юноша...?»* скрываются ее мечты о более совершенном мире, в котором нет места принуждению и насилию. В рассказе ярко выражены мистические интонации, но они, скорее, имеют ассоциативное происхождение и основаны на фольклоре.

Таблица 12 F. *«Старушка говорит: «Да сколько же можно терпеть? Ты что, не видишь, кто ты для него? Он же тебя не замечает, ты для него пустое место. Говорила я тебе: он тебе не пара, не выходи за него замуж, он не достоин тебя. Брось ты его, наконец!»*

– Ах, мама, оставьте меня! Сколько можно меня мучить! Я люблю его, нашей любви хватит на нас двоих. Наступит время, и он поймет, что я именно та женщина, которая ему нужна. Это время обязательно придет, я подожду. Я ведь терпеливая».

И в этом рассказе со стороны среды наблюдается вмешательство и попытка принуждения (в форме увещевания). Действия героини – эмоциональный протест («Ах, мама, оставьте меня! Сколько можно меня мучить!»), неподчинение, сохранение собственной позиции. Приведенные рассказы испытываемой иллюстрируют ее негативное отношение к попыткам властного вмешательства, вообще к власти и насилию, и выявляют тип протестного поведения в ответ на принуждение, с

тенденцией к автономии.

Как можно видеть даже в этом небольшом количестве примеров, для лиц с высоким уровнем выраженности авторитарного стереотипа в целом характерно, во-первых, большее количество рассказов с темой доминирования-подчинения, с властно-иерархическим содержанием, во-вторых, в их рассказах эти тема и содержание проявляются более резко и отчетливо, без или почти без каких-либо смягчающих слов и фраз.

Такие же выводы можно сделать на основе ряда статистических данных. Приведем сначала некоторые общие данные. Среднее количество рассказов (для 44 человек), в которых отразилась тема доминирования-подчинения равно по нашим подсчетам 2,1; стандартное отклонение 1,5. Принуждение со стороны среды зафиксировано в рассказах 31 испытуемого (среднее количество рассказов с данной темой $x = 1,6$; $\sigma = 1,4$), подчинение со стороны среды в рассказах 4 испытуемых ($x = 1,0$; $\sigma = 0$), неподчинение со стороны среды встречается в рассказе одного испытуемого, превосходство со стороны среды (персонажи проявляют высокомерие и т.п.) у 4 испытуемых ($x = 1,25$; $\sigma = 0,5$). Принуждение со стороны героя – в рассказах 8 испытуемых ($x = 1,25$; $\sigma = 0,5$), герой подчиняется в рассказах 17 испытуемых ($x = 1,9$; $\sigma = 1,0$), отвечает на принуждение неподчинением – в рассказах 22 испытуемых ($x = 1,4$; $\sigma = 0,7$), проявление превосходства со стороны героя не обнаружилось ни в одном из рассказов.

Теперь обратим внимание на различия между испытуемыми с высоким и средним уровнем выраженности авторитарного стереотипа. Среднее количество рассказов с темой доминирования-подчинения в первой подгруппе равно 2,7; во второй – 1,5. Абсолютное количество таких рассказов равно соответственно 59 и 33. Эти данные позволяют вычислить значение критерия χ^2 . Нулевую гипотезу об отсутствии отличий от теоретически ожидаемого распределения (в данном случае по 46 рассказов для каждой подгруппы), приходится отвергнуть, так как вероятность случайности обнаруженных различий между группами менее 1%.

Корреляционный анализ выявил наличие значимых положительных связей индексов темы доминирования-подчинения (по ТАТ) со степенью выраженности авторитарного стереотипа в целом и со шкалами межличностных и организационных взаимодействий, а также с авторитарными установками по F-шкале (во всех случаях коэффициенты корреляции значимы на уровне $\alpha \leq 0,01$). Полученные результаты подтверждают гипотезу о склонности лиц с повышенной выраженностью авторитарного стереотипа и авторитарных установок отражать ситуации социальных взаимодействий в контексте (в понятиях) доминирования-подчинения и статусно-ранговых различий. Тот факт, что ТАТ оказался нечувствительным к политическому уровню взаимодействий, не вызывает удивления: его таблицы по своему содержанию направлены на исследование межличностных отношений и, за исключением некоторых (в нашем случае, в частности, ТАТ 20), не побуждают к ассоциациям политического плана.

В подавляющем большинстве рассказов, включающих тему доминирования-подчинения, отмечается принуждающее давление со стороны среды, а не со стороны «героя», который, как правило, сопротивляется властному воздействию, стремится к автономии или вынужден подчиниться под давлением власти или насилия. Важным результатом сравнения подгрупп является то, что испытуемые с высокой степенью подверженности авторитарному стереотипу значительно чаще, чем лица со средним уровнем авторитарности, выражают в рассказах тему насилия, осуществляемого персонажами, в том числе главным героем. Таким образом, можно говорить о более выраженной склонности лиц с повышенной авторитарностью, воспринимать социум как стремящийся доминировать и несущий угрозу.

В других исследованиях [140, 143, 151; 154; 171; 181], также были получены похожие данные, свидетельствующие, что личности с высокими показателями авторитарности чувствуют мир как более опасное место для себя или интруппы, чем лица с низкой авторитарностью. К такому выводу пришел,

например, Б. Альтемейер [143], который утверждал, что авторитаризм может возникнуть частично в ответ на родительские предупреждения, что мир является опасным местом и что строгие законы и кодексы необходимы, чтобы держать силы зла в страхе. Наблюдение, что авторитарные личности рассматривают мир в понятиях угрозы, также представлено в работе Т. Адорно и его коллег [140]. Однако, в отличие от Б. Альтемейера, эти авторы объясняли причины тенденциозного восприятия мира как угрожающего в терминах психоанализа (например, через механизм проекции неприемлемых импульсов).

Возможно, чувствительность авторитарной личности к угрозе связана с содержанием авторитарного стереотипа, являющегося когнитивной схемой (см. предложенное нами определение в параграфе 2.2.), в соответствии с которой мир для людей, у которых авторитарный стереотип хорошо выражен, имеет безусловное иерархическое строение, а ценность человека определяется его местом в социальной иерархии. В представлениях авторитарного человека социум постоянно подвергает оценке его личность и в этом ракурсе социальная реальность воспринимается как потенциальная угроза личности.

Корреляционный анализ выявил наличие положительной связи темы доминирования-подчинения с эгоистичностью и подозрительностью, отрицательную связь с дружелюбием по опроснику ДМО ($\alpha \leq 0,05$). Можно предположить, что недостаток дружелюбия, черты подозрительности и эгоистичности, связанные с фиксацией на собственном «Я» личности, через механизм проекции формируют представление об окружающей среде как контролирующей, стремящейся господствовать над личностью. Наличие объективных неблагоприятных обстоятельств также может вносить вклад в тенденциозное восприятие социального окружения: подозрительность трактуется в психодиагностике как усталость от жизненных трудностей, невротическая реакция на них [110].

Измерение корреляционных связей между результатами

ТАТ и ценностными предпочтениями показало положительную связь индекса темы доминирования-подчинения с показателем приоритетности ценности «статус» ($\alpha \leq 0,01$) и отрицательную связь с показателями ценностей «самоотдача» ($\alpha \leq 0,01$), «гармония отношений» ($\alpha \leq 0,05$) и «справедливость» ($\alpha \leq 0,05$). То есть, имплицитная тенденция к отражению ситуаций социального взаимодействия в понятиях власти и подчинения сочетается на сознательном уровне с принятием в качестве предпочитаемой ценности статуса и недооценкой заботы о других людях, гармонии в отношениях и справедливости.

Лица со средней степенью приверженности авторитарному стереотипу, в отличие от испытуемых с повышенной авторитарностью, склонны к рефлексивно-критическому анализу темы власти, господства, насилия и превосходства. Эти же особенности, по-видимому, проявляют лица с низкой степенью выраженности авторитарного стереотипа, однако их количество в нашем исследовании недостаточно для получения достоверных данных. Таким образом, полученные с помощью ТАТ данные подтверждают гипотезу о том, что личностям с повышенной степенью выраженности авторитарного стереотипа свойственно отражение ситуаций социальных взаимодействий в контексте (в понятиях) доминирования-подчинения и властно-иерархических различий.

3.4. Связь авторитарности личности с тенденцией к доминированию-зависимости (результаты тестирования по методике ДМО)

Как известно доминирование-подчинение – не только некий аспект (тема), в рамках которого могут анализироваться и интерпретироваться те или иные социальные отношения и связи. В современной психологии доминирование-зависимость рассматривается в качестве одной из важнейших личностных тенденций, устойчивого свойства. Поэтому нас интересовал вопрос о связях этого свойства с выраженностью

авторитарного стереотипа. Для его изучения использовался тест ДМО.

Представим сначала общие результаты, полученные по данной методике. Измерение самооценок молодежи (вся выборка), проведенное по тесту ДМО, свидетельствует о преобладании в характере современных молодых людей лидерских, авторитарных стремлений и одновременно дружелюбия, конформности. Об этом говорят повышенные показатели по шкалам «доминирование» и «дружелюбие» (см. таблицу 5, рис. 4). Менее всего во взаимодействиях с другими людьми молодые люди склонны проявлять подчинение и зависимость. В целом же иерархия числовых показателей по шкалам теста выглядит так: дружелюбие (5,48), доминирование (5,39), эгоистичность (4,66), агрессивность (4,65), альтруизм (4,50), подозрительность (4,11), зависимость (3,85), подчиненность (3,69).

Индексы в мужской части выборки выстроились так: доминирование (5,62), дружелюбие (5,26), эгоистичность (5,15), агрессивность (4,81), альтруизм (4,47), подозрительность (3,90), зависимость (3,85), подчиненность (3,57). Иерархия индексов у испытуемых женского пола выглядит несколько иначе: дружелюбие (5,72), доминирование (5,12), альтруизм (4,53), агрессивность (4,48), подозрительность (4,35), эгоистичность (4,13), зависимость (3,84), подчиненность (3,82).

Статистическое сравнение (с помощью t-критерия Стьюдента) показало, что доминирование и эгоистичность юношам свойственны больше, чем девушкам. Девушки же, с одной стороны, более дружелюбны, с другой – склонны к подозрительности. По шкале агрессивности значимых различий нет, однако с учетом результатов по шкале дружелюбия можно говорить о большей, у девушек, чем у юношей, компенсации агрессивности за счет дружелюбия. В целом из полученных данных следует вывод о большей авторитарности (как характерологической особенности) юношей по сравнению с девушками. Мужская авторитарность в характере проявляется преимущественно как деспотизм, демонстрация превос-

ходства, агрессия. Женская авторитарность не столь демонстративна и включает в себя значительный момент подозрительности, обидчивости, латентной подчиняемости (шкала «подозрительность», разработанная Т. Лири, операционализируется как ассоциированный комплекс стремлений к подчинению и агрессии [167]).

Таблица 5

Показатели разных групп молодежи по шкалам теста ДМО

Показатели	Вся выборка	Муж.	Жен.	В	С	Ш	У	Р
Доминирование	5,39	<u>5,62</u>	5,12	5,28	5,53	5,53	4,26	6,03
Эгоистичность	4,66	5,15	4,13	4,55	4,90	4,68	3,81	<u>5,18</u>
Агрессивность	4,65	4,81	4,48	<u>4,27</u>	4,84	4,93	4,42	5,00
Подозрительность	4,11	3,90	4,35	4,00	4,29	4,36	<u>3,33</u>	4,16
Подчиненность	3,69	3,57	3,82	3,54	3,82	3,77	<u>4,40</u>	<u>3,07</u>
Зависимость	3,85	3,85	3,84	3,65	4,06	4,02	4,25	<u>3,29</u>
Дружелюбие	5,48	<u>5,26</u>	5,72	5,39	5,78	5,71	4,98	5,03
Альтруизм	4,50	4,47	4,53	4,42	4,69	4,42	4,58	4,41

Примечание. 1) В – студенты ВУЗ, С – студенты ССУЗ, Ш – школьники, У – учителя, Р – рабочие. 2) Жирным шрифтом выделены различия между данными по группам испытуемых и по всей выборке (за исключением гендерных групп, которые сравнивались друг с другом), значимые по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различия, значимые на уровне $\alpha \leq 0,05$.

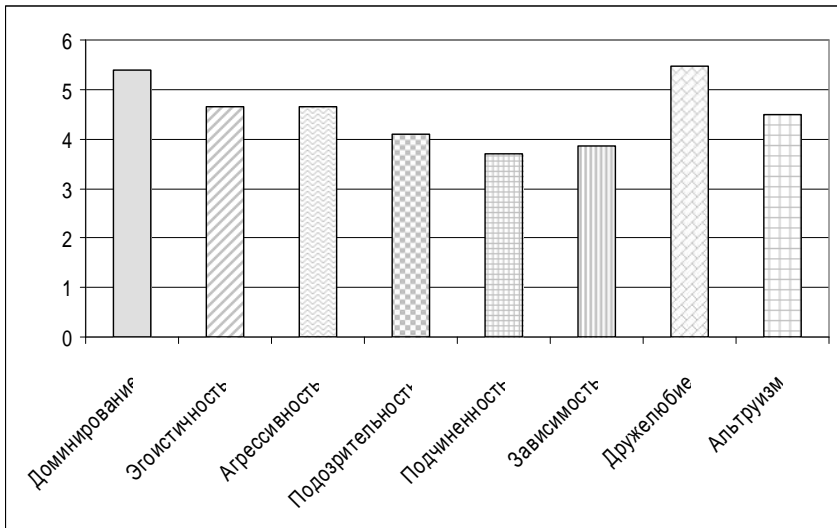

Рис. 4. Усредненные по всей выборке, показатели по шкалам теста ДМО

Статистический анализ различий между социально-профессиональными группами выявил следующие особенности: студенты ВУЗа показали значимо меньшую, чем в целом по всей выборке, агрессивность; у учителей проявилась выраженная склонность к подчинению, а рабочие, напротив, меньше, чем остальные испытуемые, склонны подчиняться, более независимы и эгоистичны. Студенты ССУЗ и школьники не проявили каких-либо отличий от всей выборки в целом.

Анализ результатов по этническим группам (результаты по русской и татарской частям выборки приведены отдельно на рис. 5) показал значимое различие только по шкале «зависимость» (тип отношений: «зависимый-послушный»). Этот показатель выше в татарской части выборки (различие статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$), что может трактоваться как в целом большая, чем у русских, конформность, неуверенность, тенденция к зависимости девушек и юношей татарской национальности.

Дополнительный анализ по гендерным группам внутри эт-

нических (полностью эти данные представлены в Приложении 3, см. таблицу 4) показал, что больший вклад в обнаруженную тенденцию большей зависимости татар вносят девушки. Более высокие баллы по шкале «зависимость», полученные девушками-татарками (4,13 против 3,54 у русских девушек; различия по t-критерию Стьюдента статистически значимы на уровне $\alpha \leq 0,05$), говорят в пользу такого вывода. У юношей же татарской и русской национальностей значимые различия по данному фактору не проявились.

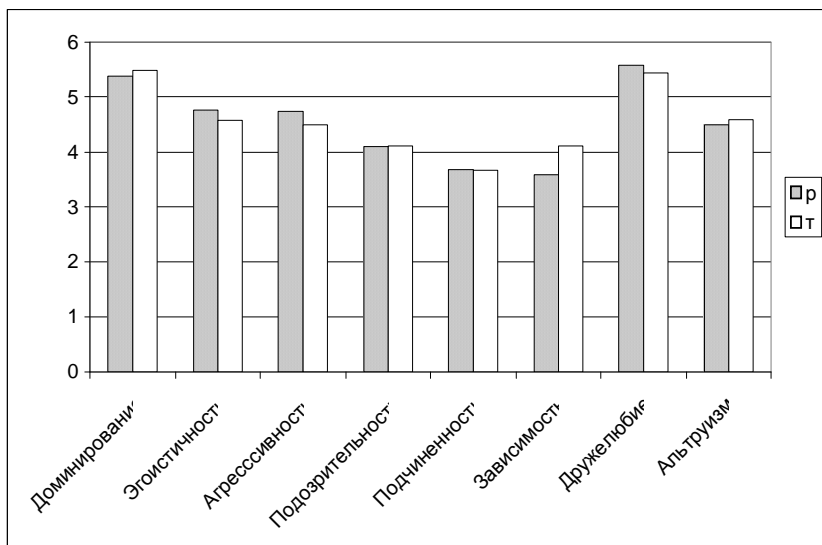

Рис. 5. Результаты по шкалам теста ДМО для русских и татар

Рассмотрим различия между юношами и девушками в пределах каждой этнической группы. У татар-юношей в сравнении с девушками значительно повышаются показатели по шкалам «доминирование» («властный-лидирующий» тип отношений) и «эгоистичность» («независимый-доминирующий» тип). Другими словами, они больше, чем девушки, склонны к лидерству, больше уверены в себе, требуют уважения от окружающих, склонны к соперничеству. Девушки, напротив, более скромны и конформны, в особен-

ности мало склонны проявлять черты эгоистичности и самоуверенности.

У русских между юношами и девушками также имеются различия по двум шкалам. По шкале «эгоистичность» («независимый-доминирующий» тип), как и у татар, наблюдается повышение показателей у юношей. Кроме того, в отличие от юношей представители женской части русской выборки демонстрируют значимое повышение показателя по шкале «подозрительность» («недоверчивый-скептический» тип отношений), что может свидетельствовать о том, что они более чувствительны к жизненным трудностям.

Теперь перейдем к рассмотрению различий по шкалам теста ДМО между испытуемыми с высоким и средним уровнем выраженности авторитарности.

Результаты сравнения групп по F-шкале. Сравнивались характерологические особенности испытуемых, различающихся по степени выраженности авторитарных установок. Группировка самих испытуемых приведена в таблице 4. Результаты статистического сравнения этих групп по t-критерию Стьюдента представлены в таблице 6. Они демонстрируют повышение у испытуемых с высокой степенью выраженности авторитарных установок показателей по таким шкалам теста ДМО, как: «агрессивность», «подозрительность», «доминирование».

Эти результаты достаточно хорошо согласуются с теоретическими предположениями, на которых основывался Т. Адорно и его коллеги. Обратим, однако, внимание на то, что в группе лиц с высоким уровнем авторитарных установок не наблюдается снижения результатов по противоположным шкалам теста ДМО: дружелюбие, подчиненность, альтруизм. Напротив, показатели по ним также незначительно повышаются. Это подтверждает идею о взаимодополняемости склонностей авторитарного доминирования и авторитарного подчинения у одной и той же личности.

Таблица 6

Средние показатели по шкалам теста ДМО у испытуемых с разной степенью авторитарности по F-шкале

Показатели	Средняя авторитарность	σ	Высокая авторитарность	σ
Доминирование	5,21	2,98	6,20	2,83
Эгоистичность	4,59	2,15	5,03	2,29
Агрессивность	4,49	2,17	5,37	2,24
Подозрительность	4,00	2,22	4,63	2,51
Подчиненность	3,60	2,37	4,03	2,69
Зависимость	3,82	2,06	3,98	2,17
Дружелюбие	5,41	2,49	5,77	2,62
Альтруизм	4,46	2,62	4,58	3,06

Примечание: жирным шрифтом выделены различия между данными по группам испытуемых, значимые по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; в остальных парах показателей статистически значимых различий нет.

Результаты сравнения групп по тесту «Авторитарный стереотип». Были проведены процедуры по измерению характерологических особенностей испытуемых, различающихся по степени выраженности авторитарного стереотипа в целом и по отдельным уровням социальных отношений: межличностному, организационному, политическому (см. таблицу 7).

Сравнительные данные, полученные по методике ДМО, вполне адекватно характеризуют авторитарно настроенную личность. Традиционно трактуемые как индикаторы лидерских и авторитарных стремлений шкалы 1-3 опросника четко обнаруживают в этой группе высокие значения. По шкалам «властный-лидирующий» (доминирование), «независимый-доминирующий» (эгоистичность), «прямолинейный-агрессивный» (агрессивность), результаты авторитарной группы значимо выше соответствующих показателей у среднеавторитарной группы. То есть, для представителей авторитарной группы, в большей степени, чем для остальных, ха-

рактены тенденции к лидерству и превосходству, независимости, упрямству, требовательности и прямолинейности.

Таблица 7

Средние значения по шкалам теста ДМО испытуемых с разной степенью выраженности авторитарного стереотипа

Показатели	Средний уровень авторитарности				Высокий уровень авторитарности			
	Все уровни	МУ	ОУ	ПУ	Все уровни	МУ	ОУ	ПУ
Доминирован.	5,29	5,25	5,31	5,30	6,31	6,47	6,22	5,74
Эгоистичность	4,55	4,51	4,57	4,53	5,65	5,66	5,24	5,15
Агрессивность	4,58	4,51	<u>4,60</u>	4,52	5,29	5,59	5,09	5,13
Подозрительн.	4,13	4,06	4,15	3,99	4,04	4,43	4,12	4,55
Подчиненность	3,68	<u>3,76</u>	3,64	3,70	3,66	3,09	3,65	3,65
Зависимость	3,88	3,90	3,88	3,86	3,65	3,59	3,88	3,79
Дружелюбие	5,52	5,52	5,57	5,51	5,16	5,27	5,22	5,41
Альтруизм	4,52	4,54	4,57	4,49	4,15	4,19	4,31	4,50

Примечание. 1) МУ – межличностный уровень, ОУ – организационный уровень, ПУ – политический уровень; 2) Жирным шрифтом выделены различия между данными по группам испытуемых, значимые по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различия, значимые на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Данные по интегральному показателю близки к тем, которые были получены при группировке на основе F-шкалы, но нельзя не заметить и двух отличий. Во-первых, теперь мы видим статистически значимое повышение показателя в авторитарной группе не по шкале подозрительности, а по шкале эгоистичности. Нам трудно дать этому обстоятельству удовлетворительное объяснение. Во-вторых, из таблицы 7 видно, что в данном случае в группе авторитарных наблюдаются не повышенные, а пониженные показатели по обратным шкалам теста ДМО (особенно по последним двум). Это может говорить о том, что разработанная нами методика имеет некоторые отличия от теста Т. Адорно, которые требуют дополнительного изучения.

В целом же, полученные результаты недвусмысленно указывают на то, что для лиц со склонностью к авторитарному стереотипу и авторитарным установкам типичны повышенные показатели по «активным» шкалам теста ДМО. Таким образом, можно говорить о наличии определенных связей между степенью выраженности авторитарного стереотипа и некоторыми особенностями личности, проявляющимися в межличностных взаимодействиях, такими как тенденции к доминированию, власти, агрессии.

Поскольку тест ДМО ориентирован на измерение психологических тенденций, проявляющихся в межличностной сфере, мы ожидали, что он выявит наибольшие различия между теми испытуемыми, которые демонстрируют высокую и среднюю авторитарность именно на межличностном уровне. Эти предположения оправдались. Обратимся вновь к данным, приведенным в таблице 7.

Как видим, по вышеупомянутым шкалам теста различия между высоко- и среднеавторитарными на межличностном уровне людьми являются максимальными. Личность, у которой сформирован авторитарный стереотип в межличностном общении и отношениях, не только проявляет более выраженную тенденцию доминирования как характерологическую черту, (шкалы «доминирование», «эгоистичность», «агрессивность»), но также в большей степени избегают подчинения (индекс шкалы «подчиненность» у авторитарных равен 3,09, у среднеавторитарных 3,76; различие статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,05$). Это подтверждает адекватность нашей формулировки сущности авторитарного стереотипа, моделирующего поведение, направленное на избегание подчиненности или равенства позиций с людьми одинакового или низшего статуса.

В организационной сфере сравнение групп разного уровня авторитарности (высокий и средний уровни) показывает картину, практически совпадающую с результатами по интегральному показателю. Вновь авторитарные лица получили более высокие оценки по шкалам «доминирование», «эгои-

стичность», «агрессивность». Однако по шкале «подчиненность» результаты оказались одинаковыми. В организационной сфере подчинение является необходимым условием социальных взаимодействий, власть воспринимается скорее в инструментальном аспекте, поэтому авторитарные тенденции сочетаются с определенной готовностью уступить, подчиниться в некоторых ситуациях, если этого требуют организационные задачи.

Сравнение данных по группам на политическом уровне выявило характерологические особенности личности, которая ориентируется на авторитарный стереотип в вопросах политической власти. Повышение в группе с высокой авторитарностью показателей по шкалам “эгоистичность” и “агрессивность” повторяет тенденцию, которую мы видели на двух других уровнях и отражает наличие у авторитарной личности установок на защиту собственных интересов, враждебность и отчужденность (по шкале «доминирование» различия не обнаружилось). По сравнению с другими уровнями, появляется значимое различие по шкале “подозрительность” (в группе со средней авторитарностью значение по данному фактору равно 3,99, в группе с высокой авторитарностью – 4,55; различие статистически значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$).

Любопытно также, что результаты, полученные для данного уровня социальных отношений, полностью совпадают с обсуждавшимися выше результатами по F-шкале Т. Адорно.

Результаты корреляционного анализа. Корреляционный анализ выявил невысокие абсолютные значения коэффициентов. Однако это в значительной мере можно считать следствием большого размера (619 человек) использованной выборки. При таких ее размерах, как несложно вычислить, даже величины коэффициентов порядка 0,093-0,094 уже статистически достоверно отличаются от нуля. Полученные нами результаты представлены в таблице 8, и далее мы обращаемся к ее анализу.

Таблица 8

Корреляционная взаимосвязь авторитарности
со шкалами теста ДМО

Показатели ДМО	F-шкала	Тест «Авторитарный стереотип»			
		Все уровни	МУ	ОУ	ПУ
Доминирование	0,131	0,186	0,205	0,132	0,117
Эгоистичность	0,107	0,198	0,255	0,131	<i>0,100</i>
Агрессивность	0,174	0,188	0,203	0,116	0,145
Подозрительность	0,149	0,144	0,132	0,068	0,159
Подчиненность	0,106	-0,045	-0,104	-0,021	0,014
Зависимость	0,064	0,011	-0,025	0,041	0,003
Дружелюбие	0,104	-0,033	<i>-0,086</i>	-0,012	0,015
Альтруизм	0,046	-0,043	<i>-0,090</i>	-0,007	-0,013

Примечание. 1) МУ – межличностный уровень, ОУ – организационный уровень, ПУ – политический уровень. 2) Жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции статистически значимые на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различия, статистически значимые на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Нетрудно видеть, что выраженность авторитарных установок (F-шкала) положительно коррелирует со всеми шкалами теста ДМО (на уровне значимости $\alpha \leq 0,01$), кроме шкал зависимости и альтруизма, хотя, повторяем, абсолютные значения коэффициентов малы. Здесь вновь проявляется тот факт, что авторитарность в интерпретации Т. Адорно связана как с авторитарным доминированием, подозрительностью и агрессивными импульсами, так и с авторитарным подчинением, конформностью. Таким образом, полученные эмпирические данные еще раз заставляют обратить внимание на сложность и амбивалентность авторитарных диспозиций, в которых объединяются, на первый взгляд, несовместимые тенденции личности.

Наиболее высока корреляция по шкале агрессивности. По материалам Л.М. Собчик [110] «прямолинейно-агрессивный» тип межличностных отношений (преобладание показателей

III октанта) обнаруживает близость к таким характеристикам, как ригидность установок, спонтанность, упорство в достижении цели, практицизм, повышенное чувство справедливости, сочетающееся с убежденностью в собственной правоте, легко загорающееся чувство враждебности при противодействии и критике в свой адрес, непосредственность и прямолинейность в высказываниях и поступках, повышенная обидчивость, легко угасающая в комфортной ситуации, не ущемляющей престиж личности испытуемого. Полученные эмпирические данные в целом соответствуют классическим определениям авторитарности, представленным в работах Т. Адорно, Э. Фромма, А. Адлера и других авторов.

При анализе коэффициентов корреляции, полученных по результатам измерения связи между данными по тесту «Авторитарный стереотип» и шкалами теста ДМО видно, что общая авторитарность оказалась положительно связанной с характерологическими чертами, отражающими тенденции к власти и превосходству: шкалы «доминирование», «эгоистичность», «агрессивность» и «подозрительность» (во всех случаях r статистически значимо на уровне $\alpha \leq 0,001$).

Учитывая, что шкала «подозрительность» рассматривалась Т. Лири как комплекс стремлений к агрессии и подчинению [167], корреляцию с ней можно интерпретировать как проявление амбивалентности мотивационной структуры авторитарности, включающей противоречащие друг другу стремление к господству и латентную готовность подчиниться сильной личности, доминирующей социальной группе. Средние значения по шкале «подозрительность» теста ДМО не связаны с результатами по нашей методике только на уровне организационных взаимодействий, что можно интерпретировать как следствие специфической содержательной избирательности субшкалы организационного уровня: очевидно, чем выше авторитарность на уровне организационных взаимодействий, тем в большей степени проявляется идентификация скорее с ролью руководителя, нежели с подчиненными.

Главное отличие результатов по F-шкале и по разработанной нами методике состоит в том, что отсутствуют положительные (статистически значимые) корреляционные связи между выраженностью авторитарного стереотипа и обратными шкалами теста ДМО. Более того, мы видим, что на межличностном уровне имеются отрицательные связи между авторитарностью и значениями по шкалам теста ДМО «подчиненность», «дружелюбие» и «альтруизм». Очевидно, на межличностном уровне поведение субъектов общения подчиняется особым закономерностям, по отношению к которым другие уровни (организационный и политический) оказываются нечувствительными. В межличностном общении характеры личностей проявляются особенно ярко, чувства персонифицированы, субъекты взаимодействия, как правило, непосредственно контактируют друг с другом. Не случайно межличностные отношения часто обозначают как «эмоциональные отношения». Известно также, что в малых группах социальное сравнение, соперничество проявляются наиболее интенсивно. Позиционируя себя в качестве высокостатусного субъекта, индивид мотивирован тем, чтобы избежать проявления подчиненности, конформности, альтруизма – качеств, которые в авторитарной культуре воспринимаются как проявление слабости.

Шкала «зависимость» теста ДМО оказалась единственной, которая не имеет статистически значимых коэффициентов корреляции с авторитарным стереотипом и авторитарными установками. Возможно, дело в том, что она и в самом тесте занимает несколько неопределенное положение, накладываясь на шкалу подчиненности и не имея четко выраженной противоположной шкалы. Как бы то ни было, мы не считаем этот вопрос существенным для своего исследования.

Гораздо важнее еще раз обратить внимание на различия между F-шкалой и нашей методикой, о которых мы уже упоминали выше. Нетрудно видеть, что разработанный нами опросник несколько иначе коррелирует со шкалами теста ДМО: он имеет (в целом и на межличностном уровне особенно) бо-

лее высокие коэффициенты корреляции с первыми четырьмя («активными») шкалами последнего теста, а с другими его шкалами либо не коррелирует вообще, либо имеет отрицательные связи. F-шкала же демонстрирует слабые положительные корреляционные связи со всеми шкалами теста ДМО. Для корректного объяснения этих различий требуются дополнительные исследования.

Завершая параграф, сделаем наиболее важный, с нашей точки зрения, вывод, вытекающий из представленных в нем результатов. Авторитарность обнаруживает себя на разных структурных уровнях личности: на уровне мировосприятия и ментальности в форме авторитарного стереотипа социального познания и поведения, на уровне характера – в качестве устойчивых личностных черт. Между тем и другим (ментальностью и характером), таким образом, обнаруживаются тесные связи, по крайней мере, в том аспекте, который рассматривается в данной работе.

3.5. Связь авторитарного стереотипа с особенностями структуры ценностей личности

Для изучения структуры ценностей испытуемых мы использовали методику Б.С. Алишева, краткое описание которой дано в параграфе 3.1. Напомним, что она основывается на идее о трех независимых ценностных «пространствах» (первичные функциональные ценности, ценности – сферы жизнедеятельности, ценности – способы жизнедеятельности), которые пронизываются основным ценностным отношением в континууме «Я – не Я». Нас наиболее интересовали ценности, связанные с властным аспектом социальных отношений: мощь и статус. Первая из них входит в группу первичных функциональных ценностей, а вторая – в группу ценностей – способов жизнедеятельности. Основной задачей в данном параграфе является выявление ценностных различий между испытуемыми с высоким и средним уровнем авторитарности, а также корреляционных связей между выраженностью автори-

тарного стереотипа и мерой приоритетности разных ценностей, в том числе только что названных. Однако сначала дадим общую характеристику ценностных приоритетов молодежи.

Как можно видеть из таблицы 9, мощь в обеих гендерных группах занимает последнее, седьмое место в ряду первичных функциональных ценностей; статус в иерархии ценностей – способов жизнедеятельности у юношей получил 4 ранг, у девушек – 5. Если перейти от ранговых мест к абсолютным значениям индексов, то оказывается, что между юношами и девушками существуют статистически значимые различия: юноши выше оценивают, как мощь (на уровне значимости $\alpha \leq 0,01$), так и статус ($\alpha \leq 0,05$). Эти данные не являются неожиданными и подтверждают сравнительные выводы по выраженности авторитарного стереотипа в гендерных группах. Получается, что юноши (мужчины) более склонны к власти, как на уровне слабо рефлекслируемых стереотипов, так и на сознательном (ценностном) уровне.

В таблице 9 не приведены данные по этническим группам (с ними можно ознакомиться в Приложении 3, см. таблицу 5). Это связано с тем, что ценностные различия между ними оказались минимальны. По ценностям «мощь» и «статус» они вообще отсутствуют, хотя у татар индексы несколько повышаются. Вообще, статистически значимые различия между русскими и татарами имеются только по ценностям «экономический и технический прогресс» (русские данную ценность оценили выше, чем татары; $\alpha \leq 0,05$ по t-критерию Стьюдента) и «покой» (татары больше, чем русские, ценят безопасную, спокойную жизнь без претензий, но и без постоянных усилий и трудов; $\alpha \leq 0,05$).

Данные по социальным группам (студенты ВУЗ, ССУЗ, школьники, учителя и рабочие) также не дают возможности сделать какие-то далеко идущие выводы. По наиболее важным для нас ценностям все группы демонстрируют примерно одинаковые результаты: «мощь» как ценность во всех группах занимает последнее место (в своем ценностном блоке), а

Таблица 9

Средние значения индексов приоритетности ценностей
для разных групп молодежи

Ценности	Вся выбор- ка	Муж. пол	Жен. пол	В	С	Ш	У	Р
Среда обит.	2,85	2,89	2,82	2,83	2,93	2,64	2,63	<u>3,41</u>
Жизнь чел.	3,86	3,64	4,11	3,99	3,74	4,08	3,60	3,51
Культура	2,78	<u>2,65</u>	2,92	2,83	2,32	3,14	<u>3,21</u>	2,44
Техн. прогр.	1,93	2,11	1,72	1,93	1,90	1,80	2,51	1,76
Мощь родины	2,70	2,85	2,53	2,52	2,76	2,93	2,47	2,76
Близкие	4,08	4,06	4,10	4,16	4,33	3,90	<u>3,63</u>	4,06
Личн. благоп.	2,80	2,80	2,80	2,74	3,03	<u>2,51</u>	2,95	3,04
Польза	2,74	<u>2,87</u>	2,60	2,74	2,73	2,60	2,98	2,88
Истина	3,05	3,02	3,09	2,98	2,70	<u>3,39</u>	3,19	3,19
Красота	2,41	<u>2,27</u>	2,55	2,36	2,59	2,28	2,44	2,40
Мощь	1,91	2,2	1,59	1,81	1,99	1,84	2,12	2,04
Справедл.	3,88	3,72	4,05	4,00	3,85	3,84	3,74	3,78
Свобода	3,52	<u>3,64</u>	3,38	3,64	3,50	3,50	2,77	3,87
Добро	3,49	3,27	3,73	3,47	3,65	3,56	3,75	2,84
Здоровье	3,76	3,76	3,75	3,71	3,90	3,66	3,61	3,93
Семья	4,32	4,37	4,28	4,18	4,24	4,72	<u>3,79</u>	4,50
Любовь	3,72	3,63	3,82	<u>3,95</u>	3,47	3,60	3,53	3,99
Дружба	3,13	3,07	3,20	3,16	3,30	3,23	<u>2,74</u>	2,81
Отдых	2,18	2,18	2,17	2,06	2,32	2,11	2,33	2,22
Работа	2,69	2,67	2,72	2,75	2,71	2,52	3,25	2,40
Общ. жизнь	1,20	<u>1,32</u>	1,05	1,18	1,06	1,15	1,75	1,16
Покой	1,98	<u>2,11</u>	1,84	1,60	2,14	2,12	<u>2,46</u>	2,06
Мат. блага	3,86	3,86	3,86	3,85	3,88	3,64	4,05	4,19
Гарм. отнош.	3,65	3,48	3,85	3,54	3,65	3,78	3,46	3,85
Статус	2,85	<u>2,96</u>	2,72	3,04	2,89	2,64	2,74	2,74
Разнообразиие	2,93	2,73	3,16	2,94	2,87	3,14	2,95	2,59
Саморазв.	3,47	3,55	3,38	3,80	3,22	3,52	2,86	3,44
Самоотдача	2,26	2,31	2,19	2,23	2,34	2,17	2,49	2,13

Примечание. 1) В – студенты ВУЗ, С – студенты ССУЗ, Ш – школьники, У – учителя, Р – рабочие. 2) Жирным шрифтом выделены различия между данными по группам испытуемых, значимые по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различия, значимые на уровне $\alpha \leq 0,05$ (в данной таблице индексы гендерных групп сравнивались между собой, индексы социальных групп с индексами по всей выборке).

«статус» со средними значениями индекса во всех группах находится на 4-5 местах.

Эти результаты входят в определенное противоречие с ранее проанализированными материалами. В параграфе 3.2. мы говорили о заметно повышенном общем уровне выраженности авторитарного стереотипа в исследовавшейся выборке, о характерной для многих испытуемых тенденции к анализу социальных ситуаций в понятиях доминирования-подчинения. Теперь видим иное. Объяснение, с нашей точки зрения, здесь может быть лишь одно.

На уровне сознания власть, могущество, сила, а в значительной мере и статус отвергаются как значимые ценности, но на уровне установок и стереотипов, в значительной мере неосознаваемых, они занимают важное положение во внутреннем мире личности, оказывая сильное влияние и на оценки ею социальных событий и на ее поведение.

Ценностные различия между группами испытуемых с высокой и средней авторитарностью. Сравнение испытуемых с высокой и средней авторитарностью по данным F-шкалы показало, что они отличаются друг от друга только по двум ценностным категориям. У лиц с высокими показателями оказался выше индекс ценности «семья», содержание которой было определено тестовой инструкцией как «воспитание детей, ведение домашнего хозяйства, собственность» (в группе с высокой авторитарностью 4,6 балла, в другой группе – 4,26 балла, различие значимо по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,05$). Ценность «разнообразие» (интересная жизнь, разнообразие возможностей и впечатлений) получила более высокий индекс у лиц со средними показателями по F-шкале (3 балла против 2,69 в другой группе, $\alpha \leq 0,05$).

Можно говорить о том, что ценностный мир авторитарной личности характеризуется прежде всего приверженностью традиционным семейным ценностям и тенденцией к избеганию разнообразия. Эти данные хорошо согласуются с теми предположениями и идеями, которые были положены

Т. Адорно и его коллегами в основу разрабатывавшейся ими методики.

Данные по группам испытуемых, которых мы выделили по результатам, показанным по методике «Авторитарный стереотип», приведены в таблице 10.

Сопоставление средних индексов приоритетности ценностей по выделенным группам показывает, что статистически значимых различий между ними немного, и эти различия не совпадают с теми, которые мы видели при группировке по результатам F-шкалы. Прежде всего, обратим внимание на то, что группы отличаются друг от друга по индексам приоритетности ценностей «мощь» и «статус». В группе с высоким уровнем авторитарности ценность «мощь» имеет значительно более высокий показатель, чем в группе со средней авторитарностью, приближаясь по абсолютному значению к теоретической средней, равной трем баллам, однако, даже в этой группе она не может быть причислена к наиболее приоритетным ценностям. Можно поэтому говорить о том, что тенденция к отрицанию мощи (силы, могущества) как ценности сохраняется даже у лиц, склонных к авторитарному поведению.

Таблица 10

Средние значения приоритетности ценностей у испытуемых с разной мерой выраженности авторитарного стереотипа (по интегральному показателю)

Показатели и ценности	Средняя авторитарность (N = 547)	σ	Высокая авторитарность (N = 68)	σ
Мощь	1,84	1,64	2,56	1,84
Дружба	3,18	1,24	2,68	1,16
Гармония отношений	3,71	1,58	3,12	1,39
Статус	2,77	1,56	3,46	1,32

Примечание. 1) В таблице представлены только ценности, имеющие статистически значимые различия в группах. 2) Жирным шрифтом выделены различия между данными по группам испытуемых, значимые по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; в остальных парах показателей статистически значимых различий нет.

Ценность «статус» в группе лиц с высоким уровнем авторитарности (далее для удобства будем называть их авторитарными) занимает 2-3 место в перечне ценностей – способов жизнедеятельности человека с индексом 3,46, что достоверно выше ($\alpha \leq 0,01$ по t-критерию Стьюдента) ее индекса (2,77 и 5-6 ранговая позиция) в группе лиц со средним уровнем авторитарности. Обратная направленная тенденция наблюдается при сравнении привлекательности для каждой из групп ценности «гармония отношений» (статистическая достоверность различий между высоко- и среднеавторитарными находится на уровне $\alpha \leq 0,01$). Обобщенно, можно говорить, что для авторитарных не столько важны хорошие отношения с другими людьми, ощущение общности и психологической близости с ними, сколько высокое (достойное) положение в обществе, авторитет и уважение со стороны окружающих. В подгруппе среднеавторитарных, напротив, противоположная тенденция: молодые люди, составляющие данную подгруппу, склонны выше оценивать для себя гармоничные отношения с окружающими и дружбу.

Обратим внимание также на некоторые другие различия, которые, хотя и не доходят до уровня статистической достоверности, но в совокупности являются показательными. В группе авторитарных испытуемых повышаются индексы у ценностей «экономический и технический прогресс», «личное здоровье», «отдых», «общественная жизнь», «покой». В другой группе – у ценностей «благополучие близких», «истина», «справедливость», «любовь» и «самоотдача». Очевидно, что в целом эти данные опять свидетельствуют о том, что для лиц с меньшим уровнем авторитарности характерна определенная тенденция к гармонизации социальных отношений. Для лиц же с большим уровнем авторитарности свойственно определенное противостояние социальной среде, склонность к защите собственного «Я». Отсюда повышенные индексы ценностей «мощь», «статус», а также «здоровье», «отдых», «покой». Что касается более высоких индексов у ценности «общественная жизнь», то они также могут быть следствием

повышенного внимания данной группы лиц к проблемам власти и социальной иерархии.

Сравним теперь ценностные приоритеты лиц с высокой и средней степенью авторитарности на разных уровнях взаимодействий (межличностном, организационном и политическом). Таблицы с этими данными мы вынесли в Приложение 3 (см. таблицы 6-8), и остановимся в тексте лишь на самом главном.

Межличностный уровень. Как и ожидалось, «авторитарные» выше, чем респонденты с умеренной авторитарностью, ценят «мощь» и «статус». Однако, первая из этих ценностей в обеих группах занимает последнее место в блоке первичных функциональных ценностей. В отношении ценности «статус» различия более выражены. В группе авторитарных индекс ее приоритетности выше не только по абсолютному значению (3,26 балла против 2,81 балла; $\alpha \leq 0,01$ по t-критерию Стьюдента), но и по ранговому месту. Статус в иерархии предпочтений авторитарных испытуемых занимает 3 место, у среднеавторитарных – 5 место. В целом можно сделать вывод о том, что личность, подверженная авторитарной стереотипизации в сфере межличностных взаимодействий, выше ценит статус, мощь, материальные блага, красоту и ниже справедливость, истину, гармоничные отношения, значительно ниже она склонна оценивать также самоотдачу.

Организационный уровень. Сравнение групп с разным уровнем авторитарности показывает картину, сходную с результатами по межличностному уровню. По ценностям «мощь» и «статус» результаты во многом повторяются, как по абсолютным значениям, так и по ранговым местам в соответствующих ценностных блоках. Это свидетельствует о наличии общего ядра в ценностной структуре личности авторитарного типа, проявляющегося на разных уровнях взаимодействия. Группа авторитарных более высоко ценит также «личное здоровье» (4,04 балла против 3,69; $\alpha \leq 0,05$), а группа среднеавторитарных «дружбу» (2,87 балла против 3,18 балла; $\alpha \leq 0,05$). Эти две ценности относятся к одному и тому же

блоку ценностей – сфер жизнедеятельности. Их соотношение показывает склонность к фиксации на своем «Я» у представителей авторитарной группы. Можно ожидать, что во многих ситуациях они с большей готовностью примут решение в пользу личного благополучия. С другой стороны, справедливость, гармония отношений, дружба – ценности, в значительной мере исключают авторитарность. Это объясняет повышение индексов данных ценностей в группе лиц со средним уровнем авторитарности.

Политический уровень. По ценностным предпочтениям между группами средне- и высокоавторитарных имеется значимое различие по ценности “статус”. Ее индекс значительно выше у авторитарных (3,06 против 2,78 в другой группе; $\alpha \leq 0,05$). Выше у них также индекс ценности «материальные блага» (4,16 против 3,78; $\alpha \leq 0,05$). Получается, в целом, авторитарные, так же, как и на уровне межличностных взаимодействий, более меркантильны, чем лица со средними индексами авторитарности.

У лиц со средней выраженностью авторитарного стереотипа выше индексы таких ценностей, как “дружба” (3,20 против 2,89; $\alpha \leq 0,01$) и “разнообразие” (3,00 против 2,69; $\alpha \leq 0,05$). Психологически понятно, почему идеалы демократически настроенных респондентов сильнее, чем у другой группы, связаны с данными ценностными предпочтениями: демократия ассоциируется с более уважительным отношением власти к частной жизни, плюрализмом, вариативностью жизненного самоопределения и т.п.

Корреляционный анализ по F-шкале. Полные данные корреляционного анализа на базе F-шкалы Т. Адорно приведены ниже в таблице 11. Мы остановимся лишь на важнейших результатах. Обнаружена значимая положительная связь выраженности авторитарных установок с индексами приоритетности ценностей «семья» ($r = 0,141$), «материальное благополучие» ($r = 0,111$) и отрицательная связь с ценностями «разнообразие» ($r = -0,119$) и «отдых» ($r = -0,098$). В первых трех случаях коэффициенты значимы на уровне $\alpha \leq 0,01$, в

последнем случае – на уровне $\alpha \leq 0,05$. Невысокие абсолютные значения коэффициентов корреляции связаны с большим размером выборки ($N = 619$), на которой проводились вычисления.

Нетрудно заметить, что корреляционный анализ дает почти те же результаты, что и сравнение групп с высоким и средним уровнем авторитарности по t-критерию Стьюдента (сравн. с текстом на стр. 128). Существенные особенности ценностного мира авторитарной личности заключаются, таким образом, прежде всего, в придании большей значимости семейным и материальным ценностям, прагматизме, в тенденции избегания неопределенности и разнообразия (в стремлении к стабильности, определенности).

Корреляционный анализ по тесту «Авторитарный стереотип». Корреляционный анализ показал наличие ряда значимых положительных связей между мерой авторитарности (как в целом, так и на отдельных уровнях социальных отношений) и индексами предпочтительности отдельных ценностей. Все необходимые для дальнейшего анализа коэффициенты корреляции приведены в таблице 11. Как видно из нее, наибольшее количество статистически значимых корреляций с различными ценностями имеют интегральный показатель выраженности авторитарного стереотипа и показатели межличностного и организационного уровней. Авторитарность на политическом уровне имеет очень слабые корреляции с ценностями: две отрицательные (ценности «дружба» и «разнообразие») и одну положительную с низким абсолютным значением («материальные блага»).

Эти данные вынуждают нас вновь обратиться к давно и часто обсуждающемуся вопросу о корнях российского авторитарного политического менталитета. Очевидно, что он глубоко укоренен в психологии и культуре народа, настолько глубоко, что в значительной мере не рефлексивируется, существует вопреки устремлениям сознания (и потому неизбежно вызывает необходимость вытеснения, рационализации и т.д.) и, возможно, представляет собой некое целостное и самостоятельное психо-культурное образование.

Таблица 11

Корреляционные связи между показателями авторитарности и индексами приоритетности ценностей

Ценности	Все уровни	МУ	ОУ	ПУ	F-шкала
Среда	-0,055	-0,027	-0,052	-0,052	0,017
Жизнь челов.	-0,066	-0,143	-0,022	-0,001	-0,003
Культура	<u>-0,093</u>	-0,060	-0,117	-0,038	0,005
Техн. прогр.	0,053	<u>0,088</u>	0,041	-0,002	-0,050
Мощь родины	0,104	<u>0,102</u>	<u>0,094</u>	0,055	0,008
Близкие	-0,048	-0,047	-0,065	0,003	0,040
Личн. благоп.	<u>0,100</u>	<u>0,083</u>	0,117	0,034	-0,017
Польза	0,057	0,021	0,057	0,058	0,043
Истина	-0,112	-0,117	-0,136	-0,008	0,027
Красота	0,049	0,059	0,060	-0,005	-0,047
Мощь	0,200	0,250	0,166	0,066	-0,015
Справедлив.	-0,142	-0,189	-0,149	0,001	0,045
Свобода	-0,028	0,006	-0,019	-0,055	-0,048
Добро	-0,053	-0,071	-0,005	-0,060	0,005
Здоровье	0,060	0,049	0,068	0,024	0,066
Семья	-0,013	-0,054	-0,009	0,032	0,141
Любовь	<u>-0,101</u>	-0,054	-0,131	-0,048	-0,038
Дружба	-0,121	-0,111	<u>-0,087</u>	<u>-0,099</u>	-0,014
Отдых	0,057	0,053	0,040	0,047	<u>-0,098</u>
Работа	0,005	0,035	0,001	-0,022	-0,043
Общ. жизнь	0,109	<u>0,080</u>	0,120	0,058	-0,032
Покой	0,062	0,063	0,062	0,024	0,006
Мат. блага	<u>0,098</u>	0,103	0,058	<u>0,080</u>	0,111
Гарм. отнош.	-0,141	-0,157	-0,159	-0,014	0,037
Статус	0,183	0,223	0,145	0,076	0,003
Разнообразие	<u>-0,089</u>	<u>-0,079</u>	-0,057	<u>-0,083</u>	-0,119
Саморазвитие	-0,055	-0,070	-0,019	-0,050	-0,017
Самоотдача	-0,068	<u>-0,091</u>	-0,035	-0,042	-0,032

Примечание. 1) МУ – межличностный уровень, ОУ – организационный уровень, ПУ – политический уровень. 2) Жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции, статистически достоверные на уровне $\alpha \leq 0,01$, курсивом выделены коэффициенты корреляции, достоверные на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Интегральный показатель выраженности авторитарного стереотипа положительно коррелирует со следующими ценностями (в порядке убывания абсолютных значений коэффициентов): «мощь», «статус», «общественная жизнь», «мощь и процветание родины», «личное благополучие», «материальные блага», – причем, две первые заметно выделяются по абсолютным значениям коэффициентов корреляции. Статистически значимые отрицательные связи имеются с ценностями (в порядке возрастания абсолютных значений): «разнообразие жизни», «развитие культуры и нравственности», «любовь», «истина», «дружба», «гармония отношений», «справедливость». Таким образом, склонность к авторитарному стереотипу сочетается с тенденцией принятия власти (мощи) и превосходства (статуса) как значимых ценностей, с меркантильными интересами и желанием видеть свою страну могущественной державой. Чем выше значения авторитарности, тем сильнее отрицаются духовно-нравственные ценности, ценности гармонии, дружбы и социальной справедливости.

На межличностном уровне к положительным корреляционным связям добавляется связь авторитарности с ценностью «экономический и технический прогресс», а абсолютные значения коэффициентов корреляции с ценностями «мощь» и «статус» заметно повышаются. Отрицательные связи с авторитарностью появляются у ценностей «жизнь человека» и «самоотдача»; резко повышаются абсолютные значения отрицательных связей с ценностями «справедливость» и «гармония отношений». В то же время, исчезают значимые отрицательные связи с ценностями «развитие культуры и нравственности» и «любовь». Последнее можно объяснить тем, что любовь – это именно межличностный феномен, и в молодости она важна для всех независимо от уровня межличностной авторитарности.

На организационном уровне в корреляционных связях между авторитарностью и приоритетностью различных ценностей в целом наблюдаются те же тенденции, которые мы уже обсудили. Отличия состоят лишь в изменении абсолют-

ных значений (но не знаков) отдельных коэффициентов. В частности за рамки статистической значимости «уходят» коэффициенты корреляции организационной авторитарности с ценностями «материальные блага» и «разнообразие жизни», заметно усиливается отрицательная связь с ценностью «любовь».

Заканчивая анализ связей между авторитарным стереотипом личности и структурой ее ценностей, подведем некоторые итоги. Очевидно, во-первых, что для личности с выраженным авторитарным стереотипом характерно наличие некоторых типичных особенностей в структуре ценностей. Такое «ценностное ядро» образуется ценностями «мощь», «статус», «личное благополучие», «материальные блага», «мощь и процветание родины», «общественная жизнь». Среди них только ценность «материальные блага» имеет общие высокие индексы приоритетности; индексы приоритетности ценностей «статус», «личное благополучие» и «мощь родины» находятся на среднем уровне; у ценностей «мощь» и особенно «общественная жизнь» индексы являются низкими.

Низкая приоритетность мощи как ценности во многом обусловлена фактором социальной желательности. Это связано с ярко выраженной социальной направленностью альтернативных ценностей, входящих в блок первичных функциональных ценностей: справедливости, свободы, добра. Одновременно, по-видимому, мощь (сила) ассоциируется с властью, господством над людьми и, следовательно, с чем-то «плохим», опасным, осуждаемым людьми.

Б.С. Алишев отмечает наличие глубокой связи между ценностями справедливости и свободы, с одной стороны, и «мощью», с другой. Свобода в радикальном понимании есть независимость от всех обстоятельств, форма господства над ними вследствие преобладания собственной мощи над их мощью. Представление о справедливости также возникает вследствие понимания человеком иерархичности социальных отношений, то есть неравномерного распределения мощи, и субъективно может восприниматься как справедливость «для

меня», справедливость «для других», справедливость «для всех» [12, с.190-191].

Эти соображения говорят о необходимости дополнительных исследований личностных ценностей для выявления действительного отношения к мощи (власти) и статусу с применением измерительных процедур, позволяющих минимизировать влияние фактора социальной желательности. Вопрос требует дальнейшего изучения также в связи с тем, что трактовка содержания таких ценностных понятий, как «мощь», «статус», «справедливость» и других неоднозначно у разных людей: каждый вкладывает в них свой смысл, в связи с чем одинаковые у двух испытуемых индексы приоритетности какой-либо из этих ценностей могут сочетаться с разным пониманием их смысла.

К этому нужно добавить, что использованный нами тест ценностных предпочтений, как и множество других, прозрачных для испытуемого, тестов, строго говоря, измеряет не столько глубинные ценностные предпочтения, сколько рационально выбираемые приоритеты. Испытуемые в методике каждый раз делают выбор между ценностными категориями, к большинству из которых традиционная культура давно сформировала определенное и хорошо известное ее носителям отношение. Это несомненно влияет на результат.

Завершая анализ корреляционных связей, обратим внимание на общую матрицу интеркорреляций по всем измерявшимся в нашем исследовании параметрам. У нас нет возможности привести ее в тексте по причине больших размеров (более 40 переменных). Поэтому дадим лишь «выжимку» из этой матрицы, в которой показаны только статистически значимые корреляционные связи интегрального показателя выраженности авторитарного стереотипа с другими переменными (см. таблицу 12).

Она в сочетании с результатами по тесту ТАТ позволяет дать описание внутреннего мира и некоторых характерологических качеств личности с выраженными авторитарными стереотипами социального познания и поведения.

Таблица 12

Статистически значимые связи между интегральным показателем выраженности авторитарного стереотипа и другими переменными

Переменные	r
Шкалы теста «Авторитарный стерео-	
Межличностная авторитарность	0,802
Организационная авторитарность	0,842
Политическая авторитарность	0,774
F-шкала	0,547
Шкалы теста ДМО	
Доминирование	0,186
Эгоистичность	0,198
Агрессивность	0,188
Подозрительность	0,144
Ценности	
Мощь	0,200
Статус	0,183
Общественная жизнь	0,109
Мощь и процветание родины	0,104
Личное благополучие	<u>0,100</u>
Материальные блага	<u>0,098</u>
Разнообразие жизни	<u>-0,089</u>
Развитие культуры и нравственности	<u>-0,093</u>
Любовь	<u>-0,101</u>
Истина	-0,112
Дружба	-0,121
Гармония отношений	-0,141
Справедливость	-0,142

Примечание: жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции, статистически достоверные на уровне $\alpha \leq 0,01$, курсивом выделены коэффициенты корреляции, достоверные на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Итак, во-первых, личность, подверженная авторитарной стереотипизации, имеет тенденцию к повышению показателей по первым четырем шкалам теста ДМО, то есть в большей степени, чем другие люди, склонна к доминированию, агрессии, эгоизму и подозрительности. Это означает, что авторитарно устроенное мировоззрение (восприятие социального мира) сочетается с соответствующими по содержанию устойчивыми характерологическими чертами.

Во-вторых, в основе самого авторитарного стереотипа, по всей видимости, лежит в большей степени имеющее бессознательный характер восприятие социальной действительности преимущественно в специфическом аспекте отношений доминирования-подчинения, то есть мир для людей, у которых такие стереотипы хорошо выражены, имеет безусловное иерархическое строение.

В-третьих, наличие у личности сформированного авторитарного стереотипа оказывает несомненное влияние на структуру ее ценностных приоритетов. Как видно из приведенной выше таблицы, у таких людей повышаются индексы приоритетности ценностей «мощь» и «статус»; также для них имеют повышенное значение «общественная жизнь» и «мощь и процветание родины», «личное благополучие» и «материальные блага». Снижаются же у них индексы приоритетности ценностей, связанных с микросоциальными отношениями («любовь», «дружба», «гармония отношений»), с социальной справедливостью и нравственностью. Кроме того, они испытывают повышенную потребность в стабильности, определенности. В сущности, это, если не законченный портрет, то более или менее отчетливый набросок, который изображает человека, ориентированного на членство в крупных и мощных социальных группах, хорошо упорядоченных, благодаря своей жесткой иерархической структуре. Эти люди достаточно меркантильны и не очень чувствительны в межличностном плане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании выявлены и проанализированы основные функции, содержание авторитарного стереотипа, психологические механизмы его реализации в процессе социального познания, социокультурные механизмы воспроизводства в ментальности общности и индивида, измерена степень приверженности современной молодежи авторитарному стереотипу.

Авторитарность рассмотрена как многоуровневая ментально-диспозиционная система, отражающая отношение личности к социальной среде с точки зрения власти, превосходства, статусно-иерархического измерения.

Предложена операционализация понятия «авторитарный стереотип восприятия», который определяется как устойчивое представление о людях, группах, социальных отношениях, основывающееся на понятиях доминирования-подчинения и статусно-ранговых различий; когнитивная схема, в соответствии с которой ценность человека определяется его местом в социальной иерархии. Авторитарный стереотип поведения – это устойчивая модель поведения, направленная на иерархизацию отношений, приобретение, сохранение, использование и демонстрацию власти и превосходства, на подчинение высокостатусному субъекту, а также на избегание подчиненности или равенства с людьми одинакового или низшего статуса.

Существующие подходы к исследованию авторитарности личности недостаточно учитывают роль авторитарного стереотипа, являющегося важной составляющей в общем контуре регуляции социального познания и поведения личности. Значимость изучения авторитарного стереотипа определяется также тем, что стереотипы в большей степени, чем установки, стабильны и нагружены связями с социокультурными факторами.

Сочетание принципов социокультурной детерминации личности и деятельностного подхода позволяет выявить

функциональное отличие социального стереотипа от установки, обосновать роль стереотипа как потенциальной цели, проявляющей тенденцию к актуализации в социальном познании. Авторитарный стереотип как особая разновидность социальных стереотипов выполняет функцию поддержания иерархического принципа организации социальных взаимодействий, замещая регулятивную функцию иерархического идеала и существуя как его превращенная форма.

Авторитарность обнаруживает себя на разных структурных и поведенческих уровнях: в ценностно-смысловой сфере личности как комплекс ценностей, ассоциированных с властью и статусно-иерархическими приоритетами; в социальном познании и поведении в форме авторитарных установок и авторитарной стереотипизации; на интегративном личностном уровне – в качестве характерологической особенности.

Результаты измерения степени выраженности авторитарного стереотипа показывают, что он широко распространен в молодежной среде на всех уровнях взаимодействий (межличностном, организационном, политическом), причем наиболее высокий уровень авторитарности характерен для политического уровня, а наиболее низкий для организационного.

Юноши демонстрируют более высокий уровень авторитарности, чем девушки, как на уровне слабо рефлекслируемых стереотипов, так и на сознательном (ценностном) уровне. Однако различия между половыми группами отсутствуют на политическом уровне, где и мужчины и женщины обнаруживают повышенную склонность к авторитаризму.

Между этническими группами (русские и татары) нет статистически значимых различий по степени приверженности авторитарному стереотипу на всех уровнях взаимодействий. В то же время, на межличностном и политическом уровнях юноши-татары более склонны к авторитарному стереотипу, чем русские юноши. Также у татар юноши по сравнению с девушками демонстрируют существенно более высокую степень приверженности авторитарному стереотипу на всех уровнях взаимодействий.

Данные, полученные с помощью ТАТ, подтвердили гипотезу о склонности людей с выраженным авторитарным стереотипом отражать ситуации социальных взаимодействий в понятиях доминирования-подчинения и статусно-ранговых различий. Для них типично восприятие социальной среды как стремящейся к господству и несущей угрозу. У лиц со средней степенью приверженности авторитарному стереотипу проявляется склонность к рефлексивному критическому анализу темы власти, господства, насилия и превосходства.

Авторитарно устроенное мировосприятие сочетается с соответствующими по содержанию устойчивыми характерологическими чертами. Это обнаружилось в том, что личность, подверженная авторитарной стереотипизации, в большей степени, чем другие люди, склонна к доминированию, агрессии, эгоизму и подозрительности. Личности, ориентирующиеся на авторитарный стереотип в межличностном общении, в своем характере проявляют не только указанные выше черты, но, кроме того, меньше склонны к подчинению, дружелюбию и альтруизму.

Приверженность авторитарному стереотипу (в целом по всем уровням) положительно связана с ценностями: мощь, мощь и процветание родной страны, личное благополучие, общественная жизнь, материальные блага, статус. Отрицательные связи имеются с ценностями: развитие культуры и нравственности, истина, справедливость, любовь, дружба, гармония отношений, разнообразие.

Подтвердилась гипотеза о двух главных специфических отличиях ценностного мира личности, склонной к авторитарному стереотипу: тяготение к полюсу «Я» и избегание маргинальности, неопределенности. Это проявляется в придании большей значимости материальным ценностям, прагматизме, в отрицании дружбы и разнообразия жизни.

Полученные данные позволяют говорить о том, что авторитарный стереотип на политическом уровне более стабилен и устойчив, чем на межличностном и, тем более, организационном. На этом уровне он мало зависит от половых, нацио-

нальных, социально-профессиональных вариаций и даже от структуры ценностных предпочтений личности.

Результаты, полученные в исследовании могут быть использованы для анализа и мониторинга процессов, происходящих на уровне общественного сознания и общей ментальности российской молодежи при решении задач социально-политического характера, в частности для прогноза динамики авторитарности населения; результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания различных курсов для студентов, обучающихся по психологическим, социологическим и, отчасти, политическим специальностям; полученные результаты и выводы применимы в деятельности социально-психологических служб предприятий, организаций и образовательных учреждений, городских социально-психологических служб при решении задач социализации молодежи.

Перспективы исследований авторитарного стереотипа (и авторитарной стереотипизации) нам видятся в углублении теоретической базы, в частности, в плане социокультурной детерминации данного явления, в изучении его специфики у старших возрастных групп, подростков, различных социальных и профессиональных групп, в выявлении его связей с другими стереотипами, различными личностными свойствами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абалакина М.А., Агеев В.С., Мак-Фарланд С. Авторитарная личность в США и СССР // Человек. – 1990. – № 6. – С. 110-118.
2. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 336 с.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
4. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: МГУ, 1990. – 240 с.
5. Агеев В.С. Стереотипизация как механизм социального восприятия // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой и Я. Яноушека. – М.: МГУ, 1987. – С. 177-188.
6. Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – С. 152-158.
7. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 95-101.
8. Адлер А. О нервическом характере. Пер. с нем. / Под ред. Э.В. Соколова. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 385 с.
9. Адлер А. Наука жить. Пер. с англ. и нем. / Сост. и общ. ред. А.А. Юдина. – Киев: Port-Royal, 1997. – 287 с.
10. Адорно Т., Сэнфорд Р.Н., Френкель-Брюнsvик Э., Левинсон Д.Дж. Исследование авторитарной личности. Пер. с англ. / Под ред. В.П. Култыгина. – М.: Серебряные нити, 2001. – 416 с.
11. Акопов Г.В. Российское сознание: историко-психологические очерки. – Самара: изд-во СамГПУ, 1999. – 74 с.
12. Алишев Б.С. Психология формирования демократической культуры студентов ССУЗ. – Казань: ИСПО РАО, 2001. – 244 с.

13. Алишев Б.С. Этнополовые различия в структуре ценностей современной молодежи // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Серия 6: Психология. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 2004. – С. 3-19.
14. Андреева Г.М. К проблематике психологии социального познания // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 15-23.
15. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 239 с.
16. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 376 с.
17. Антонюк Е.В. Представления супругов о распределении ролей и становление ролевой структуры молодой семьи: Автореф. дисс... канд. психол. наук. – М., 1992. – 24 с.
18. Анцыферова Л.И., Завалишина Д.Н., Рыбалко Е.Ф. Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1988. – С. 22-55.
19. Арентс Х. Истоки тоталитаризма. Пер. с англ. / Под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
20. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн.: Литература, 1988. – 1392 с.
21. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. – М.: МГУ, 1977. – С. 143-163.
22. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: МОДЭК, 1996. – 768 с.
23. Баязитов Р.Ф. Роль стереотипов восприятия в регуляции психических состояний субъекта социального познания // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

- Серия 6: Психология. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 2004. – С. 34-38.
24. Баязитов Р.Ф. Целеполагание как функция социального стереотипа // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Серия 6: Психология. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 2002. – С. 50-57.
 25. Бескова И.А. Как возможно творческое мышление? / Отв. ред. И.П. Меркулов. – М.: ИФ РАН, 1993. – 198 с.
 26. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Пер. с фр. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
 27. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: МГУ, 1982. – 199 с.
 28. Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. В 30 т. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
 29. Бугазов А.Х. Социально-психологический стереотип как элемент познания // Знание: семантика и прагматика. – Фрунзе: КГУ, 1991. – С. 54-62.
 30. Вартофский М. Модели. Репрезентации и научное понимание. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 506 с.
 31. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2004. – 1136 с.
 32. Галюк А.Д. Особенности представлений молодежи о жизненном успехе в современной России: Дисс... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 145с.
 33. Гоббс Т. Сочинения. Пер. с лат. и англ. / Сост. В.В. Соколов. В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
 34. Горбачева Е.И. Предметная ориентация мышления и понимание // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 78-85.
 35. Гринченко С.Н. «Суперсистемы», «суперконтуры» и «супероптимизация»: язык описания поведения иерархических структур в природе и обществе // Социальная информатика – 99. Сб. науч. тр.– М.: РАЕН, МАИ, 1999. – С. 177-189.

36. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. Пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – С. 501-541.
37. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке / Отв. ред. Кубрякова Е.С. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 32-86.
38. Дерюгин Ю.И. «Дедовщина»: социально-психологический анализ явления // Психологический журнал. – 1990. – №1. – С. 109-116.
39. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
40. Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // Социс. – 1993. – № 3. – С. 67-74.
41. Добролюбов А.И. Власть как техническая система: о трех великих социальных изобретениях человечества. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 239 с.
42. Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 51-60.
43. Дьяконова Н.А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов: Дисс... канд. психол. наук. – М., 2001. – 170 с.
44. Емельяненко А.В. Психолого-акмеологические особенности формирования мотивации власти руководителя: Дисс... канд. психол. наук. – Калуга, 2001. – 158 с.
45. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. – М.: ИП РАН, 1999. – 232 с.
46. Исследование проблем психологии творчества / Отв. ред. Пономарев Я.А. – М.: Наука. – 1983. – 336 с.
47. Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии. – 1992. – №1-2. – С. 14-21.

48. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений / Под ред. В.Д. Шадрикова. – М.: Юристь, 1998. – 440 с.
49. Келли Г. Процесс каузальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. Пер. с англ. / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: МГУ, 1984. – С. 127-137.
50. Кериг П.К. Семейный контекст: удовлетворенность супружеством, родительский стиль и речевое поведение с детьми // Вопросы психологии. – 1990. – № 1. – С. 158-164.
51. Козловская-Тельнова А.Ю. Тезаурус личностных черт как метод изучения стереотипов восприятия человека человеком. Автореф. дисс... канд. психол. наук. – М., 1995. – 24 с.
52. Коломинский Я.Л. Социальные эталоны как стабилизирующие факторы «социальной психики» // Вопросы психологии. – 1972. – № 1. – С. 99-110.
53. Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.
54. Кон И.С. Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980. – 192 с.
55. Кон И.С. Социологическая психология. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МО-ДЭК, 1999. – 560 с.
56. Королев С.А. Истоки дедовщины: двухмассовая система как технологическая модель // Философские науки. – 2003. – №6. – С. 28-40.
57. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, ИП РАН, 1997. – 432 с.
58. Куницына В.Н. Трудности межличностного общения: Автореф. дисс... док. психол. наук. – СПб, 1991. – 38 с.
59. Лабунская В.А. Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 14-22.

60. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 31-44.
61. Лейенс Ж.Ф., Дарден Б. Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии. Пер. с англ. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 128-156.
62. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – №1. – С. 13-25.
63. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
64. Липпман У. Общественное мнение. Пер. с англ. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.
65. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
66. Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дисс... канд. психол. наук. – СПб., 1998. – 18 с.
67. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. – 2002. – № 10. – С. 79-87.
68. Майерс Д. Социальная психология. Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – 688с.
69. Макиавелли Н. Сочинения. – СПб.: Кристалл, 1988. – 656 с.
70. Макушина О.П. Причины психологической зависимости от родителей в подростковом возрасте // Вопросы психологии. – 2002. – № 5. – С. 35-143.
71. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 14-25.
72. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – 414 с.

73. Масагутов Р.М., Еникополов С.Н. Показатели агрессивности у заключенных юношей с различным статусом в неформальной иерархии воспитательной колонии // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, №1. – С. 119-124.
74. Меграбян А.А. Личность и сознание (в норме и патологии). – М.: Медицина, 1978. – 176 с.
75. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура (фрагменты) / Под ред. В.Танчера. - Киев: Абрис, 1996. – 112 с.
76. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 336 с.
77. Мкртчян Г.М. Стратификации молодежи в сферах образования, занятости и потребления // Социс. – 2005. – № 2. – С. 104-113.
78. Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Менталитет и национальный характер // Социс. – 2003. – №2. – С. 45-55.
79. Московиси С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. Пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.
80. Муздыбаев К. Феноменология надежды // Психологический журнал. –1999. – Т. 20, №3. – С. 18-27.
81. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. Пер. с англ. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
82. Николаева Е.И. Тоталитаризм в семье // ЭКО: Экономика и организация промышленного производства. – Новосибирск, 1997. – № 9. – С. 152-161.
83. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. Пер. с нем. / Под ред. Г. Рачинского, Я. Бермана. – М.: ИПЧ Жанна, 1994. – 363 с.
84. Омельченко Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX-XXI в.в.: Автореф. дисс... док. социол. наук. – М., 2005. – 34 с.
85. Огурцов А.П. Национальный менталитет и история России. Материалы «круглого стола» // Вопросы филосо-

- фии. – 1994. – № 1. – С. 52.
86. Олисаева А.М. Этнопсихологические особенности социальных ролей в семье: Дисс... канд. психол. наук. – СПб., 1999. – 193 с.
 87. Панферов В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей // Вопросы психологии. – 1982. – № 5. – С. 139-141.
 88. Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 3-17.
 89. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 496 с.
 90. Положение молодежи Санкт-Петербурга. Ежегодный доклад. – СПб.: НИИКСИ СПбГУ. – 2002. – 32 с.
 91. Понукалин А.А. Психологические механизмы формирования субъективных оценочных суждений // Психологические механизмы формирования оценочных суждений. – Саратов, 1989. – С. 123-134.
 92. Понукалин А.А. Факторы детерминации человеческой деятельности. Потребность, мотив, цель. // Психические характеристики деятельности человека-оператора. – Саратов, 1985. – С. 28–44.
 93. Попов Л.М., Кашин А.П., Старшинова Т.А. Добро и зло в психологии человека. – Казань-Нижнекамск: Изд-во Казан. ун-та. – 2000. – 176 с.
 94. Психология и культура. Пер. с англ. / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
 95. Пушкарев Л.Н. Понятие «менталитет» в современной зарубежной историографии // Российская ментальность: проблемы и методы изучения. Вып. 3. – М.: РАН, 1999. – С. 78-93.
 96. Рогов М.Г., Дырин С.П. Ценностная природа директивных методов руководства на современных российских предприятиях // Служебная лестница. – 2002. – № 1. – С. 34-37.

97. Рождественская Н.А. Роль стереотипов в познании человека человеком // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 69-76.
98. Розов А.И. Стремление к превосходству как одно из основных влечений // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14, № 6 – С. 133-141.
99. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. Пер. с англ. / Под ред. Е.Н. Емельянова, В.Г. Магуна – М.: Аспект Пресс, 2000. – 429 с.
100. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
101. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.
102. Рукавишников В.О. Социология переходного периода // Социс. – 1994. – № 8-9. – С. 16-26.
103. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. – Т. 5. – Вып. 1-2. – 2003. – С. 120-139.
104. Рябченко С.А. Психологические детерминанты авторитарного и диалогического стилей педагогического общения: Дисс... канд. психол. наук. – СПб., 1994. – 157 с.
105. Самойлова В.А. Проявления и динамика авторитарного сознания в социокультурных установках городского населения // Вестник СПбГУ, Сер. 6. – Вып. 3. – 1996.
106. Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник СПбГУ, Сер. 6. – Вып. 4. – 1997.
107. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 328 с.
108. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). – М.: Механик, 1996. – 206 с.
109. Собкин В.С., Шмелев А.Г. Психосемантические исследования актуализации социально-ролевых стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 124-136.
110. Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. –

- СПб.: Речь, 2002. – 96 с.
111. Собчик Л.Н. Диагностика межличностных отношений: Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. Методическое руководство. – М., 1990. – 48 с.
 112. Солнцева Н. Авторитарная педагогика: теория и жизнь // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 64-72.
 113. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека – М.: МГУ. – 1987. – С. 242-250.
 114. Степанов С.Ю., Похмелкина Г.Ф., Колошина Т.Ю., Фролова Т.В. Принципы рефлексивной психологии педагогического творчества // Вопросы психологии. – 1991. – № 5. – С. 5-14.
 115. Субботский Е.В. Феноменальное и рациональное в сознании: борьба за доминантность // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 5. – С. 94-97.
 116. Сухих С.А., Зеленская В.В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. – Краснодар: Кубанский госуниверситет. – 1997. – 71 с.
 117. Толковый словарь живого великорусского языка / Сост. В.И. Даль; Под ред. К.В. Виноградовой. В 4-х т. Т. 1. – М.: Русский язык, 1981. – 699 с.
 118. Трусов В.П. Теории атрибуции в зарубежной социальной психологии // Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. – М.: Педагогика, 1981. – 224 с.
 119. Тюпа В.И. Диагностика ментального кризиса // Мир России. – 2002. – №1. – С. 153-165.
 120. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – С. 135-327.
 121. Февр Л. Бои за историю. Пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – 629 с.

122. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
123. Фромм Э. Бегство от свободы. Пер. с англ. / Под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1995. – 256 с.
124. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. – Мн.: Попурри, 1998. – 672 с.
125. Харламенкова Н.Е. От эффектов самоутверждения личности к его внутриличностным коррелятам: анализ психологических механизмов защиты // Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской и др. – М.: ИП РАН, 1996. – С. 108-120.
126. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Пер. с нем. – СПб.: Питер, 2002. – 224 с.
127. Шакуров Р.Х. Эмоция. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). – Казань: Центр инновационных технологий, 2001. – 180 с.
128. Шеин С.А. Диалог как основа педагогического общения // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 44-52.
129. Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. – 1971. – № 5. – С. 168-176.
130. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М.: ИП РАН; КСП+; Академический Проект, 1999. – 447 с.
131. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
132. Шмыков В.И. Индивидуальный стиль коммуникативной активности осужденных // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 3. – С. 44-52.
133. Шулындин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социс. –1999. – № 12. – С. 50-53.
134. Человек и общество: краткий энциклопедический словарь-справочник (политология) / Отв. ред. Борцов Ю.С. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 608 с.
135. Юнг К.Г. Аналитическая психология: Прошлое и на-

- стоящее. Пер. с нем. – М.: Мартис, 1995. – 309 с.
136. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1993. – 329 с.
 137. Юнг К.Г. Настоящее и будущее // Архетип. – 1996. – № 3-4. – С. 63-69.
 138. Ядов В.А. К вопросу о стереотипизации в социологии // Философские науки. – 1960. – № 2.
 139. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. – С. 89-106.
 140. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford N. The authoritarian personality. – New York: Harper and Row, 1950. – Vol. 1-2. – 980 p.
 141. Allport G. W. The nature of prejudice. – New York: Doubleday and Company. – 1958. – 496 p.
 142. Allport G.W. Attitudes // Handbook of social psychology / C. Murchison (Ed.). – Worcester, MA: Clark University Press, 1935. – P. 798-884.
 143. Altemeyer B. Enemies of freedom: Understanding right-wing authoritarianism. – San Francisco: Jossey-Bass, 1988. – 378 p.
 144. Altemeyer B. Highly dominating, highly authoritarian personalities // Journal of Social Psychology. – 2004. – Vol. 144, № 4. – P. 421-447.
 145. Altemeyer B. The authoritarian specter. Cambridge: Harvard University Press, 1996. – 384 p.
 146. Altemeyer B. The other «authoritarian personality» // Advances in Experimental Social Psychology / M. Zanna (Ed.). – San Diego: Academic Press. – 1998. –Vol. 30. – p. 47-92.
 147. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986. – 544 p.
 148. Berkowitz L., LePage A. Weapons as aggression-eliciting stimuli // Journal of Personality and Social Psychology. – 1967. – Vol. 7. – P. 202-207.

149. Dollard J., Doob L.W., Miller N.E., Mowrer O.H., Sears R.T. Frustration and Aggression. – New Haven: Yale University Press, 1939.
150. Duckitt J. Authoritarianism and group identification: A new view of an old construct // *Political Psychology*. – Vol. 10, № 1. – 1989. – P. 63-84.
151. Duckitt, J., Fisher, K. The impact of social threat on world-view and ideological attitudes // *Political Psychology*. – Vol. 24, № 1. – 2003. – P. 199-222.
152. Echebarria Echabe A., Fernandez Guede E., Gonzalez Castro J.L. Social representations and intergroup conflicts: Who's smoking here? // *European Journal of Social Psychology*. – 1994. – Vol. 24, № 3. – P. 339-355.
153. Ekehammar B., Akrami N., Gylje M., Zakrisson I. What matters most to prejudice: big Five personality, social dominance orientation, or right-wing authoritarianism? // *European Journal of Personality*. – Vol. 18, № 6. – 2004. – P. 463–482.
154. Feldman S. Enforcing social conformity: A theory of authoritarianism // *Political Psychology*. – 2003. – Vol. 24, № 1. – P. 41-74.
155. Fiske S.T. Controlling other people: The impact of power on stereotyping // *American psychologist*. – 1993. – Vol. 48. – P. 621-628.
156. Green R.J., Manzi J.R. A comparison of methodologies for uncovering the structure of racial stereotype subgrouping // *Social Behavior and Personality*. – 2002. – Vol. 30, № 7. – P. 709-728.
157. Heaven P.C.L., Bucci S. Right-Wing authoritarianism, social dominance orientation and personality: An analysis using the IPIP measure // *European Journal of Personality*. – 2001. – Vol. 15. – P. 49-56.
158. Heider F. *The Psychology of Interpersonal Relations*. – New York: Wiley, 1958. – 283 p.
159. Hogan H.W. German and American authoritarianism, self-estimated intelligence and value priorities // *Journal of Social*

- Psychology. – 1980. – Vol. 111, № 1. – P. 145-146.
160. Jackson L.A., Lewandowski D.A., Fleury R.E., Chin P.P. Effects of affect, stereotype consistency, and valence of behavior on causal attributions // *Journal of Social Psychology*. – 2001. – Vol. 141, № 1. – P. 31-48.
 161. Johnston L., Bristow M., Love N. An investigation of the link between attributional judgments and stereotype-based judgments // *European Journal of Social Psychology*. – 2000. – Vol. 30, № 4. – P. 551-568.
 162. Kardiner A., Linton R. *The individual and his society*. – New York: Columbia University Press, 1939.
 163. Keltner D., Gruenfeld D.H., Anderson C. Power, approach and inhibition // *Psychological Review*. – 2003. – Vol. 110, № 2. – P. 265-284.
 164. Klineberg O. *Tensions affecting international understanding* – New York: Social Science Research Council Bulletin, 1950. – № 62.
 165. Knafo A. Authoritarians, the next generation: Values and bullying among adolescent children of authoritarian fathers // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. – 2003. – Vol. 3, № 1. – P. 199-204.
 166. Koenig, F. Group affective stimulus value and stereotype homogeneity // *The Journal of Social Psychology*. – 1999. – Vol. 139, № 2. – P. 245-246.
 167. Leary T. *Interpersonal diagnosis of personality*. – New York: Ronald press, 1957. – 518 p.
 168. Liu J.H., Ng C.H., Loong C., Gee S., Weatherall A. Cultural stereotypes and social representations of elders from Chinese and European perspectives // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. – 2003. – Vol. 18, № 2. – P. 149-168.
 169. McFarland S.G., Ageev V.S., Abalakina-Paap M.A. Authoritarianism in the former Soviet Union // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1992. – Vol. 63, № 6. – P. 1004-1010.
 170. McKee I., Feather N. Vengeance and authoritarianism: The pattern of motivational values underlying punitive personal-

- ity types and punishment goals // Australian Journal of Psychology. – 2003. – Vol. 55. – P. 53.
171. Oesterreich D. Flight into security: A new approach and measure of the authoritarian personality // Political Psychology. – 2005. – Vol. 26, № 2. – P. 275-297.
172. Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: a personality variable predicting social and political attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. – 1994. – Vol. 67, № 4. – P. 741-762.
173. Ray J.J. Authoritarianism, dominance and assertiveness // Journal of Personality Assessment. – 1981. – Vol. 45, № 4. – P. 390-397.
174. Ray J.J. Authoritarianism research is alive and well – in Australia: A review // Psychological Record. – 1989. – Vol. 39. – P. 555-561.
175. Ray J.J. Do authoritarians hold authoritarian attitudes? // Human Relations. – 1976. – Vol. 29, № 4. – P. 307-325.
176. Rockeach M. Beliefs, attitudes and values. A theory of organization and change. – San-Francisco: Jossey Bass, 1968. – 214 p.
177. Rumelhart D.E. Schemata: The building blocks of cognition // Theoretical issues in reading comprehension. Perspectives from cognitive psychology, linguistics, artificial intelligence and education / R. Spiro, B. Bruce, W. Brewer (Eds.) – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1980. – P. 33-58.
178. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications // Journal of Personality and Social Psychology. – 1990. – Vol. 58. – P. 878-891.
179. Sidanius J., Pratto F. Social dominance: An intergroup theory of social hierarchy and oppression. – New York: Cambridge University Press, 1999. – 412 p.
180. Smith M.B. The authoritarian personality: A re-review 46 years later // Political Psychology. – 1997. – Vol. 18, № 1. – P. 159-163.
181. Stellmacher J., Petzel T. Authoritarianism as a group phe-

- nomenon // *Political Psychology*. – 2005. – Vol. 26, № 2. – P. 245-274.
182. Stone W., Smith, L. *Authoritarianism: Left and right // Strength and weakness: The authoritarian personality today / W. Stone, G. Lederer, R. Christie (Eds.)*. – New York: Springer-Verlag, 1993. – P. 144-156.
 183. Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America*. – New York: Dover, 1958.
 184. Tajfel H. *The cognitive aspect of prejudice // Journal of Social Issues*. – 1978. – Vol. 25. – P. 79-97.
 185. Tajfel H. *Social stereotypes and social groups // Intergroup behaviour / J.C. Turner, H. Giles (eds.)*. – Oxford: Basil Blackwell, 1981. – P. 144-167.
 186. Van Dijk T.A. *Social cognition and discourse // Handbook of Language and Social Psychology / H. Giles, W.P. Robinson (eds.)*. – Chichester: Wiley, 1990. – P. 163-183.
 187. Vinacke E. *Stereotypes as social concepts // Journal of Social Psychology*. – 1957. – Vol. 46. – P. 229-243.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

F-шкала Т. Адорно

Ответьте, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны со следующими ниже утверждениями. На бланке напротив каждого номера ответа обведите кружком цифру, соответствующую Вашему мнению.

Варианты ответов: 1 – полное несогласие; 2 – средняя степень несогласия; 3 – легкое несогласие; 4 – трудно сказать определенно; 5 – незначительное согласие; 6 – средняя степень согласия; 7 – полное согласие.

1. Послушание и уважение к авторитетам – одни из наиболее важных достоинств, которые должны быть сформированы у каждого ребенка.
2. Никакие трудности не могут остановить нас, если у нас достаточно силы воли.
3. Наука важна, но есть вещи, которых разум, по всей видимости, никогда не сможет объяснить.
4. Человеческая природа такова, что на Земле всегда будут войны и конфликты.
5. Каждый человек должен верить в существование сверхъестественных сил и повиноваться им, не задаваясь лишними вопросами.
6. Когда человек озабочен или волнуется, для него лучше всего не думать о проблемах, а занять себя чем-то, что может поднять ему настроение.
7. Человек, имеющий плохие манеры и привычки, едва ли может рассчитывать на то, что его будут долго терпеть в приличном обществе.
8. Современная молодежь больше всего нуждается в строгой дисциплине, железных порядках и в готовности работать, не покладая рук, на благо своей семьи и страны.
9. Некоторые люди появляются на свет с врожденной склонностью к риску.

10. Теперь, когда люди так часто вступают в контакты, а вокруг так много приезжих, нужно быть особенно осторожным, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу.
11. Оскорбление нашего достоинства ни в коем случае не должно оставаться безнаказанным.
12. Молодые нередко отстаивают революционные идеи, но с возрастом они должны отказаться от них и остепениться.
13. Сохранение политической и экономической власти в России в руках бывших руководителей и активистов КПСС помогло предотвратить хаос в стране.
14. Нашей стране смелые, самоотверженные, убежденные лидеры, которым народ мог бы доверить свою судьбу, нужны больше, чем всякие законы и политические программы.
15. Такие сексуальные преступления, как изнасилование детей, заслуживают более сурового наказания, чем просто заключение в тюрьму; таких преступников нужно публично казнить.
16. Всех людей можно разделить на сильных и слабых.
17. Вряд ли можно найти человека менее достойного, чем тот, кто не чувствует любви, благодарности и уважения к своим родителям.
18. Настанет день, когда всем станет ясно, что астрология может объяснить очень многое.
19. Сегодня все большее число людей суют нос в то, что должно оставаться личным, частным делом другого человека.
20. Возможно, войны и социальные конфликты когда-нибудь будут прекращены землетрясением или наводнением, которое уничтожит весь мир.
21. Большинство социальных проблем можно решить, если как-нибудь избавиться от безнравственных, нечестных и слабохарактерных людей.
22. Беспорядочная половая жизнь древних греков и римлян стала причиной многих негативных событий, даже таких, которые кажутся напрямую не связанными с этим.

23. Если бы люди меньше болтали и больше делали, всем жилось бы лучше.
24. Большинство людей даже не подозревает, насколько все происходящее в нашей жизни контролируется и предопределяется тайными силами.
25. Гомосексуалисты ничуть не лучше чем преступники, и их тоже нужно строго наказывать.
26. Бизнесмен и производитель гораздо важнее для общества, чем художник и профессор.
27. Нормальному, достойному человеку никогда не придет в голову причинить вред близкому другу или родственнику.
28. Фамильярность между людьми сводит на нет всякий авторитет.
29. Никто не сможет научиться чему-то действительно стоящему, если не испытает это на собственной шкуре.

Обработка результатов

Анализ данных производится путем подсчитывания средних балльных значений по всем трем уровням и отдельно по каждому уровню. Диапазон оценок от 29 до 203 баллов. Теоретическое среднее – 116 баллов. Низкие показатели авторитарности (25% от объема шкалы) устанавливаются при суммарном результате испытуемого по ответам на 29 вопросов теста от 29 до 73 баллов включительно (в среднем от 1 до 2,5 баллов). Высокие (25%) – 160 баллов и выше (от 5,5 до 7 баллов). Средний уровень – от 74 до 159 баллов (значения в диапазоне больше 2,5 и меньше 5,5 балла).

Тест «Авторитарный стереотип»

Ответьте, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны со следующими ниже утверждениями.

На бланке напротив каждого номера ответа обведите кружком цифру, соответствующую Вашему мнению.

Варианты ответов: 1 – полное несогласие; 2 – средняя степень несогласия; 3 – легкое несогласие; 4 – трудно сказать определенно; 5 – незначительное согласие; 6 – средняя степень согласия; 7 – полное согласие.

1. В семье кто-то из супругов должен быть главой и брать ответственность на себя при принятии решений.
2. Начальнику незачем отчитываться о своей работе перед подчиненными.
3. Государству нужно проводить правильную политику и наказывать тех, кто не согласен, пытается протестовать.
4. Постороннего человека, который делает замечание, нужно «ставить на место», даже если он старше.
5. Подчиненным незачем быть в курсе всех планов и замыслов руководства.
6. Нашей стране не нужны никакие политические партии; нужна сильная и стабильная власть.
7. В общении с младшими невольно возникает ощущение превосходства и власти, желание распоряжаться.
8. От подчиненных, которые постоянно спорят с начальником и выражают несогласие с ним, надо избавляться.
9. Отсутствие твердой власти угрожает любому обществу анархией, развалом экономики, упадком.
10. Стремление к власти – один из главных мотивов в жизни человека.
11. Люди всегда должны помнить на рабочих местах, кто из них начальник, а кто – подчиненный, и соответственно себя вести.
12. Сейчас нашему обществу порядок нужен в большей степени, чем демократия.

13. С поговоркой: «Если лошадь везет плохо, ее надо бить», – в основном можно согласиться.
14. Руководителю вряд ли стоит признавать свои ошибки перед подчиненными.
15. России надо укреплять свою государственную мощь, чтобы другие страны уважали и побаивались ее.
16. Менее способные и авторитетные люди должны признавать превосходство тех, кто более способен и авторитетен.
17. Нельзя допускать, чтобы подчиненные оказывали влияние на принимаемые руководителем решения.
18. Будущее человечества зависит от тех, кто обладает властью, а миллионы обычных людей никак на него не влияют.
19. В любой ситуации взаимодействия людей кто-то оказывается главным, а кто-то ведомым.
20. Чем выше место, занимаемое человеком в организации, тем с большим уважением должны относиться к нему работники.
21. Хороший вождь скорее обеспечит благосостояние народа, чем любой парламент или Дума.
22. Люди, не достигшие успехов и признания, сами в этом виноваты.
23. Рабочие и служащие в организации – люди маленькие, им незачем участвовать в обсуждении серьезных проблем.
24. Для того чтобы чего-то добиться в жизни, чрезвычайно важно входить в какую-нибудь влиятельную группу или организацию.
25. Сильные и авторитетные люди, умеющие управлять другими, всегда вызывают восхищение.
26. Поддержание дистанции между руководителем и подчиненными – обязательное условие эффективной работы.
27. В любой стране реальная власть находится в руках нескольких человек, а всякие парламенты существуют лишь для видимости.
28. Любому человеку приятно чувствовать, что окружающие его побаиваются.

29. В наше время важна не профессия и не квалификация человека, а занимаемая им должность.

30. В политике побеждает не справедливость, а сила.

Обработка результатов

К шкале межличностной авторитарности относятся пункты: 1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28.

К шкале организационной авторитарности относятся пункты: 2, 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 29.

К шкале социально-политической авторитарности относятся пункты: 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27, 30.

Анализ данных производится путем подсчитывания средних балльных значений по всем трем уровням и отдельно по каждому уровню. Диапазон оценок от 30 до 210 баллов. Теоретическое среднее – 120 баллов. Критические границы для группировки испытуемых на подгруппы с высоким, средним и низким уровнями авторитарности определялись по аналогии с правилами обработки по F-шкале. Таким образом, низкие показатели авторитарности (25% от объема шкалы) устанавливаются при суммарном результате испытуемого по ответам на 30 вопросов теста от 30 до 75 баллов включительно (в среднем от 1 до 2,5 баллов). Высокие (25%) – 165 баллов и выше (от 5,5 до 7 баллов). Средний уровень – от 76 до 164 баллов (значения в диапазоне больше 2,5 и меньше 5,5 балла).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1

Корреляции пунктов теста «Авторитарный стереотип»
(окончательный вариант) с суммарными показателями теста
(N = 100)

Пункты опросника	Значения корреляции
1	0,39
2	0,37
3	0,30
4	0,46
5	0,41
6	0,25
7	0,34
8	0,47
9	0,40
10	0,42
11	0,50
12	0,39
13	0,48
14	0,42
15	0,38
16	0,48
17	0,52
18	0,43
19	0,44
20	0,46
21	0,41
22	0,31
23	0,54
24	0,47
25	0,52
26	0,52
27	0,28
28	0,45
29	0,45
30	0,45

Примечание: коэффициент корреляции по пункту 6 статистически значим на уровне $\alpha \leq 0,05$, все остальные на уровне $\alpha \leq 0,01$.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Таблица 2

Результаты факторного анализа

Переменные	1	2	3	4	5	6	7
Все уровни	0,957						
Полит. уровень	0,794						
Орган. уровень	0,777						
Межл. уровень	0,750						
F-шкала	0,698						
Справедливость		-					
Мощь		0,550					
Гармон. отнош.		-					
Техн. прогресс		0,470					
Статус		0,430					
Жизнь человека		-					
Обществ. жизнь		0,418					
Разв. культуры			-				
Личное благоп.			0,635				
Мат. блага			0,562				
Близкие			0,512				
Истина			-				
Альтр. (ДМО)				0,757			
Дружел. (ДМО)				0,757			
Завис. (ДМО)				0,711			
Подчин. (ДМО)				0,503			
Агресс. (ДМО)					0,676		
Эгоист. (ДМО)					0,634		
Подозр. (ДМО)					0,529		
Домин. (ДМО)					0,523		
Любовь						-	
Польза						0,516	
Красота						-	
Работа						0,453	
Разнообразие						-	
Отдых							0,636
Семья							-
Покой							0,446

Таблица 3

Численность и состав групп с разной степенью выраженности авторитарного стереотипа (количество человек (%))

Степень выраж. авт. стерео- типа	Вся выб.	Нац.		Пол		Социальное положение				
		Рус.	Тат.	Муж.	Жен.	В	С	Ш	У	Р
МУ низкая	15 (2,4)	10 (3,4)	3 (1,1)	4 (1,2)	11 (3,7)	9 (4,4)	-	6 (4,0)	-	-
МУ средняя	513 (82,9)	238 (80,1)	236 (85,8)	262 (80,6)	251 (85,4)	162 (79,8)	119 (83,2)	125 (84,5)	52 (91,2)	55 (80,9)
МУ высокая	91 (14,7)	49 (16,5)	36 (13,1)	59 (18,2)	32 (10,9)	32 (15,8)	24 (16,8)	17 (11,5)	5 (8,8)	13 (19,1)
ОУ низкая	38 (6,1)	21 (7,0)	16 (5,8)	16 (4,9)	22 (7,5)	11 (5,4)	4 (2,8)	14 (9,5)	5 (8,8)	4 (5,9)
ОУ средняя	480 (77,6)	228 (76,8)	212 (77,1)	239 (73,55)	241 (82,0)	152 (74,9)	108 (75,5)	119 (80,4)	46 (80,7)	55 (80,9)
ОУ высокая	101 (16,3)	48 (16,2)	47 (17,1)	70 (21,55)	31 (10,5)	40 (19,7)	31 (21,7)	15 (10,1)	6 (10,5)	9 (13,2)
ПУ низкая	5 (0,8)	3 (1,0)	2 (0,7)	2 (0,6)	3 (1,0)	1 (0,5)	-	2 (1,4)	2 (3,5)	-
ПУ средняя	473 (76,4)	229 (77,1)	205 (74,6)	248 (76,3)	225 (76,5)	156 (76,8)	110 (76,9)	117 (79,0)	41 (71,9)	49 (72,1)
ПУ высокая	141 (22,8)	65 (21,9)	68 (24,7)	75 (23,1)	66 (22,5)	46 (22,7)	33 (23,1)	29 (19,6)	14 (24,6)	19 (27,9)

Примечание. 1) МУ – межличностный уровень, ОУ – организационный уровень, ПУ – политический уровень. 2) В – студенты ВУЗ, С – студенты ССУЗ, Ш – школьники, У – учителя, Р – рабочие.

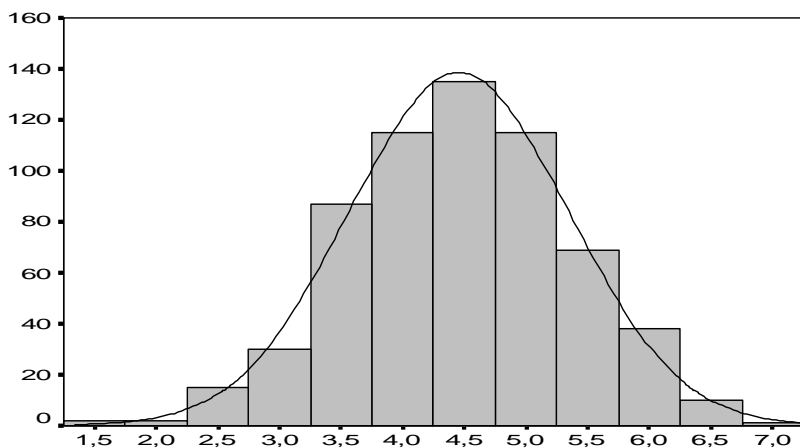

Рис. 1. Степень выраженности авторитарного стереотипа на межличностном уровне взаимодействий (по вертикали – количество людей, по горизонтали – величины индексов авторитарности).

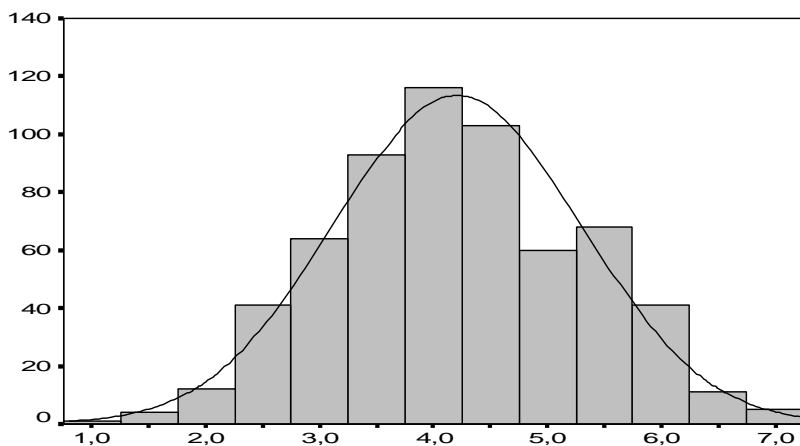

Рис. 2. Степень выраженности авторитарного стереотипа на организационном уровне взаимодействий (по вертикали – количество людей, по горизонтали – величины индексов авторитарности).

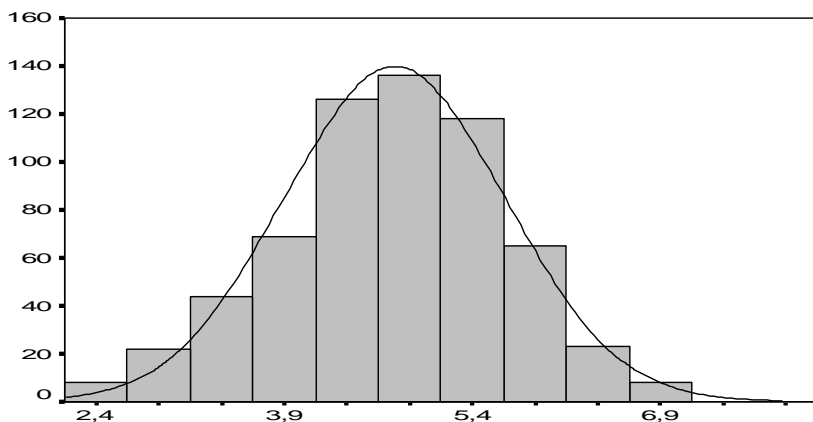

Рис. 3. Степень выраженности авторитарного стереотипа на политическом уровне взаимодействий (по вертикали – количество людей, по горизонтали – величины индексов авторитарности).

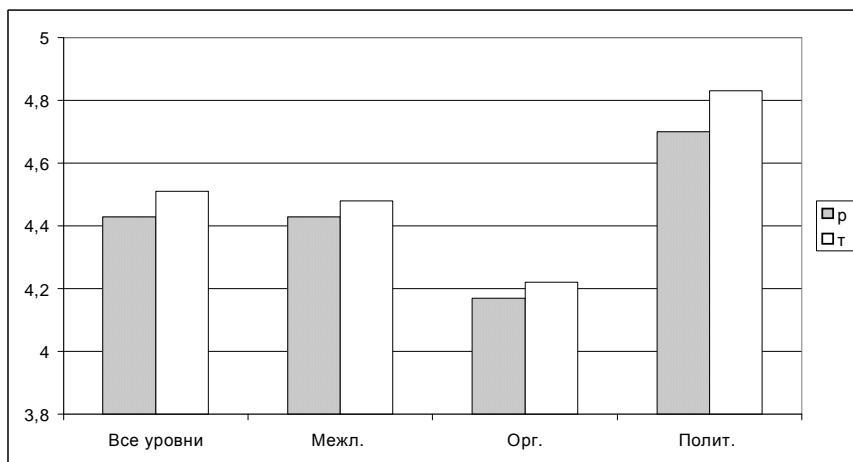

Рис. 4. Различия по степени выраженности авторитарного стереотипа между русскими и татарами.

Таблица 4

Показатели по гендерным группам внутри этнических групп по шкалам теста ДМО

Параметры	Р+Т	Р (отлич. от Т)	Т	ТМ (отлич. от ТЖ)	ТЖ (отлич. от РЖ)	РМ (отлич. от ТМ)	РЖ (отлич. от РМ)
	572 чел.	297 чел.	275 чел.	139 чел.	136 чел.	157 чел.	140 чел.
Доминир.	5,43	5,38	5,48	<u>5,90</u>	5,04	5,60	5,14
Эгоистичн.	4,67	4,77	4,57	5,21	3,92	5,16	4,33
Агресссив.	4,63	4,74	4,50	4,66	4,34	4,85	4,62
Подозрит.	4,10	4,09	4,11	3,95	4,27	<i>3,81</i>	<i>4,41</i>
Подчинен.	3,67	3,68	3,67	3,43	3,90	3,64	3,74
Зависим.	3,84	3,59	4,11	4,09	<i>4,13</i>	3,64	3,54
Дружелюб.	5,51	5,58	5,44	5,24	5,65	5,38	5,81
Альтруизм	4,54	4,50	4,58	4,65	4,51	4,38	4,63

Примечание. 1) Р – русские, Т – татары, М – лица мужского пола, Ж – женского пола). 2) Жирным шрифтом выделены значения, соответствующие различию между данными по группам испытуемых, значимому по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различию, значимому на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Таблица 5

Структура ценностей по этническим и гендерным группам

Ценности	P+T	Р (отличие от Т)	Т	ТМ (отличие от ТЖ)	ТЖ (отличие от РЖ)	РМ (отличие от ТМ)	РЖ (отличие от РМ)
	572 чел.	297 чел.	275 чел.	139 чел.	136 чел.	157 чел.	140 чел.
Среда обитания	2,86	2,79	2,92	3,05	2,79	2,74	2,86
Жизнь человека	3,86	3,8	3,92	3,66	4,18	3,59	4,04
Культура	2,73	2,82	2,64	2,6	<u>2,68</u>	2,59	3,08
Технич. прогр.	1,9	<u>2,02</u>	1,77	1,9	1,64	<u>2,3</u>	1,71
Мощь родины	2,67	2,67	2,67	2,78	2,57	2,86	<u>2,46</u>
Благоп. близк.	4,14	4,13	4,15	4,15	4,15	4,1	4,16
Личное благоп.	2,84	2,76	2,92	2,86	2,99	2,82	2,69
Польза	2,75	2,66	2,84	2,88	<u>2,79</u>	2,86	<u>2,44</u>
Истина	3,05	3,15	2,95	2,92	2,97	3,1	3,21
Красота	2,39	2,43	2,34	2,3	2,38	2,24	<u>2,66</u>
Мощь	1,9	1,79	2,02	2,37	1,66	2,1	1,45
Справедлив.	3,89	3,98	3,79	3,54	4,05	3,85	4,14
Свобода	3,53	3,58	3,48	3,59	3,38	3,72	3,43
Добро	3,48	3,39	3,58	<u>3,4</u>	3,77	3,13	3,68
Здоровье	3,78	3,73	3,82	3,76	3,88	3,78	3,69
Семья	4,29	4,29	4,3	4,35	4,24	4,32	4,25
Любовь	3,75	3,86	3,63	3,64	<u>3,63</u>	3,73	4
Дружба	3,11	3,12	3,1	3,08	<u>3,12</u>	2,99	3,26
Отдых	2,19	2,09	2,3	2,32	2,28	2,1	2,09
Работа	2,7	2,77	2,62	2,5	2,75	2,81	2,74
Общ. жизнь	1,18	1,13	1,23	1,35	1,1	1,27	<u>0,97</u>
Покой	1,98	<u>1,84</u>	2,13	2,2	<u>2,07</u>	2,04	<u>1,6</u>
Мат. блага	3,88	3,95	3,81	3,74	3,89	4,01	3,89
Гарм. отнош.	3,67	3,74	3,59	3,53	3,65	3,41	4,12
Статус	2,84	2,79	2,88	2,99	2,78	2,93	2,64
Разнообразие	2,91	2,91	2,91	2,78	3,04	2,62	3,22
Саморазвитие	3,46	3,49	3,43	3,53	3,32	3,59	3,38
Самоотдача	2,26	2,28	2,24	2,24	2,25	2,39	2,16

Примечание. 1) Р – русские, Т – татары, М – лица мужского пола, Ж – лица женского пола. 2) Жирным шрифтом выделены значения, соответствующие различию между данными по группам испытуемых, значимому по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различию, значимому на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Таблица 6

Средние значения приоритетности ценностей у испытуемых с разной мерой выраженности авторитарного стереотипа на межличностном уровне взаимодействий

Ценности	Низкая авторитарн. (N = 15) (отличие от группы со средней авторитарн.)	σ	Средняя авторитарн. (N = 513) (отличие от группы с высокой авторитарн.)	σ	Высокая авторитарн. (N = 91) (отличие от группы с низкой авторитарн.)	σ
Истина	2,80	1,61	<u>3,11</u>	1,51	2,77	1,43
Красота	2,40	1,45	<u>2,34</u>	1,58	2,77	1,71
Мощь	1,13	1,64	1,83	1,61	2,52	1,86
Справедливость	4,53	1,30	3,94	1,42	3,43	1,35
Свобода	4,40	1,12	3,47	1,51	<u>3,64</u>	1,57
Обществ. жизнь	<u>0,40</u>	0,91	1,21	1,32	<u>1,26</u>	1,41
Мат. блага	4,13	1,73	<u>3,80</u>	1,57	4,16	1,54
Гарм. отнош.	4,07	1,49	<u>3,69</u>	1,58	3,34	1,44
Статус	<u>1,73</u>	1,62	2,81	1,56	3,26	1,34
Самоотдача	2,73	1,49	<u>2,30</u>	1,63	1,95	1,52

Примечание. 1) В таблице представлены только ценности, по которым имеются статистически значимые различия в группах. 2) Жирным шрифтом выделены значения, соответствующие различию между данными по группам испытуемых, значимому по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различию, значимому на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Таблица 7

Средние значения приоритетности ценностей у испытуемых с разной мерой выраженности авторитарного стереотипа на организационном уровне взаимодействий

Ценности	Низкая авторитар. (N = 38) (отличие от группы со средней авторитар.)	σ	Средняя авторитар. (N = 480) (отличие от группы с высокой авторитар.)	σ	Высокая авторитар. (N = 101) (отличие от группы с низкой авторитар.)	σ
Разв. культуры	<u>3,34</u>	1,66	2,78	1,55	<u>2,55</u>	1,61
Мощь родины	2,26	1,50	2,70	1,43	<u>2,84</u>	1,44
Близкие	<u>4,66</u>	1,34	4,05	1,58	<u>3,99</u>	1,48
Личное благоп.	2,26	1,88	2,81	1,65	<u>2,97</u>	1,88
Истина	<u>3,71</u>	1,58	3,06	1,47	2,76	1,54
Красота	<u>1,82</u>	1,41	2,43	1,60	<u>2,53</u>	1,66
Мощь	1,61	1,78	1,81	1,62	2,51	1,75
Справедливость	4,03	1,28	4,01	1,39	3,20	1,46
Здоровье	3,84	1,22	<u>3,69</u>	1,44	4,04	1,38
Дружба	3,26	1,54	<u>3,18</u>	1,23	2,87	1,18
Обществ. жизнь	<u>0,71</u>	0,98	1,19	1,31	1,39	1,49
Мат. блага	<u>3,29</u>	1,63	3,85	1,56	4,13	1,57
Гарм. отнош.	4,37	1,53	<u>3,68</u>	1,57	3,26	1,45
Статус	2,45	1,59	2,77	1,54	3,37	1,45
Саморазвитие	<u>4,05</u>	1,45	3,44	1,49	<u>3,41</u>	1,25

Примечание. 1) В таблице представлены только ценности, по которым имеются статистически значимые различия в группах. 2) Жирным шрифтом выделены значения, соответствующие различию между данными по группам испытуемых, значимому по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различию, значимому на уровне $\alpha \leq 0,05$.

Таблица 8

Средние значения приоритетности ценностей у испытуемых с разной мерой выраженности авторитарного стереотипа на политическом уровне взаимодействий

Ценности	Средняя авторитарность (N = 473)	σ	Высокая авторитарность (N = 141)	σ
Дружба	3,20	1,25	2,89	1,20
Материальные блага	<u>3,78</u>	1,56	4,16	1,58
Статус	<u>2,78</u>	1,57	3,06	1,46
Разнообразие жизни	<u>3,00</u>	1,46	2,69	1,37

Примечание. 1) В таблице представлены только ценности, по которым имеются статистически значимые различия в группах. 2) Жирным шрифтом выделены значения, соответствующие различию между данными по группам испытуемых, значимому по t-критерию Стьюдента на уровне $\alpha \leq 0,01$; курсивом – различию, значимому на уровне $\alpha \leq 0,05$.

